

Жизнь паука

Жан-Анри Фабр

The Life of the Spider

Jean-Henri Fabre

Project Gutenberg

Электронная книга проекта "Гутенберг" о жизни паука

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Жизнь паука

Автор: Жан-Анри Фабр

Переводчик: Александр Тейшейра де Маттос

Дата выхода: 1 сентября 1999 г. [Электронная книга № 1887]

Последнее обновление: 8 июня 2021 г.

Язык: Английский

Титры: Дэвид Прайс

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ЖИЗНЬ ПАУКА" ***

ЖИЗНЬ ПАУКА

ГЛАВА I: ЧЕРНОБРЮХИЙ ТАРАНТУЛ

У Паука дурная слава: для большинства из нас он олицетворяет отвратительное, ядовитое животное, которое каждый спешит раздавить ногой. Против этого итогового вердикта обозреватель противопоставляет трудолюбие зверя, его талант ткача, его коварство в охоте, его трагическую свадьбу и другие характеристики, представляющие большой интерес. Да, Паука стоит изучить, независимо от каких-либо научных соображений; но говорят, что он ядовит, и в этом его преступление и основная причина отвращения, которое он внушает нам. Ядовитый, я согласен, если под этим понимать, что животное вооружено двумя клыками, которые вызывают немедленную смерть маленьких жертв, которых оно ловит; но есть большая разница между убийством Мошки и причинением вреда человеку. Каким бы немедленным ни было его воздействие на насекомое, запутавшееся в смертельной паутине, яд паука несерьезен для нас и причиняет меньше неудобств, чем укус комара. Это, по крайней мере, то, что мы можем с уверенностью сказать в отношении подавляющего большинства Пауков наших регионов.

Тем не менее, некоторых следует опасаться; и прежде всего Мальминьятте, наводящий ужас на корсиканских крестьян. Я видел, как она устраивается в бороздах, раскладывает свою паутину и смело бросается на насекомых крупнее ее самой; я восхищался ее одеянием из черного бархата в карминово-красные крапинки; более того, я слышал самые тревожные истории, рассказываемые о ней. В окрестностях Аяччо и Бонифачо ее укус считается очень опасным, иногда смертельным. Соотечественник заявляет об этом как о факте, и врач не всегда осмеливается это отрицать. В окрестностях Пужо, недалеко от Авиньона, сборщики урожая с

ужасом говорят о *Теридионе лугубре*, {1} впервые замечен Леоном Дюфуром в горах Каталонии; по их словам, ее укус может привести к серьезным несчастным случаям. Итальянцы создали дурную репутацию тарантулу, который вызывает конвульсии и бешеные танцы у ужаленного им человека. Чтобы справиться с 'тарантизмом' - так называется болезнь, возникающая при укусе итальянского паука, - вы должны прибегнуть к музыке, единственному эффективному средству, как нам говорят. Были отмечены особые мелодии, которые быстрее всего приносят облегчение. Есть медицинская хореография, медицинская музыка. И разве мы не знаем тарантеллу, живой и ловкий танец, завещанный нам, возможно, целительским искусством калабрийского крестьянина?

Должны ли мы принимать эти странные вещи всерьез или смеяться над ними? Судя по тому немногому, что я видел, я не решаюсь высказать свое мнение. Ничто не говорит нам о том, что укус тарантула не может спровоцировать у слабых и очень впечатлительных людей нервное расстройство, от которого избавит музыка; ничто не говорит нам о том, что обильное потоотделение, возникающее в результате очень энергичного танца, вряд ли уменьшит дискомфорт, устранив причину недуга. Я далек от того, чтобы смеяться, но размышляю и задаю вопросы, когда калабрийский крестьянин рассказывает мне о своем Тарантуле, жнец из Пужо - о своем *Теридионе лугубре*, корсиканский земледелец - о своем Мальминьятте. Эти Пауки вполне могли бы заслужить, по крайней мере частично, свою ужасную репутацию.

Самый могущественный Паук в моем округе, чернобрюхий тарантул, сейчас даст нам пищу для размышлений в этой связи. Не мое дело обсуждать медицинские вопросы, меня интересуют прежде всего вопросы инстинкта; но, поскольку ядовитые клыки играют ведущую роль в военных маневрах охотниц, я расскажу об их эффектах между прочим. Повадки тарантула, его засады, его уловки, его методы убийства своей добычи - вот что составляет мою тему. В предисловии я приведу отчет Леона Дюфура, {2} один из тех отчетов, которыми я восхищался и которые во многом помогли мне сблизиться с насекомым. Ландский волшебник рассказывает нам об обычном тарантуле из Калабрии, которого он наблюдал в Испании:

'*Птицеед lycosa* предпочитает открытые места, сухие, безводные, необработанные, подверженные воздействию солнца. Обычно она живет — по крайней мере, когда становится взрослой — в подземных ходах, обычных норах, которые она роет для себя. Эти норы цилиндрической формы; они часто имеют дюйм в диаметре и уходят в землю на глубину более фута; но они не перпендикулярны. Обитательница этого кишечника доказывает, что она одновременно искусный охотник и способный инженер. Перед ней стоял вопрос не только о том, чтобы соорудить глубокое убежище, которое могло бы укрыть ее от преследования врагов: она также должна была устроить свою обсерваторию, откуда можно было бы наблюдать за своей добычей и бросаться на нее. Тарантул предусмотрел все возможные варианты: подземный ход, по сути, начинается вертикально, но на высоте четырех-пяти дюймов от поверхности он изгибается под тупым углом, образует горизонтальный поворот, а затем снова становится перпендикулярным. Именно в конце этого туннеля Тарантул выставляет себя бдительным часовым и ни на минуту не теряет из виду дверь своего жилища; именно там в тот период, когда я охотился на нее, я обычно видел эти глаза, сверкающие, как бриллианты, яркие, как кошачьи в темноте.

'Внешнее отверстие норы Тарантула обычно перекрыто шахтой, сооруженной им самим. Это подлинное произведение архитектуры, возвышающееся на целый дюйм над землей, а иногда и на два дюйма в диаметре, так что оно шире самой норы. Это последнее

обстоятельство, которое, по-видимому, было рассчитано трудолюбивым Пауком, прекрасно способствует необходимому вытягиванию ног в тот момент, когда нужно схватить добычу. Древко состоит в основном из кусочков сухого дерева, соединенных небольшим количеством глины и так искусно уложенных один над другим, что они образуют каркас прямой колонны, внутренняя часть которой представляет собой полый цилиндр. Прочность этого трубчатого здания, этой надворной постройки обеспечивается прежде всего тем фактом, что оно обшито изнутри тканью, сотканной с помощью фильер *Lycosa* {3}. Легко представить, насколько полезной должна быть эта искусно изготовленная подкладка для предотвращения оползня или деформации, для поддержания чистоты и для того, чтобы помочь ее когтям взбираться на крепость.

Я намекал, что эта надстройка над норой существовала не всегда; на самом деле, я часто наткался на норы Тарантулов без следа, возможно, потому, что она была случайно разрушена погодой, или потому, что Ликоза не всегда могла найти подходящие строительные материалы, или, наконец, потому, что архитектурный талант, возможно, проявляется только у особей, достигших финальной стадии, периода совершенства их физического и интеллектуального развития.

Одно можно сказать наверняка: у меня было множество возможностей увидеть эти шахты, эти отростки жилища Тарантула; в большем масштабе они напоминают мне трубки некоторых ручейниковых червей. Сооружая их, паукообразная преследовала более чем одну цель: она укрывает свое убежище от наводнений; она защищает его от падения инородных тел, которые, подхваченные ветром, могли бы в конечном итоге засорить его; наконец, она использует его как ловушку, предлагая мухам и другим насекомым, которых она кормит, точку выступления, на которую они садятся. Кто расскажет нам обо всех уловках, к которым прибегает эта умная и отважная охотница?

Теперь давайте поговорим кое-что о моей довольно увлекательной охоте на тарантулов. Лучший сезон для них - май и июнь. В первый раз, когда я наткнулся на норы этого Паука и обнаружил, что они населены, увидев, как она подошла к месту на втором этаже своего жилища — локтю, о котором я упоминал, — я подумал, что должен атаковать ее основными силами и безжалостно преследовать, чтобы поймать; я потратил целые часы на то, чтобы вскрыть траншею ножом длиной в фут и шириной в два дюйма, не встретив Тарантула. Я возобновил операцию в других норах, всегда с той же надеждой на успех; Мне действительно нужна была кирка, чтобы достичь своей цели, но я был слишком далеко от какого-либо жилья. Я был вынужден изменить свой план атаки и прибегнул к хитрости. Говорят, необходимость - мать изобретательности.

Мне пришлось в голову взять в качестве приманки стебелек с колоском на верхушке и осторожно подвигать им у входа в нору. Вскоре я увидел, что внимание и желания ликозы были возбуждены. Привлеченная приманкой, она размеренными шагами направилась к колоску. Я заблаговременно отодвинул его немного за пределы норы, чтобы не оставлять животному времени на размышления; и Паучиха внезапно стремглав выскочила из своего жилища, вход в которое я поспешил закрыть. Тарантул, сбитая с толку своей непривычной свободой, очень неуклюже уклонялась от моих попыток поймать; и я заставил ее залезть в бумажный пакет, который без промедления закрыл.

Иногда, подозревая ловушку или, возможно, испытывая меньшее давление от голода, она оставалась застенчивой и неподвижной на небольшом расстоянии от порога, который не

считала подходящим переступить. Ее терпение превзошло мое. В этом случае я применил следующую тактику: убедившись в положении Ликозы и направлении туннеля, я воткнул в него нож под уклоном, чтобы зайти животному сзади и отрезать ему путь к отступлению, заделав нору. Я редко терпел неудачу в своих попытках, особенно на не каменистой почве. В этих критических обстоятельствах Тарантул либо испугался и покинул свое логово на открытое место, либо упрямо оставался спиной к лезвию. Затем я резко взмахивал ножом, который отбрасывал и землю, и Ликозу на расстояние, позволяющее мне схватить ее. Применяя этот метод охоты, я иногда ловил до пятнадцати тарантулов в течение часа.

В нескольких случаях, когда Тарантул не заблуждалась относительно ловушки, которую я для нее расставлял, я был немало удивлен, когда, отодвинув черенок достаточно далеко, чтобы обвить им ее укрытие, я видел, как она более или менее презрительно играет с колоском и отталкивает его лапками, не потрудившись отступить в дальний угол своего логова.

"Крестьяне Апулии, согласно {4}, также охотятся на Тарантула, имитируя жужжание насекомого овсяным стеблем у входа в ее нору. Я цитирую отрывок:

“Ruricolæ nostri quando eas captare volunt, ad illorum latibula accedunt, tenuisque avenacæ fistulæ sonum, apum murmuri non absimilem, modulantur. Quo audito, ferox exit Tarentula ut muscas vel alia hujus modi insecta, quorum murmur esse putat, captat; captatur tamen ista a rustico insidiatore.” {5}

"Тарантул, такой ужасный на первый взгляд, особенно когда мы проникаемся мыслью, что его укус опасен, такой свирепый на вид, тем не менее, довольно легко приручаем, в чем я часто убеждался экспериментальным путем.

‘7 мая 1812 года, находясь в Валенсии, в Испании, я поймал довольно крупного самца Тарантула, не причинив ему вреда, и заточил его в стеклянную банку с бумажной крышкой, в которой прорезал люк. На дно банки я положила бумажный пакет, чтобы он служил ему обычным местом жительства. Я поставила банку на стол в своей спальне, чтобы он был под постоянным наблюдением. Вскоре он привык к неволе и в конце концов стал настолько фамиллярным, что подходил и брал из моих пальцев живую Муху, которую я ему давал. Убив свою жертву клыками своих нижних челюстей, он не удовлетворился, как большинство пауков, высасыванием ее головы: он сжевал все ее тело, запихивая его по частям в рот своими щупальцами, после чего выбросил пережеванные покровы и унес их прочь из своего жилища.

Покончив с едой, он почти всегда совершал свой туалет, который заключался в расчесывании передними конечностями своих щупалец и нижних челюстей, как внутри, так и снаружи. После этого он снова принял вид неподвижной серьезности. Вечер и ночь были временем его прогулок за границей. Я часто слышал, как он царапает бумагу пакета. Эти привычки подтверждают мнение, которое я уже высказывал в другом месте, что большинство пауков обладают способностью видеть днем и ночью, подобно кошкам.

‘28 июня мой Тарантул сбросил кожу. Это была его последняя линька, и она заметно не изменила ни цвет его одежды, ни размеры тела. 14 июля мне пришлось покинуть Валенсию; и я отсутствовал до 23-го. В течение этого времени Тарантул голодал; вернувшись, я обнаружил, что он выглядит вполне прилично. 20 августа я снова отбыл в девятидневное отсутствие, которое мой заключенный перенес без еды и без ущерба для своего здоровья. 1

октября я снова покинул Тарантула, оставив его без провизии. 21-го я был в пятидесяти милях от Валенсии и, поскольку намеревался остаться там, послал за ним слугу. Мне было жаль узнать, что его не нашли в банке, и я так и не узнал, что с ним стало.

Я закончу свои наблюдения над птицеедами кратким описанием любопытной схватки между этими животными. Однажды, когда у меня была удачная охота на этих ликозов, я выбрал двух взрослых и очень сильных самцов и собрал их вместе в широкой банке, чтобы насладиться зрелищем смертельной схватки. Обойдя несколько раз вокруг арены, стараясь избегать друг друга, они не замедлили принять воинственную позу, как будто по заданному сигналу. К моему удивлению, я увидел, как они отошли на некоторое расстояние и торжественно сели на задние лапы, чтобы взаимно подставить друг другу щит своей груди. Понаблюдав за ними лицом к лицу в течение двух минут, в течение которых они, несомненно, провоцировали друг друга взглядами, ускользавшими от моего взгляда, я увидел, как они одновременно бросились друг на друга, обвивая друг друга ногами и упрямо пытаясь укусить друг друга клыками нижних челюстей. То ли от усталости, то ли по привычке, бой был приостановлен; наступило несколько секунд перемирия; и каждый спортсмен отошел в сторону и принял свою угрожающую позу. Это обстоятельство напомнило мне, что в странных драках между кошками также бывают перерывы в боевых действиях. Но вскоре схватка между двумя моими тарантулами возобновилась с еще большей ожесточенностью. Один из них, некоторое время державший победу на волоске, наконец был повержен и получил смертельное ранение в голову. Он стал добычей завоевателя, который раскроил ему череп и пожрал его. После этой любопытной дуэли я несколько недель поддерживал жизнь победившего Тарантула.

В моем округе нет обыкновенного Тарантула, Паука, повадки которого были описаны выше Ландским волшебником; но у него есть эквивалент в виде чернобрюхого тарантула, или *Narbonne Lycosa*, вдвое меньше другого, одетого в черный бархат на нижней поверхности, особенно под брюхом, с коричневыми шевронами на брюшке и серо-белыми кольцами вокруг ног. Ее любимый дом - сухая, каменистая земля, поросшая выжженным солнцем тимьяном. В моей [ГИПЕРССЫЛКЕ {6}](#), есть около двадцати нор этого Паука. Редко я прохожу мимо одного из этих убежищ, не бросив взгляд в яму, где сверкают, как алмазы, четыре огромных глаза, четыре телескопа отшельника. Четыре других, которые намного меньше, не видны на такой глубине.

Если бы у меня было больше богатств, мне стоило бы пройти всего сотню ярдов от моего дома, на соседнее плато, которое когда-то было тенистым лесом, а сегодня превратилось в унылое уединение, где стрекошет сверчок и пшеничные колосья порхают с камня на камень. Жажда наживы опустошила землю. Поскольку за вино платили щедро, они вырубали лес, чтобы посадить виноградную лозу. Затем пришла филлоксера, виноградные лозы погибли, и некогда зеленое плоскогорье превратилось теперь в не более чем пустынный участок, где среди гальки прорастает несколько пучков выносливых трав. Эта пустошь - рай для Ликозы: за час, если понадобится, я обнаружил бы сотню нор на ограниченной территории.

Эти жилища представляют собой ямы глубиной около фута, сначала перпендикулярные, а затем загнутые в локтевом направлении. Средний диаметр - дюйм. На краю ямы стоит бордюр, сделанный из соломы, всевозможных обрывков и даже мелкой гальки размером с лесной орех. Все это хранится наместе и скрепляется шелком. Часто Паук ограничивается тем, что собирает вместе сухие травинки ближайшей травы, которые он связывает ремешками от своих фильер, не снимая травинки со стеблей; часто также он отказывается от этих строительных лесов в пользу

кладки из мелких камней. Характер бордюра определяется характером материалов, находящихся в пределах досягаемости *Lycosa*, в непосредственной близости от строительной площадки. Здесь нет выбора: все вызывает одобрение, при условии, что оно находится под рукой.

Таким образом, экономия времени приводит к тому, что составные элементы оборонительной стены сильно различаются. Высота также варьируется. Одно ограждение представляет собой башенку высотой в дюйм; другое представляет собой простой бортик. Все части прочно связаны между собой шелком; и все они имеют ту же ширину, что и подземный канал, продолжением которого они являются. Здесь нет разницы в диаметре между подземным особняком и его надворными постройками, и при открытии мы не видим платформы, которую оставляет башенка, чтобы дать свободу лапам итальянского тарантула. Работа чернобрюхого тарантула выполнена в виде колодца, увенчанного бордюром.

Когда почва землянистая и однородная, архитектурный тип свободен от препятствий, а жилище Паука представляет собой цилиндрическую трубу; но когда участок галечный, форма изменяется в соответствии с требованиями копания. Во втором случае логово часто представляет собой грубую, извилистую пещеру, вдоль внутренней стены которой через определенные промежутки времени торчат каменные блоки, которых не было в процессе раскопок. Будь то обычный или неровный, дом оштукатуривается на определенную глубину слоем шелка, который предотвращает оползание грунта и облегчает образование накипи, когда требуется срочный уход.

Багливи на своей незамысловатой латыни учит нас, как поймать Тарантула. Я стал его *rusticus insidiator*; я помахал колоском у входа в норку, чтобы имитировать жужжание пчелы и привлечь внимание Ликозы, которая выбегает, думая, что захватывает добычу. У меня этот метод не увенчался успехом. Паучиха, это правда, покидает свои отдаленные покои и поднимается немного вверх по вертикальной трубе, чтобы прислушаться к звукам у своей двери; но коварное животное вскоре чувствует ловушку; оно остается неподвижным на средней высоте и при малейшей тревоге снова спускается в галерею ответвлений, где его не видно.

Метод Леона Дюфура кажется мне лучшим, если бы он только был применим в тех условиях, в которых я нахожусь. Быстрое вонзание ножа в землю поперек норы, чтобы отрезать тарантулу путь к отступлению, когда она привлечена колоском и стоит на верхнем этаже, было бы маневром, гарантирующим успех, если бы почва была благоприятной. К сожалению, в моем случае это не так: с таким же успехом вы могли бы попробовать вонзить нож в глыбу туфа.

Становятся необходимыми другие стратегии. Вот две, которые оказались успешными: я рекомендую их будущим охотникам на тарантулов. Я засовываю в норку, как можно глубже, черенок с мясистым колоском, который Паук может откусить. Я двигаюсь, поворачиваю и переворачиваю приманку. Тарантул, когда к нему прикасается чужеродное тело, прибегает к самозащите и кусает колосок. Легкое сопротивление сообщает моим пальцам, что животное попало в ловушку и вцепилось клыками в кончик стебля. Я притягиваю ее к себе, медленно, осторожно; Паучиха тянется снизу, упираясь лапками в стену. Она приближается, она поднимается. Я прячусь, как могу, когда Паук входит в перпендикулярный туннель: если бы она увидела меня, то выпустила бы приманку и снова соскользнула вниз. Таким образом, я постепенно подвожусь к отверстию. Это трудный момент. Если я продолжу осторожное движение, Паучиха, почувствовав, что ее вытаскивают из дома, сразу же убежит обратно в дом.

Таким способом вытащить подозрительное животное невозможно. Поэтому, когда он оказывается на уровне земли, я резко дергаю. Застигнутая врасплох такой нечестной игрой, тарантул не успевает разжать хватку; схватившись за колосок, ее отбрасывает на несколько дюймов от норы. Теперь ее поимка становится легким делом. Вне собственного дома Ликоза робка, как будто напугана, и вряд ли способна убежать. Затолкать ее соломинкой в бумажный пакет - дело секунды.

Требуется некоторое терпение, чтобы подвести тарантула, укусившего коварный колосок, ко входу в нору. Следующий способ работает быстрее.: Я запасаю живых шмелей. Я помещаю одного в маленькую бутылочку с горлышком, достаточно широким, чтобы закрывать отверстие норы; и поворачиваю приспособление с наживкой над указанным отверстием. Могучая Пчела сначала порхает и жужжит вокруг своей стеклянной тюрьмы; затем, заметив нору, похожую на нору ее семьи, она без особых колебаний проникает в нее. Она поступает крайне опрометчиво: пока она спускается, Паук поднимается; и встреча происходит в перпендикулярном проходе. На несколько мгновений ухо улавливает что-то вроде песни смерти: это жужжание шмеля, протестующего против оказанного ей приема. За этим следует долгое молчание. Затем я достаю бутылку и опускаю щипцы с длинными челюстями в ямку. Я извлекаю шмеля, неподвижного, мертвого, со свисающим хоботком. Должно быть, произошла ужасная трагедия. Паук следует за ним, отказываясь отпустить столь богатую добычу. Дичь и охотницу подводят к отверстию. Иногда, проявив недоверие, Ликоза снова заходит внутрь; но стоит нам только оставить Шмеля на пороге двери или даже в нескольких дюймах от нее, чтобы увидеть, как она появляется снова, выходит из своей крепости и смело хватается свою добычу. Настал момент: дом закрыт пальцем или камешком и, как говорит Багливи, *"капитан тамеи иста русутико инсидиаторе"*, к которому я добавлю *"вспомогательная бомба"*. {7}

Целью этих методов охоты было не совсем получение тарантулов; у меня не было ни малейшего желания выращивать Паука в бутылке. Меня интересовал другой вопрос. "Вот она, - подумал я, - страстная охотница, живущая исключительно своим ремеслом". Она не готовит консервированные продукты для своего потомства; {8} она сама питается добычей, которую ловит. Она не "парализатор", {9} которая умно щадит свою добычу, чтобы оставить ей проблеск жизни и сохранять ее свежей в течение нескольких недель; она убийца, которая готовит еду из своей добычи на месте. С ней происходит не методичная вивисекция, которая уничтожает движение, не уничтожая полностью жизнь, а абсолютная смерть, настолько внезапная, насколько это возможно, которая защищает нападающего от контратак атакуемого.

Более того, ее игра, по сути, громоздкая и не всегда носит самый мирный характер. Этой Диане, попавшей в засаду в своей башне, нужна добыча, достойная ее мастерства. Большой Кузнечик с мощными челюстями; вспылчивая Оса; пчела, Шмель и другие обладатели отравленных кинжалов должны время от времени попадать в засаду. Поединок почти равный по силе оружия. Ядовитым клыкам Ликозы Оса противопоставляет свой ядовитый стилет. У кого из двух бандитов будет больше шансов? Борьба идет врукопашную. У тарантула нет второстепенных средств защиты, нет веревки, чтобы связать свою жертву, нет ловушки, чтобы подчинить ее. Когда Эпейра, или Садовый Паук, видит насекомое, запутавшееся в ее огромной вертикально стоящей паутине, она спешит и укрывает пленника веревочными сетками и шелковыми лентами целой охапкой, делая всякое сопротивление невозможным. Когда жертва надежно связана, ядовитыми клыками осторожно делается укол; затем Паук удаляется, ожидая, пока утихнут

предсмертные судороги, после чего охотница возвращается к дичи. В этих условиях серьезной опасности нет.

В случае с Ликозом работа более рискованная. У нее нет ничего, что могло бы послужить ей, кроме ее храбрости и ее клыков, и она вынуждена набрасываться на грозную добычу, овладевать ею с помощью своей ловкости, в какой-то мере уничтожать ее своим талантом быстрого убийства.

Уничтожить - вот подходящее слово: шмели, которых я извлекаю из роковой норы, являются достаточным доказательством. Как только это пронзительное жужжание, которое я назвал песнью смерти, прекращается, я напрасно спешу вставить свои щипцы: я всегда извлекаю насекомое мертвым, с отвисшим хоботком и вялыми ножками. Едва заметное подрагивание этих ножек говорит мне о том, что это труп совсем недавнего происхождения. Смерть Шмеля мгновенна. Каждый раз, когда я забираю новую жертву с этой ужасной бойни, мое удивление возрастает при виде ее внезапной неподвижности.

Тем не менее, оба животных обладают почти одинаковой силой, поскольку я выбираю своих шмелей из числа самых крупных (*Bombus hortorum* и *B. terrestris*). Их оружие почти равноценно: дротик Пчелы можно сравнить с клыками Паука; жало первой кажется мне таким же грозным, как укус второй. Как так получается, что Тарантул всегда одерживает верх, и это притом в очень коротком конфликте, из которого он выходит невредимым? С ее стороны, безусловно, должна быть какая-то хитрая стратегия. Каким бы тонким ни был ее яд, я не могу поверить, что простой инъекции его в любой момент жертвы достаточно, чтобы вызвать столь быструю катастрофу. Печально известная гремучая змея убивает не так быстро, ей требуются часы, чтобы добиться того, для чего Тарантулу не требуется и секунды. Следовательно, мы должны искать объяснение этой внезапной смерти в жизненно важной точке, на которую напал Паук, а не в вирулентности яда.

Что это за точка? Ее невозможно распознать по шмелям. Они залезают в нору; и убийство совершается вдали от посторонних глаз. Объектив также не обнаруживает никаких ран на трупе, настолько хрупким является оружие, которое их нанесло. Нужно было бы увидеть, как два противника вступают в прямое соперничество. Я часто пытался поместить Тарантула и Шмеля лицом к лицу в одну бутылку. Два животных взаимно убегают друг от друга, каждый из них так же сильно расстроен тем, что оказался в неволе, как и другой. Я держал их вместе двадцать четыре часа, без проявления агрессии с обеих сторон. Думая больше о своей тюрьме, чем о нападении друг на друга, они тянут время, как будто безразличны. Эксперимент всегда был безрезультатным. Я преуспел с пчелами и осами, но убийство было совершено ночью и ничему меня не научило. На следующее утро я обнаружил бы обоих насекомых, превратившихся в желе под жвалами Паука. Слабая добыча - это кусок во рту, который паук бережет для ночного затишья. На добычу, способную сопротивляться, в неволе не нападают. Беспокойство пленника охлаждает пыл охотника.

Арена с большой бутылкой позволяет каждой спортсменке держаться подальше от другой, вызывая уважение у своей соперницы, которую, в свою очередь, уважают. Давайте сократим списки, уменьшив объем помещения. Я помещаю шмелей и тарантулов в пробирку, в которой есть место только для одного на дне. Завязывается оживленная драка, без серьезных результатов. Если Шмель находится внизу, он ложится на спину и ногами отталкивает противника, насколько может. Я не вижу, как она обнажает свое жало. Паук тем временем,

обхватив своими длинными лапами всю окружность вольера, немного приподнимается на скользкой поверхности и отодвигается как можно дальше от своего противника. Там, неподвижная, она ожидает событий, которым вскоре мешает суетливый Шмель. Если последний занимает верхнее положение, тарантул защищает себя, подтягивая ноги, которые удерживают врага на расстоянии. Короче говоря, за исключением резких потасовок, когда два чемпиона соприкасаются, не происходит ничего, заслуживающего внимания. Смертельной дуэли на узкой арене пробирки не бывает, так же как и на более широких ристалищах, предоставляемых бутылкой. Оказавшись вдали от дома, Паук становится совершенно робким и упрямо отказывается от битвы; и Шмель, каким бы легкомысленным он ни был, не подумает нанести первый удар. Я отказываюсь от экспериментов в своем кабинете.

Мы должны отправиться прямо на место и навязать дуэль Тарантулу, который полон отваги в своей собственной цитадели. Только вместо Шмеля, который забирается в норку и скрывает свою смерть от наших глаз, необходимо подставить другого противника, менее склонного проникать под землю. В этот момент в саду, на цветах мускатника обыкновенного, в изобилии обитает одна из самых крупных и могущественных пчел, населяющих мой район, пчела-плотник (*Xylocopa violacea*), одетая в черный бархат, с крыльями из пурпурной кисеи. Ее размер, который составляет почти дюйм, превышает размер шмеля. Ее укус мучителен и вызывает опухоль, которая долго остается болезненной. У меня очень точные воспоминания на этот счет, воспоминания, которые дорого мне обошлись. Вот действительно достойный Тарантула антагонист, если мне удастся склонить Паука принять ее. Я кладу определенное количество, одну за другой, в бутылочки небольшой емкости, но с широким горлышком, способным закрывать вход в норку.

Поскольку добыча, которую я собираюсь предложить, способна внушить благоговейный страх охотнице, я выбираю из Тарантулов самых похотливых, самых смелых, тех, кого больше всего подстегивает голод. Колосовидный стебель засовывают в норку. Когда Паук сразу же спешит вверх, когда он хорошего размера, когда он смело взбирается к отверстию своего жилища, его допускают к турниру; в противном случае ему отказывают. Бутылка, украшенная пчелой-Плотником, ставится вверх дном над дверью одного из избранных. Пчела серьезно жужжит в своем стеклянном колокольчике; охотница поднимается из глубины пещеры; она на пороге, но внутри; она смотрит; она ждет. Я тоже жду. Проходят четверти, полчаса: ничего. Паучиха снова опускается: вероятно, она сочла попытку слишком опасной. Я перехожу ко второй, третьей, четвертой норе: по-прежнему ничего; охотница отказывается покидать свое логово.

Наконец-то удача улыбнулась моему терпению, которое подверглось серьезному испытанию всеми этими благоразумными отступлениями и особенно жестокой жарой собачьих дней. Паучиха внезапно выбегает из своей норы: она стала воинственной, несомненно, из-за длительного воздержания. Трагедия, которая происходит под крышкой бутылки, длится не более мгновения. Все кончено: крепкая пчелка-Плотник мертва. Куда убийца ударила ее? В этом легко убедиться: тарантул не отпустил ее, и ее клыки вонзились в загривок. Убийца обладает знанием, о котором я подозревал: она добралась до жизненно важного центра, она ужала шейные узлы насекомого своими ядовитыми клыками. Короче говоря, она укусила единственную точку, поражение которой приводит к внезапной смерти. Я был в восторге от этого убийственного умения, которое загладило волдыри, покрывшие мою кожу на солнце.

Один раз - это не обычай: одна ласточка не создает лета. То, что я только что видел, - случайность или преднамеренность? Я обращаюсь к другим Ликозам. Многие, слишком многие для моего терпения, упрямо отказываются покидать свои убежища, чтобы напасть на пчелу-Плотника. Грозная добыча слишком велика для их смелости. Разве голод, который выводит волка из леса, не выведет и Тарантула из его норы? Двое, по-видимому, более изголодавшихся, чем остальные, наконец набрасываются на Пчелу и повторяют сцену убийства у меня на глазах. Жертва, снова укушенная в шею, исключительно в шею, умирает мгновенно. Три убийства, совершенные в моем присутствии при идентичных условиях, представляют собой плоды моего эксперимента, проведенного в двух случаях с восьми часов утра до двенадцати пополудни.

Я увидел достаточно. Быстрая убийца насекомых научила меня своему ремеслу, как и парализатор{10} до нее: она показала мне, что досконально разбирается в искусстве пампасного мясника. {11} Тарантул - опытный *деснукатор*. Мне оставалось подтвердить эксперимент на открытом воздухе экспериментами в уединении моего кабинета. Поэтому я собрал целый зверинец этих ядовитых пауков, чтобы судить о вирулентности их яда и его действии по части тела, поврежденной клыками. Дюжина бутылок и пробирок была получена пленными, которых я захватил известными читателю методами. Для человека, склонного закричать при виде Паука, мой кабинет, наполненный отвратительными Ликозами, представлял бы собой весьма жуткий вид.

Хотя Тарантул презирает или, скорее, боится нападать на противника, помещенного в ее присутствии в бутылку, она без колебаний кусает то, что находится под ее клыками. Я беру ее за грудную клетку своими щипцами и подношу к ее рту животное, которое я хочу ужалить. Сразу же, если Паук еще не устал от экспериментов, поднимаются и вставляются клыки. Сначала я испытал действие укуса на пчеле-плотнике. При попадании в шею пчела погибает сразу. Это была молниеносная смерть, свидетелем которой я стал на пороге нор. При попадании в брюшко, а затем помещении в большую бутылку, которая позволяет насекомому свободно двигаться, поначалу кажется, что оно не получило серьезных повреждений. Оно порхает и жужжит. Но не проходит и получаса, как смерть становится неминуемой. Насекомое неподвижно лежит на спине или боку. Самое большее, несколько движений ног, легкая пульсация живота, продолжающаяся до утра, свидетельствуют о том, что жизнь еще не совсем ушла. Тогда все прекращается: пчела-Плотник становится трупом.

Важность этого эксперимента привлекает наше внимание. При ужалении в шею сильная Пчела умирает на месте; и пауку не приходится бояться опасностей отчаянной борьбы. Ужаленное в другое место, в брюшко, насекомое способно в течение почти получаса пользоваться своим дротиком, своими жвалами, своими лапками; и горе Ликозу, которого достает стилет. Я видел некоторых, кто, получив удар ножом в рот при укусе близко к месту укуса, умирал от раны в течение двадцати четырех часов. Следовательно, такая опасная добыча требует мгновенной смерти в результате повреждения нервных центров шеи; в противном случае жизнь охотника часто была бы под угрозой.

Отряд кузнечиков снабдил меня второй серией жертв: зелеными кузнечиками длиной с палец, большеголовой саранчой, Эфиппигерами. {12} Тот же результат следует при укусе в шею: молниеносная смерть. При ранении в другом месте, особенно в брюшной полости, испытуемый некоторое время сопротивляется. Я видел, как Кузнечик, укушенный в брюхо, крепко цеплялся в

течение пятнадцати часов за гладкую вертикальную стенку стеклянного колокола, служившего его тюрьмой. Наконец, он упал и умер. Там, где Пчела, этот нежный организм, погибает менее чем за полчаса, Кузнечик, грубое жвачное животное, каким бы он ни был, сопротивляется целый день. Отбросив в сторону эти различия, вызванные неодинаковой степенью органической чувствительности, мы подводим итог следующим образом: при укусе тарантула в шею насекомое, выбранное из числа самых крупных, погибает на месте; при укусе в другое место оно также погибает, но по прошествии времени, которое значительно различается у различных энтомологических отрядов.

Этим объясняется долгое колебание тарантула, столь утомительное для экспериментатора, когда он представляет ей у входа в нору богатую, но опасную добычу. Большинство отказывается бросаться на пчелу-Плотника. Дело в том, что добычу такого рода нельзя схватывать опрометчиво: охотница, которая пропустила свой удар, укусив наугад, сделала бы это с риском для своей жизни. Только затылок обладает желаемой уязвимостью. Противника нужно ущипнуть именно там, и нигде больше. Не уложить его сразу означало бы разозлить его и сделать более опасным, чем когда-либо. Паук прекрасно осведомлен об этом. Поэтому в надежном укрытии своего порога, готовая при необходимости быстро ретироваться, она выжидает благоприятного момента; она ждет, когда большая Пчела повернется к ней лицом, когда ее легко схватят за шею. Если это условие обеспечивает успех, она выпрыгивает и действует; если нет, устав от бурных эволюций добычи, она удаляется в дом. И это, без сомнения, причина того, что мне потребовалось два сеанса по четыре часа каждый, чтобы стать свидетелем трех убийств.

Ранее по указанию парализующих ос я сам пытался вызвать паралич, вводя каплю аммиака в грудную клетку таких насекомых, как долгоносики, бупресты, {13} и навозных жуков, чья компактная нервная система способствует этой физиологической операции. Я показал себя готовым учеником к обучению моих учителей и парализовал бупрестиса или долгоносика почти так же хорошо, как мог бы парализовать Церцерис {14}. Почему бы мне сегодня не подражать этому искусному мяснику, Тарантулу? Кончиком тонкой иглы я впрыскиваю крошечную каплю нашатырного спирта в основание черепа пчелы-плотника или Кузнечика. Насекомое погибает на месте, без каких-либо других движений, кроме диких конвульсий. При попадании едкой жидкости шейные узлы перестают выполнять свою работу; и наступает смерть. Тем не менее, эта смерть наступает не сразу; агония длится некоторое время. Эксперимент не совсем удовлетворителен с точки зрения внезапности. Почему? Потому что жидкость, которую я использую, аммиак, не может сравниться по смертельной эффективности с ядом Ликозы, довольно грозным ядом, как мы увидим.

Я заставляю Тарантула укусить за ножку молодого, уже окрепшего Воробья, готового покинуть гнездо. Вытекает капля крови; раненое место окружено красноватым кругом, который меняется на фиолетовый. Птица почти сразу же теряет способность пользоваться своей ногой, которая волочится со согнутыми пальцами; она запрыгивает на другую. Помимо этого, пациент, кажется, не очень беспокоится о своей ране; у него хороший аппетит. Мои дочери кормят его мухами, хлебными крошками, мякишем абрикоса. Он обязательно поправится, к нему вернутся силы; бедная жертва научного любопытства будет возвращена на свободу. Это желание, намерение всех нас. Двенадцать часов спустя надежда на излечение возрастает; больной охотно принимает пищу; он требует ее, если мы заставляем его ждать. Но нога все еще волочится. Я списываю это на временный паралич, который скоро пройдет. Через два дня он отказывается от

еды. Укутавшись в свой стоицизм и взъерошенные перья, Воробей сжимается в комочек, то неподвижный, то подергивающийся. Мои девочки берут его в ладони и согревают своим дыханием. Спазмы учащаются. Вдох возвещает, что все кончено. Птица мертва.

За вечерней трапезой среди нас царила некоторая прохлада. Я читаю немые упреки из-за моего эксперимента в глазах моего домашнего круга; я читаю невысказанное обвинение в жестокости повсюду вокруг меня. Смерть несчастного Воробья опечалила всю семью. Я сам не был лишен некоторых угрызений совести: достигнутый плачевный результат казался мне купленным слишком дорогой ценой. Я не из тех, кто, не моргнув глазом, разрывает живых Собак, чтобы не узнать ничего особенного.

Тем не менее, у меня хватило смелости начать все сначала, на этот раз с Крота, пойманного на грядке с салатом-латуком. Существовала опасность, что мой пленник с его истощенным желудком оставит все под сомнением, если нам придется продержат его несколько дней. Он мог умереть не от раны, а от истощения, если бы мне не удалось дать ему подходящую пищу, достаточно обильную и раздаваемую с довольно частыми интервалами. В этом случае я рисковал приписать яду то, что вполне могло быть результатом голодания. Поэтому я должен начать с того, что выясню, возможно ли было сохранить Кроту жизнь в неволе. Животное поместили в большую емкость, из которой оно не могло выбраться, и кормили разнообразной пищей из насекомых — жуков, кузнечиков, особенно цикад^[15] — которую оно с отменным аппетитом поглощало. Двадцать четыре часа такого режима убедили меня, что Крот извлекает максимум пользы из меню и доброжелательно относится к своему плену.

Я заставляю Тарантула укусить его за кончик морды. Когда Крота сажают обратно в клетку, он продолжает чесать нос своими широкими лапами. Кажется, что вещь горит, вызывает зуд. С этого момента потребляется все меньше и меньше цикад; вечером следующего дня от них вообще отказываются. Примерно через тридцать шесть часов после укуса крот умирает ночью и, конечно, не от истощения, поскольку в гнезде все еще находится полдюжины живых цикад, а также несколько жуков.

Таким образом, укус чернобрюхого тарантула опасен не только для насекомых, но и для других животных: он смертелен для Воробья, он смертелен для Крота. До какого момента мы должны обобщать? Я не знаю, потому что мои расспросы дальше не продвинулись. Тем не менее, судя по тому немногому, что я видел, мне кажется, что укус этого Паука - не случайность, к которой человек может позволить себе относиться легкомысленно. Это все, что я должен сказать врачам.

Энтомологам-философам я хочу сказать еще кое-что: я должен обратить их внимание на непревзойденные знания о насекомых-убийцах, которые соперничают с знаниями о парализаторах. Я говорю об убийцах насекомых во множественном числе, поскольку тарантул должен делиться своим смертоносным искусством с множеством других Пауков, особенно с теми, кто охотится без сетей. Эти насекомые-убийцы, питающиеся своей добычей, мгновенно убивают дичь, уколов в нервные центры шеи; с другой стороны, парализаторы, которые хотят сохранить пищу свежей для своих личинок, уничтожают способность двигаться, уколов дичь в другие нервные центры. Оба они воздействуют на нервную цепочку, но выбирают точку в соответствии с целью, которая должна быть достигнута. Если требуется смерть, внезапная смерть, не представляющая опасности для охотницы, насекомое атакует в шею; если требуется

простой паралич, шею уважают и ударяют кинжалом в нижние сегменты — иногда в один, иногда в три, иногда во все или почти во все, в зависимости от особенностей организма жертвы.

Даже парализаторы, по крайней мере некоторые из них, знакомы с огромной жизненной важностью нервных центров шеи. Мы видели, как волосатая аммофила грызет мозг гусеницы, лангедокский сфекс грызет мозг эфиппигеры с целью вызвать мимолетное оцепенение. Но они просто сжимают мозг и делают даже это с мудрой осмотрительностью; они осторожны, чтобы не вонзить свое жало в этот фундаментальный центр жизни; ни один из них никогда не думает об этом, потому что в результате получился бы труп, который личинка презирала бы. Паук, с другой стороны, вонзает свой двойной кинжал там и только там; в любом другом месте он нанес бы рану, которая, вероятно, увеличит сопротивление за счет раздражения. Она хочет без промедления съесть оленину и жестоко вонзает свои клыки в то место, которое другие так добросовестно уважают.

Если инстинкт этих научных убийц в обоих случаях является не врожденной предрасположенностью, неотделимой от животного, а приобретенной привычкой, то я напрасно ломаю голову, пытаюсь понять, как эта привычка могла быть приобретена. Как бы вы ни окутывали эти факты теоретическим туманом, вам никогда не удастся скрыть от них очевидные свидетельства предустановленного порядка вещей.

ГЛАВА II: ПОЛОСАТАЯ ЭПЕЙРА

В ненастное время года, когда насекомому нечего делать и оно удаляется на зимние квартиры, наблюдатель извлекает выгоду из мягкости солнечных уголков и личинок в песке, поднимает камни, обыскивает кустарник; и часто его охватывает приятное возбуждение, когда он натывается на какое-нибудь остроумное произведение искусства, обнаруженное врасплох. Счастливы простодушные, чьи амбиции удовлетворены такой сокровищницей! Я желаю им всех радостей, которые это принесло мне и которые это будет продолжать приносить мне, несмотря на жизненные невзгоды, которые становятся все более горькими по мере того, как годы стремительно идут своим чередом.

Если искатели будут рыться в диких травах, в ивовых зарослях и перелесках, я желаю им радости от нахождения чудесного предмета, который в этот момент лежит перед моими глазами. Это работа паука, гнездо полосатой эпейры (*Epeira fasciata*, латр.).

Согласно правилам классификации, паук не является насекомым; и как таковая Эпейра кажется здесь неуместной. {16} Фигня для систем! Для изучающего инстинкт не имеет значения, есть ли у животного восемь ног вместо шести или легочные мешки вместо дыхательных трубок. Кроме того, аранеиды принадлежат к группе сегментированных животных, организованных в секции, расположенные вплотную друг к другу, структура, к которой относятся термины "насекомое" и "энтомология".

Раньше, описывая эту группу, люди говорили 'членораздельные животные' - выражение, недостатком которого было то, что оно не резало слух и было понятно всем. Это устарело. В наши дни они используют благозвучный термин 'Членистоногие'. И подумать только, что есть люди, которые сомневаются в существовании прогресса! Неверные! Сначала скажите "артикулируйте", затем произнесите "Членистоногие", и вы увидите, насколько прогрессирует зоологическая наука!

По окраске и рисунку, *Epeira fasciata* - самый красивый из южных пауков. На ее толстом животе, огромном шелковом складе размером почти с лесной орех, чередуются желтые, черные и серебряные пояса, которым она обязана своим эпитетом "Полосатый". Вокруг этого внушительного брюшка восемь длинных ножек с темно- и бледно-коричневыми кольцами расходятся, как спицы.

Ей подходит любая мелкая добыча; и пока она может найти опору для своей паутины, она селится везде, где прыгает Саранча, где парит Муха, где танцует Стрекоза или порхает Бабочка. Как правило, из-за большого обилия дичи она перебирается через какой-нибудь ручей, от берега к берегу, среди камышей. Она также растягивает их, но не слишком усердно, в зарослях вечнозеленого дуба, на склонах с низкорослой зеленью, дорогой кузнечикам.

Ее охотничье оружие представляет собой большое вертикальное полотно, внешняя граница которого, изменяющаяся в зависимости от расположения почвы, прикреплена к соседним ветвям несколькими зацепами. Структура аналогична структуре других пауков-ткачей. Прямые нити расходятся через равные промежутки от центральной точки. Поверх этого каркаса проходит непрерывная спиральная нить, образующая хорды, или поперечины, от центра к окружности. Он великолепно велик и великолепно симметричен.

В нижней части полотна, начиная от центра, зигзагообразно по радиусам спускается широкая непрозрачная лента. Это фирменный знак *Epeira*, росчерк художника, подписывающего свое творение. "Сделай то-то и то-то", - кажется, говорит она, делая последний бросок челнока к творению своих рук.

То, что Паучиха чувствует удовлетворение, когда, перепрыгнув со спицы на спицу, заканчивает свою спираль, не вызывает сомнений: проделанная работа обеспечивает ее пропитанием на несколько дней вперед. Но в данном конкретном случае тщеславие старой девы тут ни при чем: сильный шелковый зигзаг добавлен для придания большей прочности полотну.

Повышенное сопротивление не является излишним, поскольку сеть иногда подвергается серьезным испытаниям. Эпейра не может выбирать свои призы. Неподвижно сидя в центре своей паутины, широко расставив восемь ног, чтобы чувствовать колебание сети в любом направлении, она ждет, что принесет ей удача: то какой-нибудь легкомысленный слабак, неспособный контролировать свой полет, то какая-нибудь сильная добыча, бросающаяся сломя голову в безрассудном прыжке.

Особенно Саранча, огненная Саранча, которая наугад выпускает пружину своих длинных ног, часто попадает в ловушку. Человек воображает, что его сила должна напугать Паука; удар его пришпоренных рычагов должен позволить ему тут же проделать дыру в паутине и убежать. Но это не так. Если он не освободится с первой попытки, Саранча погибнет.

Повернувшись спиной к игре, Эпейра работает всеми своими фильерами, проколотыми, как роза в лейке, одновременно. Шелковистые брызги собираются задними лапами, которые длиннее остальных и изгибаются широкой дугой, позволяя струе распространяться. Благодаря этому изобретению *Epeira* на этот раз получает не нить, а переливающийся лист, своего рода матовый веер, в котором составляющие нити расположены почти отдельно. Две задние лапы сбрасывают этот саван постепенно, быстрыми попеременными сгребаниями, в то же время они переворачивают добычу снова и снова, полностью укутывая ее.

Древний *ретиарий*, сражаясь с сильным диким зверем, появлялся на арене с веревочной сетью, перекинутой через левое плечо. Животное прыгнуло. Мужчина резким движением правой руки забросил сеть на манер рыбаков; он накрыл животное и запутал его в сетях. Удар трезубца даровал покой поверженному врагу.

Эпейра действует аналогичным образом, с тем преимуществом, что она может обновить свою охалку оков. Если первого недостаточно, немедленно следует второе, и еще одно, и еще одно, пока запасы шелка не иссякнут.

Когда все движения прекращаются под снежным покровом, Паучиха подходит к своему связанному пленнику. У нее есть оружие получше, чем трезубец*бестиария*: у нее есть ядовитые клыки. Она грызет Саранчу без излишней настойчивости, а затем удаляется, оставляя вялого пациента чахнуть.

Вскоре она возвращается к своей неподвижной голове игры: она высасывает ее, истощает, неоднократно меняя точку атаки. Наконец очищенные от крови останки выбрасываются из сети, и Паук возвращается в свою засаду в центре паутины.

То, что сосет Эпейра, - это не труп, а окоченевшее тело. Если я удалю Саранчу сразу после того, как она была укушена, и освобожу ее от шелковой оболочки, силы пациента восстановятся до такой степени, что поначалу покажется, что он не пострадал. Таким образом, Паук не убивает свою добычу до того, как высосет из нее соки; он довольствуется тем, что лишает ее способности двигаться, вызывая состояние оцепенения. Возможно, этот более мягкий прикус дает ей больше возможностей в работе своего насоса. Застойные жидкости в трупe не так легко реагировали бы на действие присоски; их легче извлечь из живого тела, в котором они передвигаются.

Следовательно, эпейра, будучи кровопийцей, снижает остроту своего жала даже в отношении жертв ужасающих размеров, настолько она уверена в своем ретиарианском искусстве. Длинноногий триксалис,{17} жирную Серую саранчу, самого крупного из наших кузнечиков, принимают без колебаний и высасывают досуха, как только она онемевает. Этих гигантов, способных проделать дыру в сети и пройти сквозь нее в своем стремительном натиске, можно поймать, но редко. Я сам сажаю их в паутину. Остальное делает паук. Щедро распыляя свой шелковистый спрей, она смачивает их, а затем непринужденно сосет тело. С увеличением расхода фильер самая крупная дичь осваивается так же успешно, как и обычная добыча.

Я видел кое-что и получше этого. На этот раз моя тема - Шелковистая эпейра (*Epeira sericea*, ОЛИВ.) с широким, украшенным гирляндами серебристым брюшком. Как и у другой, ее паутина большая, вертикальная и 'подписана' зигзагообразной лентой. Я помещаю на него богомола,{18} хорошо развитый экземпляр, вполне способный менять роли, если позволят обстоятельства, и самостоятельно добывать пищу из нападавшего. Речь идет уже не о поимке мирной Саранчи, а о свирепом и могущественном огре, который вспорет брюхо Эпейре одним ударом ее гарпунов.

Осмелится ли Паук? Не сразу. Неподвижно стоя в центре своей сети, она собирается с силами, прежде чем напасть на грозную добычу; она ждет, пока сопротивляющаяся добыча не запутается когтями плотнее. Наконец, она приближается. Богомол выгибает брюхо; поднимает крылья, похожие на вертикальные паруса; раскрывает свои наруканники в виде пилообразных зубов; короче говоря, принимает призрачную позу, которую она использует, вступая в бой.

Паук игнорирует эти угрозы. Широко расставив свои фильеры, она выкачивает листы шелка, которые вытягивает задними лапами, расправляет и без стеснения разбрасывает попеременными охапками. Под этим ливнем нитей ужасные пилы Богомола, смертоносные лапы, быстро исчезают из виду, как и крылья, все еще поднятые в призрачной позе.

Тем временем закутанный делает резкие рывки, из-за которых Паук выпадает из своей паутины. Несчастный случай предусмотрен. Страховочный шнур, выбрасываемый в тот же момент фильерами, удерживает эпейру в подвешенном состоянии, раскачиваясь в пространстве. Когда спокойствие восстанавливается, она сворачивает шнур и снова взбирается наверх. Тяжелый живот и задние лапы теперь связаны. Текучесть ослабеваает, шелк поставляется только тонкими листами. К счастью, дело сделано. Добыча невидима под толстым покровом.

Паук удаляется, не укусив. Чтобы овладеть ужасной добычей, она израсходовала все запасы своей прядильной фабрики, которых хватило, чтобы сплести много паутины хорошего размера. С такой кучей кандалов дальнейшие меры предосторожности излишни.

После короткого отдыха в центре сетки она спускается к обеду. В разных частях добычи делаются небольшие надрезы, то здесь, то там; паук прикасается ртом к каждому из них и высасывает кровь своей добычи. Трапеза затягивается, настолько сытным получается блюдо. В течение десяти часов я наблюдаю за ненасытной обжорой, которая меняет точку атаки по мере того, как подсыхает каждая высосанная рана. Наступает ночь и лишает меня завершения безудержного разгула. На следующее утро обескровленный богомол лежит на земле. Муравьи жадно пожирают останки.

Выдающиеся таланты эпейры проявляются с еще большей пользой в промышленном бизнесе материнства, чем в искусстве охоты. Шелковый мешочек, гнездо, в которое Полосатая Эпейра кладет свои яйца, представляет собой гораздо большее чудо, чем птичье гнездо. По форме это перевернутый воздушный шар, размером почти с голубиное яйцо. Верхушка сужается, как груша, коротко обрезана и увенчана зубчатым ободком, углы которого удлинены с помощью зацепов, крепящих предмет к прилегающим веточкам. Весь он, изящный яйцевидный, свисает прямо вниз, окруженный несколькими нитями, которые его удерживают.

В верхней части выдолблен кратер, закрытый шелковистой прокладкой. Все остальные детали заключены в общую обертку, изготовленную из плотного белого атласа, который трудно разорвать и непроницаем для влаги. Верхняя часть фасада украшена коричневым и даже черным шелком, украшенным заморскими лентами, узорами в форме веретена, причудливыми меридиональными волнами. Роль, которую играет эта ткань, очевидна: это водонепроницаемое покрытие, сквозь которое не проникают ни роса, ни дождь.

Гнездо эпейры, открытое всем неблагоприятным погодным условиям, среди сухой травы, близко к земле, также должно защищать свое содержимое от зимних холодов. Давайте разрежем обертку ножницами. Под ней мы обнаружим толстый слой красновато-коричневого шелка, на этот раз не превращенного в ткань, а набухшего в очень тонкую вату. Это пушистое облако, ни с чем не сравнимое одеяло, мягче любого лебяжьего пуха. Это экран, защищающий от потери тепла.

И что защищает эта уютная масса? Смотрите: в середине гагачьего пуха находится цилиндрический карман, круглый внизу, квадратный сверху и закрывающийся мягкой крышкой. Он сделан из чрезвычайно тонкого атласа; в нем содержатся яйца эпейры, прелестные

маленькие бусинки оранжевого цвета, которые, склеенные вместе, образуют шарик размером с горошину. Это сокровище, которое нужно защищать от суровости зимы.

Теперь, когда мы знаем структуру работы, давайте попробуем понять, каким образом старая дева приступает к ней. Наблюдение нелегкое, поскольку Полосатая Эпейра работает по ночам. Ей нужна ночная тишина, чтобы не сбиться с пути среди сложных правил, которыми руководствуется ее отрасль. Время от времени, в очень ранние часы утра, мне случалось заставить ее за работой, что позволяло мне подводить итоги хода операций.

Мои подопытные заняты в своих колоколообразных клетках примерно в середине августа. Сначала устанавливаются строительные леса на вершине купола; они состоят из нескольких натянутых нитей. Проволочная решетка представляет собой веточки и травинки, которые Паук, будь он на свободе, использовал бы как точки подвешивания. Ткацкий станок работает на этой шаткой опоре. Эпейра не видит, что она делает; она отворачивается от своей задачи. Механизм так хорошо собран, что все происходит автоматически.

Кончик брюшка покачивается, немного вправо, немного влево, поднимается и опускается, в то время как Паук медленно движется по кругу. Выпускаемая нить одинарная. Задние лапки вытягивают его и укладывают на то, что уже приготовлено. Таким образом образуется атласная емкость, край которой постепенно приподнимается, пока не превратится в мешочек глубиной около сантиметра. {19} Текстура нежнейшая. Оттяжками привязывайте его к ближайшим нитям и держите натянутым, особенно у рта.

Затем филеры отдыхают и наступает очередь завязей. Непрерывный поток яиц падает в мешок, который заполняется доверху. Вместимость емкости была настолько тщательно рассчитана, что в ней найдется место для всех яиц, не оставляя ни одного свободного места. Когда Паук заканчивает и удаляется, я на мгновение замечаю груды оранжевых яиц; но работа филер сразу же возобновляется.

Следующее действие - закрыть пакет. Механизм работает немного по-другому. Кончик брюшка больше не раскачивается из стороны в сторону. Он опускается и касается какой-то точки; он отступает, снова опускается и касается другой точки, сначала здесь, потом там, описывая неразрывные зигзаги. В то же время задние лапы ступают по выделяющемуся материалу. В результате получается уже не материал, а войлок, покрывало.

Вокруг атласной капсулы, в которой находятся яйца, находится гагачий пух, предназначенный для защиты от холода. Малыши проведут некоторое время в этом мягком укрытии, чтобы укрепить суставы и подготовиться к окончательному исходу. Изготовление не займет много времени. Прядильная фабрика внезапно меняет сырье: раньше она выпускала белый шелк; теперь она выпускает красновато-коричневый шелк, один тоньше другого, выпускающий облака, которые задние лапы, эти ловкие чесальщики, взбивают в нечто вроде пены. Кармашек для яиц исчезает, утопая в этой изысканной вате.

Форма шара уже очерчена; верхняя часть изделия сужается к горлышку. Паучиха, двигаясь вверх и вниз, лавируя сначала в одну, а затем в другую сторону, с самого первого брызга отмечает изящную форму так точно, как будто у нее в брюшке компас.

Затем, еще раз, с той же внезапностью, материал меняется. Снова появляется белый шелк, превращенный в нить. Это момент для плетения внешней обертки. Из-за толщины материала и плотности его текстуры эта операция является самой длительной из серии.

Сначала несколько нитей раскидываются туда-сюда, чтобы удерживать слой ваты на месте. Эпейра уделяет особое внимание краю горловины, где она создает углубленную кайму, углы которой, продленные шнурами или линиями, образуют основную опору здания. Фильеры никогда не прикасаются к этой детали, не придавая ей каждый раз до конца работы определенной дополнительной прочности, необходимой для обеспечения стабильности воздушного шара. Подвешивающие углубления вскоре очерчивают кратер, который необходимо заделать. Паучиха закрывает пакет мягкой пробкой, подобной той, которой она запечатывала карман для яиц.

Когда эти приготовления сделаны, начинается настоящее изготовление обертки. Паук ходит взад-вперед, поворачивается и снова поворачивается. Фильеры не касаются ткани. Ритмичными попеременными движениями задние лапы, единственные орудия труда, вытягивают нить, захватывают ее своими гребнями и применяют для работы, в то время как кончик брюшка методично покачивается взад-вперед.

Таким образом, шелковое волокно распределяется ровным зигзагом, почти геометрически точным и сравнимым с хлопчатобумажной нитью, которую машины на наших фабриках так аккуратно скручивают в шарики. И это повторяется по всей поверхности работы, потому что Паук каждый момент немного меняет свое положение.

Через довольно частые промежутки времени кончик брюшка приподнимают к устью баллона; и тогда фильеры действительно касаются края с бахромой. Продолжительность контакта даже значительна. Таким образом, мы обнаруживаем, что нить воткнута в эту звездообразную бахрому, основу здания и суть всего в целом, в то время как в любом другом месте она просто накладывается способом, определяемым движениями задних лап. Если бы мы захотели размотать работу, нить оборвалась бы по краю; в любом другом месте она бы размоталась.

Эпейра заканчивает свою паутину мертвенно-белым угловатым росчерком; свое гнездо она завершает коричневыми выемками, которые нерегулярно спускаются от краевого соединения к выпуклой середине. Для этой цели она в третий раз использует другой шелк; теперь она производит шелк темного оттенка, варьирующегося от красновато-коричневого до черного. Фильеры распределяют материал широким продольным движением от шеста к шесту, а задние лапы накладывают его причудливыми лентами. Когда это сделано, работа закончена. Паучиха удаляется медленными шагами, даже не взглянув на сумку. Остальное ее не интересует: время и солнце позаботятся об этом.

Она почувствовала, что ее час близок, и спустилась со своей паутины. Неподалеку, в густой траве, она сплела скинию для своего потомства и, поступая таким образом, истощила свои ресурсы. Возвращаться к своему охотничьему посту, к своей сети для нее было бы бесполезно: у нее нет средств, чтобы поймать добычу. Кроме того, прекрасный аппетит прежних дней пропал. Увядающая и вялая, она влачит свое существование еще несколько дней и, наконец, умирает. Вот как все происходит в моих клетках; вот как это должно происходить в зарослях.

Шелковистая эпейра (*Epeira sericea*, ОЛИВ.) превосходит Полосатую эпейру в изготовлении больших охотничьих сетей, но она менее одарена в искусстве строительства гнезд. Она придает

своему гнезду неэлегантную форму тупого конуса. Отверстие этого кармана очень широкое и зазубрено в виде лепестков, с помощью которых подвешивается конструкция. Он закрыт большой крышкой, наполовину атласной, наполовину из лебяжьего пуха. Остальное - плотная белая ткань, часто покрытая неправильными коричневыми прожилками.

Разница в работе двух Эпирэ не выходит за рамки обертки, которая в одном случае представляет собой тупой конус, а в другом - воздушный шар. За этим фасадом царит такое же внутреннее убранство: сначала - лоскутное одеяло из нитяной нити; затем - маленький бочонок, в который упакованы яйца. Хотя два Паука возводят внешнюю стену в соответствии с особыми архитектурными правилами, они оба используют одни и те же средства защиты от холода.

Как мы видим, изготовление мешка для яиц у эпейры, особенно у полосатой эпейры, является важной и сложной работой. В его состав входят различные материалы: белый шелк, красный шелк, коричневый шелк; более того, из этих материалов изготавливаются разнородные изделия: плотная ткань, мягкий гагачий пух, изящный атлас, пористый войлок. И все это происходит в той же мастерской, где плетут охотничью сеть, перевязывают зигзагообразную ленту и набрасывают на добычу опутывающий саван.

Какая это замечательная шелковая фабрика! С помощью очень простого и никогда не изменяющегося устройства, состоящего из задних ножек и фильер, оно поочередно производит работу канатоходца, прядильщика, ткача, ленточника и фуллера. Как Паук руководит хозяйством такого рода? Как он получает по желанию мотки различных оттенков и сортов? Как она их изготавливает, сначала таким способом, потом таким? Я вижу результаты, но я не понимаю механизм и еще меньше процесс. Это совершенно выбивает меня из колеи.

Паучиха также иногда теряет голову в своем нелегком ремесле, когда какая-нибудь неприятность нарушает покой ее ночных трудов. Я не провоцирую эти неприятности сам, потому что меня нет в эти несвоевременные часы. Это просто из-за условий, существующих в моем зверинце.

В своем естественном состоянии эпейры селятся отдельно, на больших расстояниях друг от друга. У каждой из них есть свои охотничьи угодья, где нет причин опасаться конкуренции, которая могла бы возникнуть в результате непосредственной близости сетей. С другой стороны, в моих клетках существует совместное проживание. Чтобы сэкономить место, я помещаю двух или трех эпейр в одну клетку. Мои покладистые пленники мирно живут вместе. Между ними нет раздоров, они не посягают на собственность соседа. Каждая из них плетет себе рудиментарную паутину, как можно дальше от остальных, и здесь, погруженная в созерцание, как будто безразличная к тому, что делают другие, она ожидает нашествия Саранчи.

Тем не менее, такое тесное помещение имеет свои недостатки, когда наступает время укладки. Шнуры, на которых подвешены различные заведения, переплетаются и перекрещиваются в запутанную сеть. Когда один из них трясется, все остальные в большей или меньшей степени страдают. Этого достаточно, чтобы отвлечь прослойку от ее дел и заставить ее делать глупости. Вот два примера.

За ночь был сплетен мешочек. Я нахожу его, когда утром прихожу в клетку, подвешенным к решетке - работа завершена. Он идеален с точки зрения структуры; он украшен регулируемые черными изгибами меридиана. Ничего не пропало, ничего, кроме самого необходимого - яиц, ради которых старая дева пошла на такие расходы в вопросе шелка. Где яйца? Их нет в пакете,

который я открываю и нахожу пустым. Они лежат на земле внизу, на песке в поддоне, совершенно незащищенные.

Встревоженная в момент их выгрузки, мать пропустила горловину маленького пакетика и уронила их на пол. Возможно, даже, в своем возбуждении, она спустилась сверху и, побуждаемая потребностями яичников, отложила яйцеклетки на первую попавшуюся под руку опору. Неважно: если в ее Паучьем мозгу есть хоть малейший проблеск здравого смысла, она должна знать о катастрофе и поэтому обязана немедленно отказаться от сложного устройства ставшего ненужным гнезда.

Вовсе нет: сумка соткана из ничего, такая же точная по форме, такая же законченная по структуре, как и в обычных условиях. Абсурдное упорство, проявленное некоторыми пчелами, чьи яйца и припасы я использовал для удаления, {20} здесь повторяется без малейшего вмешательства с моей стороны. Мои жертвы скрупулезно опечатывали свои пустые камеры. Точно так же Ereira обертывает капсулу из гагачьего пуха и тафты, в которую ничего не помещается.

Другая, отвлекшаяся от работы из-за какой-то пугающей вибрации, покидает свое гнездо в тот момент, когда завершается нанесение слоя красно-коричневой ваты. Она бежит под купол, на несколько дюймов выше своей незаконченной работы, и тратит на бесформенный матрас, совершенно бесполезный, весь шелк, из которого она соткала бы верхнюю обертку, если бы ее ничто не потревожило.

Бедный дурачок! Ты покрываешь проволоку своей клетки лебяжьим пухом и оставляешь яйца недостаточно защищенными. Отсутствие уже выполненной работы и твердость металла не предупреждают вас о том, что сейчас вы занимаетесь бессмысленным делом. Ты напоминаешь мне Пелопею, {21} которая обычно покрывала грязью место на стене, откуда было извлечено ее гнездо. Вы по-своему говорите мне о странной психологии, которая способна примирить чудеса мастерства с отклонениями, вызванными непостижимой глупостью.

Давайте сравним работу полосатой эпейры с работой Висячей синицы, самой умной из наших маленьких птичек в искусстве строительства гнезд. Эта синица обитает в ивовых зарослях нижнего течения Роны. Мягко покачиваясь на речном бризе, его гнездо покачивается над мирной заводью, на некотором расстоянии от слишком стремительного течения. Он свисает с поникшего конца ветки тополя, старой ивы или ольхи - всех этих высоких деревьев, произрастающих по берегам ручьев.

Он состоит из хлопчатобумажного мешочка, закрытого со всех сторон, за исключением небольшого отверстия сбоку, как раз достаточного для прохода матери. По форме он напоминает корпус перегонного кубика, химическую реторту с коротким боковым горлышком, или, что еще лучше, ножку чулка со сведенными краями, но с небольшим круглым отверстием, оставленным с одной стороны. Внешний вид усиливает сходство: почти видны следы вязальной спицы, работающей грубыми стежками. Вот почему, пораженный этой формой, провансальский крестьянин на своем выразительном языке называет Маятник *лу Дебассер*, вязальщицей Чулок.

Материалом для работы послужили скороспелые саженцы вдов и тополей. В мае с них срывается что-то вроде весеннего снега, мелкий пух, который воздушные вихри заносят в расщелины земли. Это хлопок, похожий на тот, что производится нашими производителями, но из очень короткого штапеля. Оно исходит из неисчерпаемого запаса: дерево обильное, а ветер

с ивовых зарослей собирает крошечные стайки, когда они появляются из семян. Их легко подобрать.

Трудность заключается в том, чтобы приступить к работе. Как птица должна вязать свой чулок? Как с помощью таких простых приспособлений, как клюв и когти, ему удастся изготовить ткань, с которой не справились бы наши умелые пальцы? Осмотр гнезда в определенной степени даст нам информацию.

Хлопок тополя сам по себе не может обеспечить подвесной карман, способный выдержать вес выводка и противостоять порывам ветра. Утрамбованные, спутанные и упакованные вместе хлопья, подобные тем, которые получаются из обычной ваты, если их очень мелко измельчить, дадут лишь агломерацию, лишенную связности и способную развеяться при первом дуновении воздуха. Им требуется холст, основа, чтобы удерживать их в нужном положении.

Крошечные отмершие стебли с волокнистой корой, хорошо размягченные под действием влаги и воздуха, образуют на Маятнике грубую паклю, мало чем отличающуюся от пеньковой. С помощью этих связок, очищенных от всех древесных частиц и проверенных на гибкость и прочность, он наматывает несколько петель на конец ветки, которую он выбрал в качестве опоры для своей конструкции.

Это не очень точная часть работы. Петли набираются неуклюже и как попало: одни более слабые, другие более тугие; но, в конце концов, они прочные, и это главное. Кроме того, эта волокнистая оболочка, краеугольный камень сооружения, занимает значительную длину ответвления, что позволяет увеличить количество креплений для сетки.

Несколько лямок, описав определенное количество витков, расправляются на концах и свободно свисают. За ними идут переплетенные нити, которых больше по количеству и тоньше по текстуре. В этом запутанном беспорядке возникает то, что можно было бы назвать почти ткацкими узлами. Насколько можно судить только по результату, не видя птицу за работой, именно так получается холст, опора хлопчатобумажной стены.

Очевидно, что эта основа, этот внутренний каркас, не создается полностью с самого начала; это происходит постепенно, по мере того как птица набивает хлопком верхнюю часть. Вата, по крупицам подбираемая с земли, раздирается птичьими когтями и вставляется, вся ворсистая, в ячейки холста. Клюв проталкивает его, грудка прижимает его как изнутри, так и снаружи. В результате получается мягкий войлок толщиной в пару дюймов.

В верхней части сумки, с одной стороны, имеется узкое отверстие, переходящее в короткое горлышко. Это кухонная дверь. Чтобы пройти сквозь нее, Маятнику, каким бы маленьким он ни был, приходится нажимать на эластичную перегородку, которая слегка прогибается, а затем сжимается. Наконец, в доме есть матрас из высококачественного хлопка. Здесь лежат от шести до восьми белых яиц размером с вишневую косточку.

Что ж, это замечательное гнездо - варварский каземат по сравнению с Полосатой Эпейрой. Что касается формы, то эту ножку-чулок нельзя ставить в один ряд с элегантно и безупречно округлым воздушным шаром Spider. Ткань из смеси хлопка и пакли выглядит деревенским фризом рядом с атласом старой девы; ремешки-подвески - неуклюжие тросики по сравнению с ее изящными шелковыми застежками. Где мы найдем в матрасе "Маятника" что-нибудь такое,

что могло бы соперничать с гагачьим пухом Эпейры, этой ворсистой красноватой паутинкой? Паук превосходит птицу во всех отношениях, в том, что касается ее работы.

Но, со своей стороны, Маятник - более преданная мать. Неделями подряд, сидя на корточках на дне своей сумочки, она прижимает к сердцу яйца, эти маленькие белые камешки, из которых тепло ее тела породит жизнь. Эпейра не знает этих более нежных страстей. Не удостоив его второго взгляда, она бросает свое гнездо на произвол судьбы, хорошей или плохой.

ГЛАВА III: НАРБОННСКАЯ ЛИКОЗА

Эпейра, которая проявляет такое удивительное трудолюбие, создавая для своих яиц жилище несравненного совершенства, после этого становится небрежной по отношению к своей семье. По какой причине? Ей не хватает времени. Она должна умереть, когда наступят первые холода, в то время как яйцам суждено провести зиму в своем уютном пуховом укрытии. Покидание гнезда неизбежно в силу самой природы вещей. Но если бы вылупление произошло раньше, при жизни Эпейры, я полагаю, что она могла бы соперничать с птицей в преданности.

Итак, я заключаю из аналогии с *Thomisus onustus*, ВАЛЬК., стройным пауком, который не плетет паутины, подстерегает свою жертву и ходит боком, на манер Краба. Я говорил в другом месте {22} о ее встречах с Домашней пчелой, которой она манипулирует, кусая ее в шею.

Искусная в быстрой расправе со своей добычей, маленькая паучиха-краболов не менее сведуща в искусстве гнездования. Я нахожу ее устроившейся на бирючине в вольере. Здесь, в центре цветочной гущи, роскошное создание заплетает маленький кармашек из белого атласа в форме маленького наперстка. Этоместилище для яиц. Круглая плоская крышка из войлочной ткани закрывает горловину.

Над этим потолком возвышается купол из растянутых нитей и увядших цветочков, упавших с грозди. Это бельведер наблюдателя, его боевая рубка. Вход, который всегда свободен, дает доступ к этому сообщению.

Здесь Паучиха остается на постоянном дежурстве. Она сильно исхудала с тех пор, как отложила яйца, почти лишилась своей корпорации. При малейшей тревоге она делает вылазку вперед, угрожающе машет конечностью проходящему мимо незнакомцу и жестом приглашает его держаться на расстоянии. Обратив незваного гостя в бегство, она быстро возвращается в дом.

И что она делает там, под своей аркой из увядших цветов и шелка? Днем и ночью она прикрывает драгоценные яйца своим бедным распростертым телом. Едой пренебрегают. Больше никаких подстереганий, никаких пчел, выпитых до последней капли крови. Неподвижная, погруженная в медитацию, Паучиха находится в позе насиживания, другими словами, она сидит на своих яйцах. Строго говоря, слово "инкубационный" означает именно это и ничего больше.

Курица-наседка не более усердна, но она также является обогревательным прибором и нежным теплом своего тела пробуждает зародыши к жизни. Для Паука достаточно солнечного тепла, и только это удерживает меня от того, чтобы сказать, что он "вынашивает потомство".

В течение двух или трех недель, все больше и больше морщась от воздержания, маленький Паучок так и не расслабляется. Затем наступает время вылупления. Молодые люди протягивают несколько нитей, образуя изгибы, похожие на качели, от веточки к веточке. Крошечные канатоходцы несколько дней упражняются на солнце; затем расходятся, каждый занят своим делом.

Давайте теперь посмотрим на сторожевую башню гнезда. Мать все еще там, но на этот раз безжизненная. Преданное создание познало радость, видя, как рождается ее семья; она помогла слабым выбраться через люк; и, когда ее долг был выполнен, она умерла очень тихо. Курица не достигает такой высоты самоотречения.

Другие пауки справляются еще лучше, как, например, *Narbonne Lycosa*, или чернобрюхий тарантул (*Lycosa narbonnensis*, WALCK.), мастерство которого было описано в предыдущей главе. Читатель, наверное, помнит ее нору, ямку шириной с бутылочное горлышко, вырытую в каменистой почве, любимой лавандой и тимьяном. Устье окаймлено насыпью из гравия и кусочков дерева, скрепленных шелком. Вокруг ее жилища больше ничего нет: ни паутины, ни каких-либо ловушек.

Из своей башенки высотой в дюйм Ликоза подстерегает пролетающую Саранчу. Она делает прыжок, преследует добычу и внезапно лишает ее движения укусом в шею. Дичь съедается на месте или же в логове; жесткая шкурка насекомого не вызывает отвращения. Крепкая охотница не любит пить кровь, как эпейра; ей нужна твердая пища, которая хрустит между челюстями. Она похожа на Собаку, пожирающую свою кость.

Не могли бы вы вытащить ее на дневной свет из глубины ее колодца? Вставьте в норку тонкую соломинку и подвигайте ею. Обеспокоенный тем, что происходит наверху, отшельник спешит взобраться наверх и останавливается в угрожающей позе на некотором расстоянии от отверстия. Вы видите ее восемь глаз, сверкающих в темноте, как бриллианты; вы видите, как ее мощные ядовитые клыки обнажаются, готовые укусить. Тот, кто не привык к виду этого ужаса, поднимающегося из-под земли, не может подавить дрожь. Б-р-р-р-р-р! Давайте оставим зверя в покое.

Случайность, плохая замена, иногда очень хорошо срабатывает. В начале августа дети зовут меня в дальний конец ограды, радуясь находке, которую они сделали под кустами розмарина. Это великолепная Ликоза с огромным животом, признак приближающихся родов.

Тучный Паук серьезно пожирает что-то посреди круга зевак. И что? Останки Ликозы, немного меньше ее самой, останки ее самца. Это конец трагедии, завершающей бракосочетание. Возлюбленная поедает своего возлюбленного. Я позволяю исполниться супружеским обрядам во всем их ужасе; и, когда последний кусочек несчастной был съеден, я заключаю ужасную матрону в клетку, стоящую в глиняном горшке, наполненном песком.

Однажды ранним утром, десять дней спустя, я застаю ее готовящейся к родам. Шелковую сеть сначала прядут на земле, покрывая площадь, примерно равную ладони человека. Она грубая и бесформенная, но прочно закреплена. Это пол, на котором намеревается работать Паук.

На этой основе, которая защищает от песка, компания *Lycosa* изготавливает круглый коврик размером с монету в два франка из превосходного белого шелка. Мягким, равномерным движением, которое могло бы регулироваться колесиками изящного часового механизма,

кончик брюшка поднимается и опускается, каждый раз немного удаляясь от опорного основания, пока не будет достигнут предельный размах механизма.

Затем, не меняя своего положения, Паук возобновляет колебания в противоположном направлении. Посредством этого попеременного движения, чередующегося с многочисленными контактами, получается сегмент листа с очень точной текстурой. Когда это сделано, Паук немного перемещается по круговой линии, и ткацкий станок работает таким же образом на другом отрезке.

Шелковый диск, своего рода едва вогнутый патен, теперь ничего не получает от фильер в его центре; только краевой пояс увеличивается в толщине. Таким образом, получается каша в форме чаши, окруженная широким плоским краем.

Пришло время для укладки. Одним быстрым выбросом вязкие бледно-желтые икринки откладываются в резервуар, где они скапливаются в форме шара, который в значительной степени выступает за пределы полости. Фильеры снова приводятся в движение. Короткими движениями, когда кончик брюшка поднимается и опускается, чтобы сплести круглый коврик, они прикрывают обнаженное полушарие. В результате получается таблетка, лежащая в середине круглого ковра.

Ножки, до сих пор бездействовавшие, теперь работают. Они захватывают и обрывают одну за другой нити, которые удерживают круглый коврик натянутым на грубую поддерживающую сетку. В то же время клыки захватывают этот лист, постепенно приподнимают его, отрывают от основания и складывают на яйцообразный шар. Это трудоемкая операция. Все здание шатается, пол осыпается, засыпанный песком. Движением ног эти грязные обрывки отбрасываются в сторону. Вкратце, с помощью сильных рывков клыками, которые тянут, и метлоподобных усилий лапами, которые убирают яйца, Ликоза извлекает мешочек с яйцами и удаляет его в виде прозрачной массы, свободной от какого-либо прилипания.

Это пиллюля из белого шелка, мягкая на ощупь и клейкая. Размером она со среднюю вишню. Наблюдательный глаз заметит проходящую горизонтально посередине складку, которую игла может приподнять, не сломав ее. Этот край, обычно неотличимый от остальной поверхности, представляет собой не что иное, как край круглого коврика, нарисованного над нижней полусферой. Другое полушарие, через которое выходит молодняк, менее укреплено: его единственная обертка - это текстура, которой покрывают яйца сразу после их снесения.

Внутри нет ничего, кроме яиц: ни матраса, ни мягкого гагачьего пуха, как у Эпейры. У ликозы, действительно, нет необходимости охранять свои яйца от неблагоприятных зимних условий, поскольку вылупление произойдет задолго до наступления холодов. Точно так же Томисус со своим ранним выводком тщательно следит за тем, чтобы не подвергаться бесполезным тратам: она дарит своим яйцам для их защиты простой атласный кошелек.

Работа прядения с последующим разрывом продолжается все утро, с пяти до девяти часов. Измученная усталостью, мать обнимает свою дорогую пиллюлю и остается неподвижной. Сегодня я больше ничего не увижу. На следующее утро я нахожу Паучиху с мешком яиц, подвешенным к ее корме.

Отныне, до самого вылупления, она не расстается с драгоценным грузом, который, прикрепленный к фильерам короткой связкой, волочится по земле. С этим грузом, стучащим по

ее пяткам, она занимается своими делами; она гуляет или отдыхает, она ищет свою добычу, нападает на нее и пожирает. Если по какой-то случайности кошелек выпадает, его вскоре заменяют. Фильеры касаются его где-нибудь, в любом месте, и этого достаточно: адгезия сразу восстанавливается.

Ликоса - домоседка. Она никогда не выходит на улицу, кроме как поймать какую-нибудь дичь, проходящую в пределах ее охотничьих владений, недалеко от норы. Однако в конце августа нет ничего необычного в том, что она бродит по городу, волоча за собой кошелек. Ее колебания заставляют думать, что она ищет свой дом, который на данный момент покинула и с трудом находит.

К чему эти странствия? Есть две причины: сначала подбор пары, а затем изготовление таблетки. В норе не хватает места, которого хватает только для того, чтобы Паук мог долго размышлять. Теперь для приготовления мешка для яиц требуется обширный настил, опорный каркас размером с человеческую ладонь, как показал нам мой заключенный в клетке. В распоряжении Ликозы не так много места в ее колодце; отсюда необходимость выходить и возиться со своим кошельком на открытом воздухе, несомненно, в тихие ночные часы.

Встреча с самцом, по-видимому, также требует экскурсии. Рискуя быть съеденным заживо, отважится ли он нырнуть в пещеру своей дамы, в логово, откуда побег был бы невозможен? Это очень сомнительно. Благоразумие требует, чтобы все происходило снаружи. Здесь, по крайней мере, есть некоторый шанс избежать поспешного отступления, которое позволит опрометчивому поклоннику избежать нападений его ужасной невесты.

Интервью на открытом воздухе уменьшает опасность, но не устраняет ее полностью. У нас было доказательство этого, когда мы поймали Ликозу в момент пожирания своего возлюбленного на поверхности, в той части вольера, которая была разбита для посадки растений и поэтому не подходила для обитания Паука. Нора, должно быть, находилась где-то далеко, и встреча этой пары произошла на самом месте трагической катастрофы. Несмотря на то, что у него была свободная дорога, самец не смог убежать достаточно быстро и был должным образом съеден.

После этой каннибальской оргии Ликоса возвращается домой? Возможно, какое-то время нет. Кроме того, ей пришлось бы выйти во второй раз, чтобы изготовить свою таблетку на достаточном ровном месте.

Когда работа закончена, некоторые из них эмансипируются, думают, что посмотрят на страну, прежде чем уйти на пенсию навсегда. Именно их мы иногда встречаем бесцельно бродящими и волочащими за собой свою сумку. Однако рано или поздно бродяги возвращаются домой; и август еще не закончился, как солома, зашуршавшая в какой-нибудь норе, поднимет мать с кошельком, перекинутым за спину. Я могу раздобыть столько, сколько захочу, и вместе с ними проводить определенные эксперименты, представляющие высочайший интерес.

На это стоит посмотреть - Ликоса тащит за собой свое сокровище, не расставаясь с ним ни днем, ни ночью, ни во сне, ни наяву, и защищает его с отвагой, которая внушает зрителю благоговейный трепет. Если я пытаюсь отнять у нее сумку, она в отчаянии прижимает ее к груди, цепляется за мои клешни, кусает их своими ядовитыми клыками. Я слышу, как кинжалы скрежещут по стали. Нет, она не позволила бы безнаказанно отобрать у нее бумажник, если бы мои пальцы не были снабжены орудием убийства.

Потянув и встряхнув таблетку щипцами, я забираю ее у Ликозы, которая яростно протестует. Я бросаю ей взамен пиллюлю, взятую у другой Ликозы. Ее тут же хватают клыками, обхватывают лапками и подвешивают к фильере. Ее собственная или чужая: Пауку, который гордо уходит с чужим кошельком, все равно. Этого следовало ожидать, учитывая схожесть обмененных таблеток.

Тест другого рода, со вторым испытуемым, делает ошибку более заметной. Я заменяю законный мешочек, который я сняла, работой Шелковой эпейры. Цвет и мягкость материала в обоих случаях одинаковы, но форма совершенно разная. Украденный предмет - земной шар; объект, представленный взамен, представляет собой эллиптический коноид, усеянный угловатыми выступами по краю основания. Паук не принимает во внимание это различие. Она быстро приклеивает странный пакетик к своим фильерам и так довольна, как будто у нее в руках настоящая пиллюля. Мои экспериментальные злодеяния не имеют других последствий, кроме эфемерной транспортировки. Когда наступает время вылупления, рано у ликозы и поздно у эпейры, паук-чайка бросает странный мешок и больше не обращает на него внимания.

Давайте еще глубже проникнем в глупость владельца кошелька. Лишив Ликозу яиц, я бросаю ей пробковый шарик, грубо отполированный напильником и такого же размера, как украденная таблетка. Она принимает пробковую субстанцию, столь непохожую на шелковый кошелек, без малейших возражений. Можно было бы подумать, что она осознает свою ошибку по своим восьми глазам, которые сверкают, как драгоценные камни. Глупое создание не обращает на это внимания. Она с любовью обнимает пробковый шарик, ласкает его щупальцами, прикрепляет к своим фильерам и с тех пор тащит его за собой, как будто тащит свою собственную сумку.

Давайте предоставим другому выбор между имитацией и настоящим. Настоящая таблетка и пробковый шарик кладутся вместе на дно банки. Сможет ли Паук узнать ту, которая принадлежит ему? Дурак не способен на это. Она совершает дикий порыв и захватывает бессистемно то свою собственность, то мой поддельный товар. Все, к чему прикасаются в первый раз, становится хорошим снимком и сразу же вешается на крючок.

Если я увеличу количество пробковых шариков, положу четыре или пять из них, причем среди них настоящую пиллюлю, Ликоза редко восстановит свою собственность. Попыток исследования, попыток отбора нет. Чего бы она ни схватила наугад, она придерживается, хорошего это или плохого. Поскольку фальшивых пробковых таблеток больше, Паук чаще всего захватывает именно Их.

Эта тупость сбивает меня с толку. Может ли животное обмануться мягким прикосновением пробки? Я заменяю пробковые шарики шариками из хлопка или бумаги, которые сохраняют круглую форму с помощью нескольких полосок ниток. И то, и другое очень удобно использовать вместо настоящего пакета, который был извлечен.

Может ли иллюзия возникнуть из-за цвета, который в пробке светлый и мало чем отличается от оттенка шелкового шарика, если в него попало немного земли, в то время как бумага и хлопок белые, хотя они идентичны цвету оригинальной таблетки? Я даю Ликозе в обмен на ее работу моток шелковой нити, выбранной из тонких красных ниток, самого яркого из всех цветов. Необычная таблетка принимается с такой же готовностью и охраняется так же ревниво, как и другие.

Оставим в покое носительницу кошелька; мы знаем все, что хотим знать, о бедности ее интеллекта. Давайте дождемся вылупления, которое происходит в первые две недели сентября. Выйдя из таблетки, детеныши, числом около пары сотен, взбираются Пауку на спину и там неподвижно сидят, тесно прижавшись друг к другу, образуя что-то вроде коры из переплетенных ног и брюшка. Мать неузнаваема под этой живой мантилей. Когда штриховка заканчивается, кошелек снимают с фильер и отбрасывают в сторону как бесполезную тряпку.

Малыши очень хорошие: никто не шевелится, никто не пытается получить больше места для себя за счет соседей. Что они там делают, так тихо? Они позволяют возить себя с собой, как детенышей опоссума. Сидит ли она в долгой медитации на дне своего логова или в теплую погоду подходит к отверстию, чтобы погреться на солнышке, Ликоза никогда не сбрасывает свою шубу из копошащихся детенышей, пока не наступит погожий сезон.

Если в середине зимы, в январе или феврале, мне случается в поле обыскать жилище Паука, после того как дождь, снег и мороз разрушили его и, как правило, разобрали бастийон у входа, я всегда нахожу ее дома, все еще полной сил, все еще несущей на руках свою семью. Это автомобильное воспитание длится, по крайней мере, пять или шесть месяцев без перерыва. Знаменитый американский перевозчик, опоссум, который освобождает свое потомство после нескольких недель перевозки, выглядит жалкой фигурой рядом с Ликозой.

Что едят малыши на материнском позвоночнике? Насколько я знаю, ничего. Я не вижу, как они становятся больше. Я нахожу их в запоздалом периоде их эмансипации такими же, какими они были, когда покидали мешок.

В неурожайное время года сама мать крайне воздержанна. Через большие промежутки времени она принимает в моих банках запоздалую Саранчу, которую я поймал для нее в более солнечных уголках. Поэтому, чтобы поддерживать себя в форме, как это бывает, когда ее выкапывают во время моих зимних раскопок, она должна иногда прерывать свой пост и выходить на поиски добычи, не сбрасывая, конечно, своей живой мантили.

В походе есть свои опасности. Детеныши могут быть сбиты травинкой. Что с ними будет, если они упадут? Думает ли о них мать? Приходит ли она к ним на помощь и помогает ли им занять свое место у нее на спине? Вовсе нет. Привязанность сердца Паука, разделенная на несколько сотен, может выделить лишь очень слабую долю каждому. Ликоза почти не беспокоит, упадет ли со своего места один подросток, или шестеро, или все они. Она бесстрастно ждет, пока жертвы несчастного случая сами выберутся из своих затруднений, что они, если уж на то пошло, и делают очень проворно.

Я выметаю всю семью со спины одного из моих пансионеров карандашом для волос. Ни признака эмоций, ни попытки поиска со стороны оголенного. Побродив немного по песку, выброшенные детеныши находят, эти здесь, те там, ту или иную ногу матери, широко расставленную по кругу. С помощью этих альпинистских шестов они взбираются на вершину, и вскоре спинная группа принимает свою первоначальную форму. Ни один из них не пропал. Сыновья Ликозы в совершенстве владеют своим ремеслом акробатов: матери не нужно беспокоиться об их падении.

Взмахом карандаша я заставляю семейство одной Паучихи рассыпаться вокруг другой, нагруженной ее собственной семьей. Выбитые малыши проворно карабкаются по ногам и забираются на спину своей новой матери, которая любезно позволяет им вести себя так, как

будто они принадлежат ей. На животе, обычном месте отдыха, которое уже занято настоящими сыновьями, нет места. После этого захватчики устраиваются лагерем на передней части, осаждают грудную клетку и превращают переноску в ужасную подушечку для булавок, которая больше не имеет ни малейшего сходства с формой Паука. Между тем, страдальца не выражает никакого протеста против такого доступа семьи. Она безмятежно принимает их всех и гуляет с ними повсюду.

Молодежь, со своей стороны, неспособна отличить разрешенное от запрещенного. Они замечательные акробаты, они залезают на первого попавшегося Паука, даже если он другого вида, при условии, что он приличного размера. Я кладу их рядом с большой Эпейрой, отмеченной белым крестом на бледно-оранжевом фоне (*Epeira pallida*, ОЛИВ.). Малыши, как только их снимают со спины Ликосы, их матери, без колебаний взбираются на незнакомца.

Нетерпимый к подобной фамильярности, Паук встряхивает лапой, на которую посягнули, и отшвыривает незваных гостей подальше. Штурм упрямо возобновляется с такой благой целью, что дюжине удастся взобраться на вершину. Эпейра, не привыкшая к щекотке такого груза, переворачивается на спину и катается по земле на манер осла, когда у него чешется шкура. Некоторые хромают, некоторые даже раздавлены. Это не останавливает остальных, которые повторяют эскаладу, как только Эпейра снова встает на ноги. Затем следует еще несколько кувырков, перекачиваний на спину, пока весь головокружительный рой не придет в замешательство и не оставит Паука в покое.

ГЛАВА IV: НАРБОННСКАЯ ЛИКОЗА: НОРА

Мишле {23} рассказал нам, как, будучи учеником печатника в подвале, он установил дружеские отношения с Пауком. В определенный час дня луч солнечного света пробивался через окно мрачной мастерской и освещал маленький наборный футляр. Тогда его восьминогая соседка слезала со своей паутины и принимала свою долю солнечного света на краю ящика. Мальчик не мешал ей; он приветствовал доверчивого посетителя как друга и как приятное развлечение от долгого однообразия. Когда нам не хватает общества наших собратьев, мы находим прибежище в обществе животных, не всегда проигрывая в результате перемен.

Я, слава Богу, не страдаю меланхолией подвала: мое уединение наполнено светом и зеленью; я посещаю, когда мне заблагорассудится, праздник поля, концерт Дроздов, симфонию Сверчков; и все же мое дружеское общение с Пауком отмечено еще большей преданностью, чем у молодого наборщика. Я допускаю ее в свой кабинет, я освобождаю для нее место среди своих книг, я сажаю ее на солнышке у себя на подоконнике, я усердно навещаю ее в ее доме за городом. Цель наших отношений не в том, чтобы создать средство бегства от мелких жизненных забот, булавочных уколов, в которых у меня есть своя доля, как и у других мужчин, действительно, очень большая доля; Я предлагаю задать Пауку множество вопросов, на которые она время от времени снисходит до ответов.

К каким только замечательным проблемам не приводит привычка часто бывать у нее! Чтобы достойно изложить их, чудесного искусства, которым должна была овладеть маленькая печатница, было не так уж много. Нужно перо Мишле, а у меня есть только грубый, затупленный карандаш. Тем не менее давайте попробуем: даже плохо прикрытая истина все равно прекрасна.

Поэтому я еще раз обращаюсь к истории об инстинкте Паука, о котором предыдущие главы дали лишь очень приблизительное представление. С тех пор как я написал те ранние эссе, поле моих наблюдений значительно расширилось. Мои заметки обогатились новыми и наиболее примечательными фактами. Будет правильно, если я воспользуюсь ими для составления более подробной биографии.

Требования порядка и ясности, правда, вынуждают меня время от времени повторяться. Это неизбежно, когда приходится выстраивать в гармоничное целое тысячи предметов, отбираемых изо дня в день, часто неожиданно и не имеющих никакого отношения друг к другу. Наблюдатель не является хозяином своего времени; возможность ведет его неожиданными путями. Определенный вопрос, вызванный более ранним фактом, находит ответ только много лет спустя. Более того, его масштаб расширяется и дополняется видами, собранными в дороге. Следовательно, в произведении такого фрагментарного характера неизбежны повторения, необходимые для должной координации идей. Я буду обходиться с ними так бережно, как только смогу.

Позвольте нам еще раз представить наших старых друзей Эпейру и Ликозу, которые являются самыми важными Пауками в моем округе. Нарбоннский ликоза, или чернобрюхий тарантул, выбирает себе местожительство на пустынных, каменистых землях, любимых тимьяном. Ее жилище, скорее крепость, чем вилла, представляет собой нору глубиной около девяти дюймов и шириной с горлышко бутылки кларета. Направление перпендикулярно, насколько позволяют препятствия, часто встречающиеся на почве такого типа. Можно извлечь немного гравия и поднять наружу; но кремень - это неподвижный валун, которого Паук избегает, изгибая свою галерею. Если таких встречается больше, резиденция превращается в извилистую пещеру с каменными сводами, вестибюлями, сообщающимися между собой острыми переходами.

Это отсутствие плана не имеет сопутствующих недостатков, настолько хорошо владелица по давней привычке знает каждый уголок и этаж своего особняка. Если над головой раздастся какое-либо интересное жужжание, Ликоза поднимается из своего сурового поместья с той же скоростью, что и из вертикальной шахты. Возможно, она даже находит извилины преимуществом, когда ей приходится затаскивать в свое логово добычу, которая пытается защищаться.

Как правило, конец норы расширяется в боковую камеру, комнату отдыха, где Паучиха подолгу медитирует и довольствуется спокойной жизнью, когда ее брюхо сыто.

Шелковое покрытие, но скудное, поскольку у Ликозы нет такого количества шелка, которым обладают Пауки-ткачи, выстилает стенки трубки и предохраняет рыхлую землю от осыпания. Эта штукатурка, которая цементирует несвязные элементы и сглаживает неровные участки, предназначена в первую очередь для верхней части галереи, рядом с устьем. Здесь днем, если вокруг спокойно, Ликоза останавливается либо для того, чтобы насладиться солнечным теплом, которое доставляет ей огромное удовольствие, либо для того, чтобы подстеречь дичь. Нити шелковой подкладки обеспечивают надежную фиксацию когтей со всех сторон, будь то цель часами сидеть неподвижно, наслаждаясь светом и теплом, или наброситься на проходящую добычу.

Вокруг отверстия норы поднимается на большую или меньшую высоту круглый парапет, образованный из крошечных камешков, веточек и ремешков, позаимствованных из сухих

листьев соседних трав, все более или менее ловко связанных вместе и зацементированных шелком. Это произведение деревенской архитектуры никогда не пропадает без вести, даже если это всего лишь блокнот.

Достигнув зрелости и однажды поселившись, ликоза становится в высшей степени домашней. Последние три года я живу с ней в тесном общении. Я поставил ее в больших глиняных горшочках на подоконники своего кабинета, и она каждый день у меня перед глазами. Что ж, я очень редко бываю с ней снаружи, в нескольких дюймах от ее дырочки, обратно в которую она убегает при малейшем сигнале тревоги.

Таким образом, мы можем предположить, что, когда ликоза не находится в неволе, она не уходит далеко в поле, чтобы собрать необходимые средства для строительства своего парапета, и что она справляется с тем, что находит на своем пороге. В этих условиях строительные камни вскоре истощаются, и кладка прекращается из-за нехватки материалов.

Меня охватило желание посмотреть, какие размеры приняло бы круглое сооружение, если бы Пауку дали неограниченный запас. С пленниками, поставщиком которых я сам выступаю, это достаточно просто. Хотя бы для того, чтобы помочь тем, кто однажды захочет продолжить отношения с большим Пауком пустошей, позвольте мне описать, как размещены мои подопечные.

Глиняная кастрюля хорошего размера, глубиной около девяти дюймов, наполнена красной глинистой землей, богатой галькой, короче говоря, похожей на землю в местах, где обитает Ликоза. Должным образом увлажненный искусственный грунт, превращенный в пасту, насыпается слой за слоем вокруг центрального язычка с отверстием, равным отверстию естественной норы животного. Когда емкость наполняется доверху, я вынимаю язычок, который оставляет зияющую перпендикулярную стержень. Таким образом, я получаю обитель, которая заменит мне обитель полей.

Чтобы найти отшельника, который поселился бы здесь, достаточно просто прогуляться по окрестностям. Будучи удалена из своего собственного жилища, которое перевернуто вверх дном моим совком, и передана во владение логовом, созданным моим искусством, Ликоза сразу же исчезает в этом логове. Она больше не выходит, не ищет ничего лучшего в другом месте. Большая крышка из проволоочной сетки лежит на почве в поддоне и предотвращает утечку.

В любом случае, стража в этом отношении не требует от меня усердия. Заключение довольна своим новым жилищем и не проявляет сожаления о своей естественной норе. С ее стороны нет попыток к бегству. Позвольте мне не упустить возможность добавить, что в каждой кастрюле должно быть не более одного обитателя. Ликоза очень нетерпима. Для нее сосед - честная добыча, которую можно съесть без зазрения совести, когда на твоей стороне сила. Было время, когда, не подозревая об этой свирепой нетерпимости, которая еще более свирепа во время размножения, я наблюдал отвратительные оргии, совершавшиеся в моих переполненных клетках. Позже у меня будет возможность описать эти трагедии.

Давайте тем временем рассмотрим изолированных ликозов. Они не приукрашивают жилище, которое я соорудил для них, кусочком тростника; самое большее, время от времени, возможно, с целью устроить внизу гостиную или спальню, они выбрасывают несколько кучек мусора. Но все, мало-помалу, возводят бордюр, который должен окаймлять устье.

Я дал им множество первоклассных материалов, намного превосходящих те, которые они используют, когда предоставлены сами себе. Они состоят, во-первых, из маленьких гладких камней для фундамента, некоторые из которых размером с миндаль. К этому щебню примешаны короткие полоски рафии, или гибких лент из пальмового волокна, которые легко сгибаются. Это обычные плетеные пауком корзины, состоящие из тонких стеблей и сухих травинки. Наконец, в качестве невиданного сокровища, которым еще никогда не пользовались Ликосы, я предоставляю в распоряжение моих пленников несколько толстых шерстяных ниток, нарезанных на дюймовые отрезки.

В то же время, желая выяснить, способны ли мои животные с их великолепными линзами глаз различать цвета и предпочитать один цвет другому, я смешиваю кусочки шерсти разных оттенков: есть красные, зеленые, белые и желтые. Если у Паука есть какие-то предпочтения, он может выбирать, где ему заблагорассудится.

Ликоса всегда работает по ночам, прискорбное обстоятельство, которое не позволяет мне следовать методам работы. Я вижу результат; и это все. Если бы я зашел во двор здания при свете фонаря, я был бы ничуть не мудрее. Животное, которое очень пугливо, сразу же нырнуло бы в свое логово, и я бы зря потерял сон. Кроме того, она не очень прилежный работник; она любит не торопиться. Два или три клочка шерсти или рафии, разложенные по местам, означают работу целой ночи. И к этой медлительности мы должны добавить долгие периоды полного безделья.

Проходит два месяца, и результат моей щедрости превосходит все мои ожидания. Обладая таким количеством непредвиденных доходов, что они не знают, что с ними делать, собранных в непосредственной близости, мои ликосы построили себе крепости-донжоны, подобных которым их раса еще не знала. Вокруг отверстия, на слегка пологом берегу, были уложены небольшие, плоские, гладкие камни, образующие разбитую мощеную мостовую. Более крупные камни, которые представляют собой циклопические глыбы по сравнению с размерами животного, которое их сдвинуло, используются в таком же изобилии, как и другие.

На этом скальном сооружении стоит донжон. Это переплетение рафии и кусочков шерсти, подобранных наугад, без различия оттенка. Красное и белое, зеленое и желтое смешиваются без какой-либо попытки упорядочить. Ликоза равнодушна к удовольствиям цвета.

В результате получается что-то вроде муфты высотой в пару дюймов. Шелковые ленты, прикрепленные фильерами, соединяют кусочки, так что целое напоминает грубую ткань. Не будучи абсолютно безупречным, поскольку снаружи всегда есть неудобные детали, с которыми рабочий не смог бы справиться, безвкусное здание не лишено достоинств. Птица, выстилающая свое гнездо, справилась бы не лучше. Всякий, кто видит любопытные, разноцветные изображения на моих сковородках, принимает их за результат моего усердия, придуманный с целью какого-нибудь экспериментального озорства; и велико его удивление, когда я признаюсь, кто настоящий автор. Никто никогда бы не поверил, что Паук способен соорудить такой памятник.

Само собой разумеется, что в состоянии свободы, на наших бесплодных пустошах Ликоса не балует себя такой роскошной архитектурой. Я назвал причину: она слишком любит сидеть дома, чтобы отправляться на поиски материалов, и она использует ограниченные ресурсы, которые находит вокруг себя. Кусочки земли, мелкие осколки камня, несколько веточек, несколько

увядших травинок - вот и все, или почти все. Поэтому работа, как правило, довольно скромная и сводится к парапету, который вряд ли привлекает внимание.

Мои пленники учат нас, что при изобилии материалов, особенно текстильных, которые устраняют все опасения оползня, Ликоза наслаждается высокими башенками. Она разбирается в искусстве строительства донжонов и применяет его на практике так часто, как у нее есть средства.

Это искусство сродни другому, от которого оно, по-видимому, и произошло. Если солнце палит сильно или грозит дождь, Ликоза закрывает вход в свое жилище шелковой решеткой, в которую она вкладывает различные материи, часто остатки съеденных ею жертв. Древний гаэль прибывал головы своих поверженных врагов к двери своей хижины. Точно так же свирепый Паук втыкает черепа своих жертв в крышку своей пещеры. Эти ошметки очень хорошо смотрятся на крыше людоеда, но мы должны быть осторожны, чтобы не принять их за военные трофеи. Животное ничего не знает о нашей варварской бравате. Все, что находится на пороге норы, используется без разбора: фрагменты Саранчи, растительные остатки и особенно частицы земли. Голова стрекозы, обожженная солнцем, ничем не лучше куска гравия.

И вот, используя шелк и всевозможные крошечные материалы, Ликоза создает у входа в свой дом колпак с крышкой. Я не очень хорошо знаком с причинами, побудившими ее забаррикадироваться в закрытом помещении, тем более что уединение носит лишь временный характер и сильно различается по продолжительности. Я получаю точные сведения от племени ликозов, где вольер, как будет видно позже, оказался переполненным в результате моих исследований расселения семьи.

Во время тропической августовской жары я вижу, как мои ликозы, то эта партия, то та, строят у входа в нору выпуклый потолок, который трудно отличить от окружающей почвы. Может быть, для того, чтобы защититься от слишком яркого света? Это сомнительно, потому что несколько дней спустя, хотя сила солнечного света остается прежней, крыша распахивается, и Паук снова появляется у ее двери, где наслаждается невыносимой жарой собачьих дней.

Позже, когда наступает октябрь, если погода дождливая, она снова уединяется под крышей, как будто защищаясь от сырости. Однако давайте не будем ни в чем слишком уверены: часто, когда идет сильный дождь, Паук пробивает потолок и оставляет свой дом открытым небу.

Возможно, крышку надевают только для серьезных домашних мероприятий, особенно для укладки. Я действительно вижу молодых ликоз, которые запираются в себе до того, как достигают достоинства материнства, и которые появляются снова некоторое время спустя с мешком, содержащим яйца, подвешенным к их корме. Вывод о том, что они закрывают дверь с целью обеспечения большей тишины во время плетения материнского кокона, не соответствовал бы безразличию, проявляемому большинством. Я нахожу тех, кто откладывает яйца в открытую нору; я натываюсь на тех, кто плетет свой кокон и набивает его яйцами на открытом воздухе, еще даже не обзаведясь собственным жильем. Короче говоря, мне не удается понять причины, по которым нора закрывается, независимо от погоды, жаркой или холодной, влажной или сухой.

Факт остается фактом: крышку ломают и ремонтируют неоднократно, иногда в один и тот же день. Несмотря на землистую оболочку, шелковый гав придает ему необходимую гибкость, чтобы раскалываться при нажатии отшельника и разрываться, не превращаясь в руины.

Суженный к окружности устья и увеличенный за счет обломков других перекрытий, он превращается в парапет, который Ликоса постепенно поднимает в долгие минуты досуга. Таким образом, бастион, возвышающийся над норой, берет свое начало от временной крышки. Башенка происходит от разделенного потолка.

Для чего предназначена эта турель? Мои приборы подскажут нам это. Восторженный приверженец охоты, до тех пор, пока она не закреплена надолго, Ликоза, как только она обустроит дом, предпочитает залечь в засаду и ждать добычу. Каждый день, когда стоит самая сильная жара, я вижу, как мои пленники медленно поднимаются из-под земли и опираются на зубчатые стены своего покрытого шерстью замка-цитадели. Тогда они действительно великолепны в своей величественной серьезности. С их раздувшимся животом, заключенным в отверстие, головой наружу, витаращенными стеклянными глазами, поджатыми для прыжка ногами, они часами ждут, неподвижные, сладострастно нежась на солнце.

Если случайно попадется что-нибудь по ее вкусу, наблюдательница тут же бросается со своей высокой башни, быстрая, как стрела, выпущенная из лука. Ударом кинжала в шею она протыкает яремную вену Саранче, Стрекозе или другой добыче, поставщиком которой я являюсь; и она так же быстро взбирается на донжон и удаляется со своей добычей. Это представление - замечательная демонстрация мастерства и скорости.

Очень редко можно упустить добычу, при условии, что она проходит на удобном расстоянии, в пределах досягаемости охотницы. Но если добыча находится на некотором расстоянии, например, на проволоке клетки, ликоза не обращает на нее внимания. Не желая пускаться в погоню, она позволяет ей разгуливать по своему желанию. Она никогда не наносит удар, кроме тех случаев, когда уверена в своем ударе. Она достигает этого с помощью своей башни. Прячась за стеной, она видит приближающегося незнакомца, не сводит с него глаз и внезапно нападает, когда он оказывается в пределах досягаемости. Эта внезапная тактика придает делу определенности. Хотя он был крылат и быстр в полете, неосторожный, кто приблизится к засаде, погибнет.

Это, правда, предполагает образцовое терпение со стороны ликозы, поскольку в норе нет ничего, что могло бы послужить приманкой для жертв. В лучшем случае выступ, образованный башенкой, может, через редкие промежутки времени, соблазнить какого-нибудь усталого путника использовать его в качестве места отдыха. Но если добыча не появится сегодня, она обязательно появится завтра, послезавтра или позже, потому что Саранча в неисчислимом количестве прыгает по пустоши, и они не всегда могут регулировать свои прыжки. Рано или поздно случай обязательно приведет одного из них в укрытие норы. Настал момент напасть на пилигрима с крепостных стен. До тех пор мы сохраняем стоическую бдительность. Мы поужинаем, когда сможем; но ужином мы закончим.

Таким образом, Ликоза, хорошо осведомленная об этих отдаленных последствиях, выжидает и не испытывает чрезмерного беспокойства из-за длительного воздержания. У нее покладистый желудок, который доволен тем, что насытился сегодня, а потом остается пустым бог знает сколько времени. Иногда я неделями пренебрегал своими обязанностями по организации питания, и моим жильцам от этого не становилось хуже. После более или менее продолжительного голодания они не чахнут, но их одолевает волчий голод. Все эти ненасытные едоки похожи друг на друга: сегодня они наедаются до отвала в ожидании завтрашнего голода.

В юности, еще до того, как у нее появилась нора, Ликоса зарабатывает себе на жизнь другим способом. Одета в серое, как ее старшие, но без черного бархатного фартука, который она получает по достижении брачного возраста, она бродит среди низкорослой травы. Это настоящая охота. Если в поле зрения появляется подходящая добыча, Паук преследует ее, выгоняет из укрытий, преследует по горячим следам. Беглец набирает высоту, делает вид, что собирается улететь. У него нет времени. Прыгнув вверх, Ликоса хватается за него прежде, чем он успевает подняться.

Я восхищен ловкостью, с которой мои однолетние жильцы ловят Мух, которых я им подкармливаю. Напрасно муха ищет убежища в паре дюймов выше, на какой-нибудь травинке. Внезапно подпрыгнув в воздух, Паук набрасывается на добычу. Ни одна кошка не может быстрее поймать свою Мышь.

Но это юношеские подвиги, которым не мешает ожирение. Позже, когда приходится тащить за собой тяжелый живот, раздутый яйцами и шелком, эти гимнастические упражнения становятся невыполнимыми. Затем Ликоса выкапывает себе оседлое жилище, охотничий домик, и сидит в своей сторожевой башне, высматривая дичь.

Когда и как получается нора, в которой Ликоса, некогда бродячая, а теперь домоседка, проведет остаток своей долгой жизни? У нас осень, погода уже становится прохладной. Вот как Полевой Крикет берется за работу: пока дни погожие, а ночи не слишком холодные, будущий певец весны бродит по залежам, не заботясь о местном жилье. В критические моменты прикрытие из опавших листьев служит ему временным убежищем. В конце концов, с приближением сезона ненастий роется нора, постоянное жилище.

Ликоса разделяет взгляды Сверчка: как и он, она находит тысячу удовольствий в бродячей жизни. С сентября появляется свадебный значок - нагрудник из черного бархата. Пауки встречаются ночью, при мягком лунном свете: они резвятся вместе, вскоре после свадьбы съедают возлюбленную; днем они рыщут по окрестностям, отслеживают дичь на травянистом ковре с коротким ворсом, наслаждаются солнечными радостями. Это гораздо лучше, чем уединенная медитация на дне колодца. И поэтому нередко можно увидеть молодых матерей, тащащих свой пакет с яйцами или даже уже несущих свою семью, но пока еще без дома.

В октябре наступает время остепениться. Тогда мы, по сути, находим два вида нор, которые различаются по диаметру. Более крупные норы с бутылочным горлышком принадлежат пожилым матронам, которые владеют своим домом по меньшей мере два года. На меньшем, толщиной с толстый грифель карандаша, изображены молодые матери, родившиеся в этом году. В результате долгих и неторопливых переделок земли новичка увеличатся как в глубину, так и в диаметр и станут просторными жилищами, похожими на жилища бабушек. В обоих мы находим хозяйку и ее семью, причем последняя иногда уже вылупилась, а иногда все еще заключена в атласный кошелек.

Не видя никаких землеройных инструментов, которые, как мне показалось, требовались для раскопок жилища, я подумал, не могла ли Ликоза воспользоваться какой-нибудь случайной галереей, работой цикады или дождевого червя. Этот готовый туннель, подумал я, должен сократить труды Паука, который, по-видимому, так нуждается в инструментах; ей нужно было бы только расширить его и привести в порядок. Я ошибался: нора вырыта от начала до конца ее собственным трудом.

Тогда где же землеройные орудия? Мы думаем о ногах, о когтях. Мы думаем о них, но размышление подсказывает нам, что подобные инструменты не годятся: они слишком длинные и ими слишком сложно орудовать в ограниченном пространстве. Что требуется, так это кирка шахтера с короткой ручкой, с помощью которой можно сильно вонзать, вставлять, рычажить и извлекать; что требуется, так это острый наконечник, который входит в землю и крошит ее на куски. Остаются клыки ликозы, деликатное оружие, которое мы поначалу не решаемся связать с подобной работой, настолько нелогичным кажется копание ямы хирургическими скальпелями.

Клыки представляют собой пару острых изогнутых кончиков, которые в состоянии покоя загибаются наподобие пальца и укрываются между двумя прочными столбами. Кошка прячет свои когти под бархат лапы, чтобы сохранить их остроту. Точно так же Ликоза защищает свои отравленные кинжалы, складывая их в футляр из двух мощных колонн, которые выходят отвесно на поверхность и содержат мышцы, которые ими управляют.

Что ж, это хирургическое снаряжение, предназначенное для перерезания яремной артерии жертвы, внезапно превращается в кирку и выполняет грубую работу землекопа. Наблюдать за подземными раскопками невозможно, но мы можем, по крайней мере, проявив немного терпения, увидеть, как вывозят мусор. Если я наблюдаю за своими пленниками, не утомляясь, в очень ранний час — поскольку работа происходит в основном ночью и с большими интервалами, — в конце концов я застаю их возвращающимися с грузом. Вопреки тому, что я ожидал, ноги не участвуют в транспортировке. Именно рот выполняет роль тележки. Крошечный комочек земли удерживается между клыками и поддерживается щупальцами, которые представляют собой маленькие ручки, используемые для обслуживания ротовых частей. Ликоза осторожно спускается со своей башни, отходит на некоторое расстояние, чтобы избавиться от своей ноши, и быстро снова ныряет вниз, чтобы поднять еще.

Мы увидели достаточно: мы знаем, что клыки ликозы, это смертоносное оружие, не боятся вгрызаться в глину и гравий. Они измельчают выкопанный мусор в гранулы, собирают массу земли и выносят ее наружу. Остальное следует естественным путем; именно клыки копают, выкапывают и извлекают. Какими тонкими они должны быть, чтобы не быть притупленными работой этого хорошего грузила и в настоящее время выполнять свои обязанности при хирургической операции по нанесению удара ножом в шею!

Я уже говорил, что ремонт и расширение норы производятся с большими интервалами. Время от времени круглый парапет пристраивается и становится немного выше; еще реже жилище расширяется и углубляется. Как правило, особняк остается таким, каким он был, в течение целого сезона. Ближе к концу зимы, в марте, больше, чем в любой другой период, Ликоза, кажется, хочет дать себе немного больше пространства. Сейчас самый подходящий момент подвергнуть ее определенным испытаниям.

Мы знаем, что полевой сверчок, когда его вытаскивают из норы и сажают в клетку в условиях, которые позволили бы ему вырыть себе новое жилище, если бы припадок овладел им, предпочитает перебираться из одного случайного убежища в другое или, скорее, отказывается от всякой идеи создания постоянного места жительства. Бывает короткий сезон, когда действительно просыпается инстинкт строительства подземной галереи. Когда этот сезон заканчивается, художник-раскопщик, случайно лишенный своего жилища, превращается в бродячую богему, не заботящуюся о жилье. Он забыл о своих талантах и отсыпается.

То, что птица, строящая гнезда, пренебрегает своим искусством, когда ей не о чем заботиться, совершенно логично: она строит для своей семьи, а не для себя. Но что мы скажем о Сверчке, который подвергается тысяче неприятностей вдали от дома? Защита крыши была бы ему очень полезна, но головастик не обращает на это внимания, хотя он очень силен и более чем когда-либо способен рыть землю своими мощными челюстями.

На какую причину такого пренебрежения мы можем сослаться? Никакой, если только не на то, что сезон интенсивного рытья нор прошел. У инстинктов есть свой календарь. В определенный час они внезапно просыпаются; так же внезапно после этого они засыпают. Изобретательные становятся некомпетентными, когда заканчивается предписанный период.

По вопросу такого рода мы можем проконсультироваться с Пауком пустошей. Я ловлю старую Ликозу в поле и в тот же день сажаю ее в нору под проволокой, где приготовил почву по ее вкусу. Если с помощью моих ухищрений и кусочка тростника я предварительно соорудил нору, примерно соответствующую той, из которой я ее вытащил, Паучиха немедленно входит в нее и, кажется, довольна своим новым жилищем. Произведение моего искусства признано ее законной собственностью и практически не претерпевает никаких изменений. Со временем вокруг отверстия возводится бастион; верх галереи зацементирован шелком; и это все. В этом заведении, расположенном в моем здании, поведение животного остается таким, каким оно было бы в естественных условиях.

Но разместите Ликозу на поверхности земли, не выкапывая предварительно нору. Что будет делать бездомный Паук? Можно подумать, что он выроет себе жилище. У нее достаточно сил для этого; она в расцвете сил. Кроме того, почва похожа на ту, откуда я ее выгнал, и идеально подходит для операции. Поэтому мы ожидаем, что вскоре Паучиха поселится в шахте собственной конструкции.

Мы разочарованы. Проходят недели, а не предпринимается ни малейшего усилия. Деморализованная отсутствием засады, Ликоса едва удостоивает взглядом дичь, которую я подаю. Напрасно сверчки пролетают в пределах ее досягаемости; чаще всего она их презирует. Она медленно чахнет от поста и скуки. В конце концов, она умирает.

Снова займись своим шахтерским ремеслом, бедный дурачок! Устройтесь как дома, раз уж вы знаете, как это сделать, и жизнь будет для вас приятной еще много долгих дней: погода прекрасная, а съестных припасов в изобилии. Копайте, копайте, уходите под землю, где безопасно. Как идиот, вы воздерживаетесь; и вы погибаете. Почему?

Потому что ремесло, которым вы привыкли заниматься, забыто; потому что дни терпеливого копания прошли, и ваш бедный мозг не в состоянии работать дальше. Делать во второй раз то, что уже было сделано, выше вашего разума. Несмотря на весь ваш медитативный вид, вы не можете решить проблему, как восстановить то, что исчезло.

Давайте теперь посмотрим, что мы можем сделать с молодыми Lycosae, которые находятся на стадии выкапывания нор. В конце февраля я выкапываю пять или шесть особей. Они вдвое меньше старых; их норы в диаметре равны моему мизинцу. Довольно свежий мусор, разбросанный вокруг ямы, свидетельствует о недавнем времени раскопок.

Запертые в своих проволочных клетках, эти молодые ликозы ведут себя по-разному в зависимости от того, есть в почве, предоставленной в их распоряжение, сделанная мной нора

или ее еще нет. "Нора" - вряд ли подходящее слово: я даю им всего лишь зародыш шахты глубиной около дюйма, чтобы заманить их туда. Завладев этим рудиментарным логовом, Паук, не колеблясь, продолжает работу, которую я прервал в поле. Ночью он усердно копает. Я вижу это по куче отброшенного в сторону мусора. Наконец-то она получает подходящий ей дом, дом, увенчанный обычной башенкой.

Другие, напротив, те Пауки, для которых удар моего карандаша не создал прихожей, представляющей в известной степени естественную галерею, откуда я их выгнал, категорически отказываются работать; и они умирают, несмотря на обилие провизии.

Первые выполняют задание сезона. Они копали землю, когда я их поймал; и, увлеченные энтузиазмом своей деятельности, они продолжают копаться в моих клетках. Захваченные моим стержнем-приманкой, они углубляют отпечаток карандаша, как будто углубляют свой настоящий вестибюль. Они не начинают свою работу заново; они продолжают ее.

Вторые, не имеющие этого стимула, этого подобия норы, ошибочно принятого за их собственную работу, оставляют идею копания и позволяют себе умереть, потому что им пришлось бы вернуться по цепочке действий и возобновить начатые взмахи киркой. Чтобы начать все сначала, требуется рефлексия - качество, которым они не наделены.

Для насекомого — и мы видели это во многих предыдущих случаях — что сделано, то сделано, и за него нельзя браться снова. Стрелки часов не движутся назад. Насекомое ведет себя во многом таким же образом. Его активность побуждает его двигаться в одном направлении, постоянно вперед, не позволяя ему возвращаться по своим следам, даже когда несчастный случай делает это необходимым.

То, чему пчелы-каменщики и другие учили нас раньше, Ликоса теперь подтверждает в своей манере. Неспособная приложить новые усилия, чтобы построить себе второе жилище, когда с первым будет покончено, она отправится бродяжничать, она вломится в дом соседа, она рискует быть съеденной, если не окажется сильнее, но она никогда не подумает о том, чтобы обустроить себе дом, начав все заново.

Какой странный интеллект у этого животного, смесь механической рутины и утонченной мозговой силы! Есть ли в нем проблески изобретательности, желания, преследующие определенную цель? Следуя по стопам стольких других, *Lycosa* позволяет нам усомниться в этом.

ГЛАВА V: НАРБОННСКАЯ ЛИКОЗА: СЕМЬЯ

В течение трех и более недель ликоза прикрепляет пакет с яйцами к своим фильерам. Читатель, вероятно, помнит эксперименты, описанные в третьей главе этого тома, особенно эксперименты с пробковым шариком и нитяным шариком, которые Паук так глупо принимает в обмен на настоящую пилюлю. Что ж, эта чрезвычайно туповатая мать, довольствующаяся всем, что касается ее пяток, вот-вот заставит нас удивиться ее преданности.

Независимо от того, вылезает ли она из своей шахты, чтобы облокотиться на бордюр и погреться на солнышке, уходит ли она внезапно под землю перед лицом опасности или бродит по стране, прежде чем остепениться, она никогда не выпускает из рук свою драгоценную сумку, эту очень громоздкую ношу при ходьбе, лазании или прыжках. Если по какой-то случайности

оно отсоединяется от крепления, на котором оно подвешено, она в бешенстве бросается на свое сокровище и любовно обнимает его, готовая укусить любого, кто захочет отнять его у нее. Иногда я сам становлюсь вором. Затем я слышу, как кончики ядовитых клыков скрежещут по стали моих клешней, которые тянут в одну сторону, в то время как Ликоза тянет в другую. Но давайте оставим животное в покое: быстрым касанием фильер пилюля возвращается на свое место, и Паук удаляется, все еще угрожающий.

Ближе к концу лета все домовладельцы, старые или молодые, будь то в плену на подоконнике или на свободе на дорожках огорода, ежедневно сообщают мне следующее улучшающееся зрение. Утром, как только солнце припекает и освещает их нору, отшельники поднимаются со дна со своим мешком и становятся у входа. Длительные сиесты в преддверии солнечного дня являются обычным явлением в течение всего погожего сезона; но в настоящее время принято иное положение. Раньше Ликоза выходила на солнце ради самой себя. Облокотившись на парапет, она выставила переднюю половину тела за пределы ямы, а заднюю - внутрь.

Глаза наполнились светом; живот оставался в темноте. Неся свой мешок с яйцами, Паучиха меняет позу: передняя часть находится в яме, задняя - снаружи. Задними лапами она держит белую таблетку, набитую микробами, приподнятой над входом; осторожно поворачивает и возвращает ее на место, подставляя животворящим лучам со всех сторон. И это продолжается в течение половины дня, пока температура остается высокой; и это повторяется ежедневно, с исключительным терпением, в течение трех или четырех недель. Чтобы высиживать яйца, птица укрывает их одеялом своей груди; она прижимает их к горнилу своего сердца. Ликоза поворачивает свои перед очагом очагов, она дает им солнце в качестве инкубатора.

В первых числах сентября птенцы, которые некоторое время назад вылупились, готовы к выходу. Таблетка раскрывается вдоль средней складки. Мы читали о происхождении этой складки в предыдущей главе.^[24] Чувствует ли мать, что выводок оживает внутри атласной обертки, сама вскрывает сосуд в подходящий момент? Это кажется вероятным. С другой стороны, может произойти самопроизвольный разрыв, подобный тому, что мы увидим позже в воздушном шаре Полосатой Эпейры, прочном кошельке, который открывает брешь сам по себе, спустя долгое время после того, как мать перестала существовать.

Вся семья сразу же выбирается из мешка. Тут же детеныши взбираются на спину матери. Что же касается пустого мешка, превратившегося в бесполезный лоскуток, то его выбрасывают из норы; Ликоза больше не обращает на это внимания. Сбившись в кучу, иногда в два или три слоя, в зависимости от их количества, малыши покрывают всю спину матери, которая в ближайшие семь или восемь месяцев будет носить свою семью день и ночь. Нигде мы не можем надеяться увидеть более поучительную домашнюю картину, чем Ликоза, облаченная в своих детенышей.

Время от времени я встречаю небольшую группу цыган, проходящих по большой дороге, направляясь на какую-нибудь соседнюю ярмарку. Новорожденный младенец мяукает на груди матери, в гамаке, сделанном из косынки. Последнего отнят от груди несут на спине; третий малыш держится за юбку матери; остальные следуют за ним по пятам, самый крупный замыкает шествие, роясь в заросшей ежевикой живой изгороди. Это великолепное зрелище беспечной плодотворности. Они идут своей дорогой, без гроша в кармане и ликующие. Солнце жаркое, а земля плодородная.

Но как бледнеет эта картина перед картиной Ликозы, несравненной цыганки, отпрысков которой насчитывается сотня! И все они, без исключения, с сентября по апрель, без малейшей передышки находят место на спине терпеливого создания, где довольствуются спокойной жизнью и тем, что их возят повсюду.

Малыши очень послушны; никто не двигается с места, никто не ищет ссоры со своими соседями. Цепляясь друг за друга, они образуют сплошную драпировку, мохнатый покров, под которым мать становится неузнаваемой. Это животное, пушок шерсти, гроздь маленьких семян, прикрепленных друг к другу? С первого взгляда невозможно определить.

Равновесие этого живого одеяла не такое прочное, но оно часто падает, особенно когда мать выходит из дома и подходит к порогу, чтобы дать малышам погреться на солнышке. Малейшее прикосновение к галерее лишает места кого-то из членов семьи. Несчастный случай несерьезен. Курица, суевающаяся вокруг своих цыплят, ищет заблудившихся, зовет их, собирает вместе. Ликоза не знает этих материнских тревог. Она бесстрастно оставляет тех, кто уходит, самим справляться со своими трудностями, что они делают с поразительной быстротой. Поблагодарите меня за то, что эти молодые люди встали без нытья, отряхнулись и снова сели в седло! Выбитые из седла, они быстро находят ногу матери, обычную палку для лазания; они взбираются по ней так быстро, как только могут, и занимают свои места на спине носильщика. Живая кора животных восстанавливается в мгновение ока.

Говорить здесь о материнской любви было, по-моему, экстравагантно. Привязанность ликозы к своему потомству едва ли превосходит привязанность растения, которому незнакомы какие-либо нежные чувства, и тем не менее оно проявляет к своим семенам самый нежный уход. Животное, во многих случаях, не знает другого чувства материнства. Какая забота у ликозы о ее выводке! Она принимает чужое так же легко, как и свое собственное; она удовлетворена до тех пор, пока ее спина отягощена кишасей толпой, независимо от того, исходят ли они из ее яичников или откуда-то еще. Здесь не может быть и речи о настоящей материнской привязанности.

Я уже описывал в другом месте мастерство Коприс {25} присматривать за клетками, которые не являются делом ее рук и не содержат ее потомства. С усердием, которое нелегко утомить даже дополнительным трудом, возложенным на нее, она удаляет плесень с чужеродных навозных шариков, количество которых намного превышает обычные гнезда; она аккуратно скребет, полирует и ремонтирует их; она внимательно слушает их и на слух интересуется успехами каждого птенца. Ее настоящая коллекция не заслуживала большего внимания. Ее собственная семья или чужая: для нее все равно.

Ликоза также безразлична. Я беру карандаш для волос и снимаю живую ношу с одного из моих Пауков, заставляя его упасть рядом с другим, покрытым ее детенышами. Выселенные детеныши бегают вокруг, обнаруживают раскинутые ноги молодой матери, проворно взбираются по ним и забираются на спину услужливого существа, которое спокойно позволяет им поступать по-своему.

Они скользят среди других или, если слой слишком толстый, выдвигаются вперед и переходят с живота на грудную клетку и даже на голову, оставляя, однако, область глаз непокрытой. Не следует ослеплять носителя: этого требует общая безопасность. Они знают это и уважают глазные линзы, каким бы многолюдным ни было собрание. Все животное теперь покрыто густым

ковром из детенышей, за исключением ног, которые должны сохранять свободу действий, и нижней части тела, где следует опасаться контакта с землей.

Мой карандаш навязывает третью семью и без того перегруженному Пауку; и это тоже принимается мирно. Детеныши теснятся друг к другу, ложатся слоями друг на друга, и для всех найдется место. Ликоза утратил последнее подобие животного, превратившись в безымянную ошестинившуюся тварь, которая разгуливает повсюду. Часты падения, за которыми следуют постоянные подъемы.

Я чувствую, что достиг пределов не доброй воли носителя, а равновесия. Паучиха усыновила бы еще неопределенное количество найденышей, если бы размеры ее спины позволяли им крепко держаться. Давайте удовлетворимся этим. Давайте вернем каждой семье ее мать, выбрав наугад из жребия. Здесь обязательно должны быть взаимозамены, но это не имеет значения: настоящие дети и усыновленные - это одно и то же в глазах Ликоса.

Хотелось бы знать, может ли, помимо моих ухищрений, в обстоятельствах, когда я не вмешиваюсь, добродушная сиделка иногда обременять себя дополнительной семьей; также было бы интересно узнать, что получается из этого объединения законных отпрысков и незнакомых людей. У меня достаточно материалов, чтобы получить ответ на оба вопроса. Я поместил в одну клетку двух пожилых матрон, нагруженных малышами. У каждой свой дом настолько далеко от дома другой, насколько позволяет размер общей сковороды. Расстояние составляет девять дюймов или больше. Этого недостаточно. Близость вскоре разжигает жестокую зависть между этими нетерпимыми существами, которые вынуждены жить далеко друг от друга, чтобы обеспечить себе подходящие охотничьи угодья.

Однажды утром я застаю двух ведьм, которые ссорятся на полу. Проигравшую укладывают плашмя на спину; победительница оказывается животом к животу со своей противницей, обхватывает ее ногами и не дает ей пошевелить ни одной конечностью. У обеих широко раскрыты ядовитые клыки, готовые укусить, но еще не осмеливающиеся, настолько они взаимно грозны. После определенного периода ожидания, в течение которого пара просто обменивается угрозами, более сильная из них, та, что сверху, запускает свой смертоносный механизм и разрубает голову поверженному врагу. Затем она спокойно пожирает умершего маленькими глотками.

Что же теперь делают детеныши, пока их мать съедают? Легко утешенные, не обращая внимания на ужасную сцену, они забираются на спину завоевателя и спокойно занимают свои места среди законной семьи. Людоедка не возражает, принимает их как своих. Она зарабатывает на жизнь за счет матери и усыновляет сирот.

Добавим, что еще много месяцев, пока не наступит окончательное освобождение, она будет вынашивать их, не проводя никакого различия между ними и своими собственными детенышами. Отныне две семьи, объединившиеся столь трагическим образом, составят единую. Мы видим, насколько неуместно было бы говорить в этой связи о материнской любви и ее нежных проявлениях.

Кормит ли Ликоса хотя бы детенышей, которые в течение семи месяцев копошатся у нее на спине? Приглашает ли она их на пир, когда получает приз? Сначала я так и подумал; и, желая помочь на семейном застолье, я уделил особое внимание наблюдению за тем, как едят матери. Как правило, добычу съедают вне поля зрения, в норе; но иногда трапезу принимают и на

пороге, на открытом воздухе. Кроме того, ликозу и ее семью легко содержать в клетке из проволочной сетки со слоем земли, в которой пленнице и в голову не придет рыть колодец, поскольку для такой работы не сезон. Затем все происходит под открытым небом.

Что ж, пока мать жует, разжевывает, сцеживает соки и глотает, детеныши не трогаются со своего места на ее спине. Ни один не покидает своего места и не подает признаков желания соскользнуть вниз и присоединиться к трапезе. Мать также не приглашает их прийти и подкрепиться, и не откладывает для них остатки еды. Она кормится, а остальные наблюдают или, скорее, остаются безразличными к происходящему. Их идеальная тишина во время застолья с Ликозой указывает на обладание желудком, который не знает пристрастий.

Тогда чем же они питаются в течение семи месяцев воспитания на спине матери? Можно представить себе выделения, выделяемые телом носителя, и в этом случае детеныши питались бы своей матерью, подобно паразитическим паразитам, и постепенно истощали бы ее силы.

Мы должны отказаться от этого представления. Никто никогда не видел, чтобы они прикасались ртом к коже, которая должна быть для них чем-то вроде соска. С другой стороны, ликоза далека от того, чтобы быть истощенной и сморщенной, она остается совершенно здоровой и пухлой. Когда она заканчивает выращивать детенышей, у нее такой же большой животик, как и в начале. Она не похудела, отнюдь нет; напротив, она пополнила: у нее появились средства, чтобы следующим летом завести новую семью, такую же многочисленную, как сегодняшняя.

Еще раз, с помощью чего малыши поддерживают свои силы? Нам не хотелось бы предполагать, что запасы, содержащиеся в яйце, восполняют расход жизненной силы животного, особенно если учесть, что эти запасы, которые сами по себе так близки к нулю, необходимо экономить с учетом шелка, материала высочайшей важности, который в настоящее время будет широко использоваться. В механизме крошечного животного, должно быть, задействованы и другие силы.

Полное воздержание от пищи можно было бы понять, если бы оно сопровождалось инертностью: неподвижность - это не жизнь. Но молодые ликозы, хотя обычно и ведут себя тихо на спине своей матери, в любое время готовы к физическим упражнениям и проворному роению. Когда они падают с материнской коляски, они быстро поднимаются, проворно карабкаются по ножке и добираются до верха. Это великолепно ловкое и энергичное представление. Кроме того, усевшись, они должны сохранять устойчивое равновесие в общей массе; им приходится вытягивать и напрягать свои маленькие конечности, чтобы держаться за своих соседей. На самом деле, для них нет абсолютного покоя. Физиология учит нас, что ни одно волокно не работает без затрат энергии. Животное, которое в немалой степени можно сравнить с нашими промышленными машинами, требует, с одной стороны, обновления своего организма, который изнашивается при движении, а с другой - поддержания тепла, преобразованного в действие. Мы можем сравнить его с локомотивом-локомотивом. По мере того как железный конь выполняет свою работу, у него постепенно изнашиваются поршни, шатуны, колеса, котельные трубы, которые время от времени приходится ремонтировать. Основатель и кузнец ремонтируют его, снабжают, так сказать, 'пластиковой пищей', пищей, которая воплощается в целое и становится его частью. Но, хотя его только что доставили из машинного цеха, он все еще инертен. Чтобы обрести способность двигаться, он должен получать от кочегара 'пищу, производящую энергию'; другими словами, он зажигает в нем несколько лопат угля. Это тепло будет производить механическую работу.

Так же и со зверем. Поскольку ничто не создается из ничего, яйцо сначала снабжает новорожденное животное необходимыми материалами; затем пластичная пища, кузнец живых существ, увеличивает тело до определенного предела и обновляет его по мере износа. Кочегар работает в одно и то же время, не останавливаясь. Топливо, источник энергии, остается в системе лишь на короткое время, где оно потребляется и выделяет тепло, откуда возникает движение. Жизнь - это топка. Согретое пищей животное-машина движется, ходит, бежит, прыгает, плавает, летает, приводит в действие свой опорно-двигательный аппарат тысячами способов.

Возвращаясь к молодым ликозам, отметим, что они не становятся крупнее до периода своего освобождения. Я нахожу их в возрасте семи месяцев такими же, какими я видел их при рождении. Яйцо поставляло материалы, необходимые для их крошечного каркаса; и, поскольку потери отходов жизнедеятельности на данный момент чрезмерно малы или даже *равны нулю*, дополнительная пластиковая пища не требуется до тех пор, пока зверек не вырастет. В этом отношении длительное воздержание не представляет трудностей. Но остается вопрос о питании, вырабатывающем энергию, которое просто необходимо, поскольку маленькая Ликоза двигается, когда это необходимо, и притом очень активно. Чему мы должны приписать тепло, затрачиваемое при действии, когда животное совершенно не получает пищи?

Идея напрашивается сама собой. Мы говорим себе, что машина, не будучи жизнью, представляет собой нечто большее, чем материю, поскольку человек добавил к ней частичку своего разума. Теперь железный зверь, потребляющий свою порцию угля, действительно перебирает древнюю листву древовидных папоротников, в которых накопилась солнечная энергия.

Звери из плоти и крови поступают именно так. Независимо от того, пожирают ли они друг друга или взимают дань с растения, они неизменно оживляются стимулятором солнечного тепла, тепла, запасенного в траве, фруктах, семенах и тех, кто ими питается. Солнце, душа Вселенной, является высшим распределителем энергии.

Вместо того, чтобы поступать в организм через пищу и проходить через позорную химическую цепь желудка, не могла бы эта солнечная энергия проникать непосредственно в организм животного и заряжать его активностью, подобно тому, как аккумулятор заряжает аккумулятор энергией? Почему бы не питаться солнцем, учитывая, что, в конце концов, мы не находим ничего, кроме солнца, во фруктах, которые потребляем?

Химическая наука, этот смелый революционер, обещает обеспечить нас синтетическими продуктами питания. Лаборатория и фабрика заменят ферму. Почему бы физической науке также не вмешаться? Это оставило бы приготовление пластичной пищи на усмотрение химиков; оно приберегло бы для себя производство производящей энергию пищи, которая, сведенная к ее точным терминам, перестает быть материей. С помощью какого-нибудь хитроумного устройства он накачивал бы в нас нашу ежедневную порцию солнечной энергии, которая позже расходовалась бы на движение, благодаря чему машина продолжала бы работать без часто болезненной помощи желудка и его вспомогательных органов. Какой восхитительный мир, где можно пообедать с лучиком солнца!

Это мечта или предвосхищение отдаленной реальности? Проблема - одна из самых важных, которые может поставить перед нами наука. Давайте сначала выслушаем свидетельства молодого Ликоса относительно его возможностей.

В течение семи месяцев, без какого-либо материального питания, они тратят силы на движение. Чтобы запустить механизм своих мышц, они восстанавливают силы непосредственно с помощью тепла и света. В то время, когда она тащила за собой пакет с яйцами, мать в лучшие моменты дня подходила и подставляла свою таблетку солнцу. Двумя задними лапами она подняла его с земли на яркий свет; медленно повернула и вернула обратно, чтобы каждая сторона могла получить свою долю живительных лучей. Что ж, эта жизненная ванна, пробудившая микробы, теперь продлевается, чтобы поддерживать активность нежных младенцев.

Ежедневно, если небо ясное, Ликоза с детенышами вылезает из норы, облокачивается на бордюр и проводит долгие часы, греясь на солнце. Здесь, на спине матери, детеныши с наслаждением разминают конечности, насыщаются теплом, пополняют запасы двигательной силы, впитывают энергию.

Они неподвижны, но стоит мне только подуть на них, как они разбегаются в паническом бегстве, как будто проносится ураган. Они поспешно расходятся; они поспешно собираются снова: доказательство того, что без материальной подпитки маленькая животная машина всегда находится под полным напряжением, готовая к работе. Когда наступает тень, мать и сыновья снова спускаются вниз, насытившись солнечными излучениями. Праздник энергии в таверне "Солнце" на сегодня закончен. Таким же образом это повторяется ежедневно, если погода мягкая, до тех пор, пока не наступит час освобождения, за которым последуют первые глотки твердой пищи.

ГЛАВА VI: НАРБОННСКАЯ ЛИКОЗА: ИНСТИНКТ СКАПОЛАЗА

Март месяц подходит к концу, и отъезд молодежи начинается при великолепной погоде, в самые жаркие утренние часы. Нагруженная своей роящейся ношей, мать Ликоза находится снаружи своей норы, присев на корточки на парапете у входа. Она позволяет им делать все, что им заблагорассудится; словно безразличная к происходящему, она не выражает ни ободрения, ни сожаления. Кто хочет, уходит; кто хочет, остается позади.

Сначала эти, затем те, в зависимости от того, насколько они чувствуют, что должным образом пропитались солнечным светом, малыши пачками покидают мать, немного побегая по земле, а затем быстро добираются до решетки клетки, на которую взбираются с удивительной быстротой. Они проходят сквозь заграждения, они карабкаются прямо на вершину цитадели. Все, без единого исключения, стремятся к высотам, вместо того чтобы бродить по земле, как можно было бы разумно ожидать, исходя из в высшей степени земных привычек ликозов; все поднимаются на купол - странная процедура, о цели которой я пока не догадываюсь.

Я получаю подсказку от вертикального кольца, заканчивающего верхнюю часть клетки. Молодежь спешит к нему. Это крыльцо их спортивного зала. Они развешивают нити поперек отверстия; другие нити они протягивают от кольца к ближайшим точкам решетки. На этих пешеходных мостиках они выполняют упражнения со слабой веревкой среди бесконечных

переходов. Крошечные ножки время от времени раздвигаются и расставляются, как будто хотят дотянуться до самых отдаленных точек. Я начинаю понимать, что это акробаты, стремящиеся к более высоким высотам, чем высота купола.

Я украшаю шпалеру веткой, которая удваивает достижимую высоту. Шумная толпа поспешно взбирается по ней, достигает кончика самых верхних веточек и оттуда выпускает нити, которые прикрепляются ко всем окружающим предметам. Они образуют так много подвесных мостов; и мои зверюшки проворно бегают по ним, беспрестанно снуг туда-сюда. Можно было бы сказать, что они хотели забраться еще выше. Я постараюсь удовлетворить их желания.

Я беру девятифутовую тростинку с крошечными веточками, простирающимися до самой верхушки, и помещаю ее над клеткой. Маленькие ликозы взбираются на самую вершину. Здесь более длинные нити извлекаются из канатного склада и теперь пускаются в ход, а затем превращаются в мосты простым соприкосновением свободного конца с соседними опорами. Канатоходцы взбираются на них и образуют гирлянды, которые изящно раскачиваются при малейшем дуновении воздуха. Нить невидима, когда она не проходит между глазами и солнцем; и в целом это наводит на мысль о рядах мошек, танцующих воздушный балет.

Затем, внезапно, подхваченный воздушными потоками, хрупкий швартов рвется и улетает в космос. Смотрите, эмигранты все дальше и дальше, цепляясь за свою нить. При благоприятном ветре они могут приземляться на больших расстояниях. Таким образом, их отлет продолжается неделю или две, группами, более или менее многочисленными, в зависимости от температуры и яркости дня. Если небо затянуто тучами, никто не мечтает уехать. Путешественникам нужны поцелуи солнца, которые придают энергии.

Наконец, вся семья исчезла, унесенная вдаль своими подвесными веревками. Мать остается одна. Потеря отпрыска, похоже, ее почти не огорчает. Она сохраняет свой обычный цвет лица и пухлость, что является признаком того, что материнские усилия были для нее не слишком тяжелыми.

Я также замечаю возросший азарт в охоте. Несмотря на то, что она была обременена семьей, она была удивительно воздержанной, лишь с большой сдержанностью принимая дичь, предоставленную в ее распоряжение. Холодное время года, возможно, препятствовало обильному питанию; возможно также, вес малышей затруднял ее движения и делал ее более осторожной при нападении на добычу.

Сегодня, обрадованная хорошей погодой и способная свободно передвигаться, она выбегает из своего логова каждый раз, когда я подкладываю ей кусочек по вкусу, жужжа у входа в ее норку; она подходит и берет из моих пальцев вкусную саранчу, дородную аноксию;^{26} и это представление повторяется ежедневно, когда у меня есть свободное время, чтобы посвятить ему. После скудной зимы пришло время для обильных трапез.

Такой аппетит говорит нам о том, что животное не при смерти; с истощенным желудком так не пируют. Мои пансионеры на четвертом году жизни вступают в полную силу. Зимой в полях я часто встречал крупных матерей, везущих на телегах своих детенышей, и других, не намного превышающих половину их роста. Таким образом, вся серия представляла три поколения. И теперь, в моих фаянсовых кастрюлях, после ухода семьи, старые матроны все еще держатся и остаются такими же сильными, как всегда. Каждый внешний вид говорит нам о том, что, став прабабушками, они все еще сохраняют себя пригодными для продолжения рода.

Факты соответствуют этим ожиданиям. Когда возвращается сентябрь, мои пленники тащат мешок, такой же объемистый, как и прошлогодний. В течение длительного времени, даже когда яйца других особей вылупились уже несколько недель назад, матери ежедневно подходят к порогу норы и протягивают свои кошельки для высиживания на солнце. Их упорство не вознаграждается: из атласного кошелька ничего не выходит, внутри ничего не шевелится. Почему? Потому что в тюрьме моих клеток у яиц не было отца. Устав ждать и, наконец, осознав бесплодие своей добычи, они выносят мешок с яйцами за пределы норы и больше не беспокоятся об этом. С приходом весны, к тому времени, когда семья, если бы развивалась в соответствии с правилами, была бы эмансипирована, они умирают. Таким образом, Могучий Паук пустошей достигает еще более патриархального возраста, чем его сосед Священный Жук:[{27}](#) она живет по меньшей мере пять лет.

Давайте оставим матерей заниматься их делами и вернемся к детям. Не без некоторого удивления мы видим, как маленькие Ликосы в первый момент своего освобождения спешат подняться на вершины. Обреченные жить на земле, среди короткой травы, а затем поселиться в постоянном жилище - яме, они начинают с того, что становятся увлеченными акробатами. Прежде чем спуститься на низкие уровни, свое обычное место обитания, они поднимаются на большие высоты.

Подниматься все выше и еще выше - их первая потребность. Похоже, я не исчерпал предел их альпинистского инстинкта даже с девятифутовым шестом, соответствующим образом снабженным ветками для облегчения подъема. Те, кто с нетерпением добрался до самой вершины, машут ногами, шарят в пространстве, как будто ищут еще более высокие стебли. Нам надлежит начать все сначала и при лучших условиях.

Хотя нарбоннская ликоза с ее временным стремлением к высоте более интересна, чем другие пауки, из-за того, что ее обычное жилище находится под землей, она не так бросается в глаза во время роения, потому что детеныши, вместо того чтобы мигрировать все сразу, покидают мать в разные периоды и небольшими группами. Зрелище будет еще прекраснее с обычным Садовым или Поперечным пауком, Диадемой Эпейра (*Epeira diadema*, ЛИН.), украшенной тремя белыми крестами на спине.

Она откладывает яйца в ноябре и умирает с первым похолоданием. Ей отказано в долголетию ликозы. Однажды весной она рано покидает нательный кошелек и никогда не доживет до следующей весны. Этот кошелек, в котором хранятся яйца, не имеет той оригинальной структуры, которой мы восхищались в Banded и Silky Epeira. Мы больше не видим ни изящной формы воздушного шара, ни параболоида со звездообразным основанием; больше нет прочного водонепроницаемого атласа; больше нет лебяжьего пуха, напоминающего ворсистое красноватое облако; больше нет внутреннего бочонка, в который упаковывают яйца. Искусство изготовления прочных тканей и стен внутри стен здесь неизвестно.

Работа Перекрестного Паука представляет собой пиллюлю из белого шелка, превращенную в податливый войлок, через который новорожденные Пауки легко проложат себе путь без помощи матери, давно умершей, и без необходимости полагаться на то, что она лопнет в определенный час. Он размером примерно с дамсона.

Мы можем судить о способе изготовления по конструкции. Подобно Ликозу, которого мы видели в главе III за работой в одной из моих глиняных кастрюль, Крестообразный Паук на подставке,

обеспечиваемой несколькими нитями, натянутыми между ближайшими предметами, начинает с изготовления неглубокого блюдца достаточной толщины, чтобы обойтись без последующих исправлений. Процесс легко угадывается. Кончик брюшка движется вверх и вниз, вниз и вверх с равномерным ритмом, в то время как работница немного сдвигает свое место. Каждый раз фильеры добавляют немного нити к уже изготовленному коврику.

Когда достигается необходимая густота, мать опорожняет свои яичники одним непрерывным потоком в центр чаши. Склеенные благодаря присущей им влажности, яйца красивого оранжево-желтого цвета образуют шарообразную горку. Работа фильер возобновляется. Шарик с микробами накрыт шелковым колпачком, выполненным таким же образом, как и блюдце. Две половины работы так хорошо соединены, что целое представляет собой неразрывную сферу.

Полосатая эпейра и шелковистая эпейра, эти эксперты в производстве непромокаемых текстур, откладывают яйца высоко, на хворост и ежевику, без какого-либо укрытия. Толстого материала оболочек достаточно, чтобы защитить яйца от неблагоприятных зимних условий, особенно от сырости. Диадеме Эпейра, или Поперечному Пауку, нужна щель для нее, которая заключена в непромокаемый войлок. В куче камней, хорошо открытых солнцу, она выберет большую плиту, которая послужит крышей. Она кладет свою таблетку под нее, в компанию с впавшей в спячку Улиткой.

Еще чаще она предпочитает густые заросли какого-нибудь карликового кустарника, достигающего восьми-девяти дюймов в высоту и сохраняющего листья зимой. За неимением ничего лучшего, пучок травы соответствует назначению. Каким бы ни было тайное место, пакет с яйцами всегда находится у земли, насколько это возможно, среди окружающих веток.

За исключением крыши из большого камня, мы видим, что выбранное место вряд ли удовлетворяет надлежащим гигиеническим требованиям. Ереира, похоже, осознает этот факт. В качестве дополнительной защиты, даже под камнем, она никогда не упускает случая соорудить соломенную крышу для своих яиц. Она сооружает для них укрытие из кусочков тонкой сухой травы, соединенных вместе небольшим количеством шелка. Обиталищем яиц становится соломенный вигвам.

Удача принесла мне два гнезда Поперечных Пауков на краю одной из дорожек в ограде, среди пучков земляного кипариса или лавандового хлопка. Это как раз то, что я хотел для своих планов. Находка тем более ценна, что приближается период исхода.

Я готовлю два отрезка бамбука высотой около пятнадцати футов, оплетенных сверху донизу маленькими веточками. Я сажаю один из них прямо в пучок, рядом с первым гнездом. Я расчищаю окружающую местность, потому что густая растительность может легко, благодаря нитям, переносимым ветром, сбить эмигрантов с дороги, которую я для них проложил. Другой бамбук я установил посреди двора, совершенно отдельно, в нескольких шагах от любого выдающегося объекта. Второе гнездо убирают как есть, вместе с кустом и всем остальным, и помещают на дно высокой неровной прялки.

Ожидаемые события не заставят себя долго ждать. В первые две недели мая, чуть раньше в одном случае и чуть позже в другом, две семьи, получив в подарок бамбуковую палку для скалолазания, оставляют свои кошельки. В способе выхода нет ничего примечательного. Участки, которые нужно пересечь, состоят из очень слабой сети, через которую продираются

пришельцы: слабые маленькие оранжево-желтые зверьки с треугольным черным пятном на корме. Одного утра вполне достаточно, чтобы появилась вся семья.

Постепенно освобожденная молодежь взбирается на ближайшие ветки, взбирается на вершину и расправляет несколько нитей. Вскоре они собираются в компактную шарообразную гроздь размером с грецкий орех. Они остаются неподвижными. Зарывшись головами в кучу и выпятив вперед кормы, они мягко дремлют, смягчаясь под поцелуями солнца. Богатые обладанием нитью в животе как единственным наследством, они готовятся рассеяться по белу свету.

Давайте внесем сумятицу в шаровидную группу, помешивая ее соломинкой. Все просыпаются одновременно. Гроздь мягко расширяется и ширится, как будто приводимая в движение какой-то центробежной силой; она становится прозрачным шаром, в котором дрожат тысячи и тысячи крошечных ножек, в то время как нити вытягиваются по пути, которому нужно следовать. Вся работа превращается в тонкую завесу, которая окутывает разрозненную семью. Затем мы видим изящную туманность, на фоне переливчатого гобелена которой крошечные животные поблескивают, как мерцающие оранжевые звезды.

Это неустойчивое состояние, хотя и длится часами, является лишь временным. Если воздух становится прохладнее, если грозит дождь, сферическая группа немедленно восстанавливается. Это защитная мера. Утром, после душа, я нахожу семьи на обоих бамбуках в таком же хорошем состоянии, как и накануне. Шелковая вуаль и форма таблеток достаточно хорошо защитили их от ливня. Точно так же поступают овцы, застигнутые бурей на пастбищах, они собираются поближе, жмутся друг к другу и образуют общий бастион из своих спин.

Склеивание в шарообразную массу также является правилом в тихую, ясную погоду, после утренних нагрузок. Во второй половине дня альпинисты собираются на более высокой точке, где плетут широкую коническую палатку с концом побега для ее верха, и, собравшись в компактную группу, проводят там ночь. На следующий день, когда возвращается жара, восхождение возобновляется длинными вереницами, следуя за вантами, которые соорудили несколько первопроходцев и которые те, кто придет позже, доработают своими руками.

Собранные каждую ночь в шарообразную группу и укрытые под новым шатром на три-четыре дня, каждое утро, пока солнце не стало слишком жарким, мои маленькие эмигранты таким образом поднимаются, ступень за ступенью, на обоих бамбуках, пока не достигнут солнечной установки на высоте пятнадцати футов над землей. Подъем заканчивается из-за отсутствия точки опоры.

При нормальных условиях подъем был бы короче. Молодые пауки имеют в своем распоряжении кусты, хворост, служащий опорой со всех сторон для нитей, разносимых туда-сюда вихревыми воздушными потоками. Благодаря этим веревочным мостам, перекинутым через космос, расселение не представляет трудностей. Каждый эмигрант уезжает в удобное для него время и путешествует так, как ему удобнее.

Мои приспособления несколько изменили эти условия. Два моих колючих шеста стоят на некотором расстоянии от окружающих кустарников, особенно от того, который я посадил посреди двора. О мостах не может быть и речи, потому что нити, брошенные в воздух, недостаточно длинные. И вот акробаты, стремящиеся убежать, продолжать восхождение, никогда больше не спускаться, вынуждены искать на более высоком месте то, чего они не

смогли найти на более низком. Вершина из двух моих бамбуков, вероятно, не является пределом того, на что способны мои заядлые альпинисты.

Сейчас мы увидим причину этой склонности к лазанию, которая является достаточно примечательным инстинктом у Садовых пауков, чьи владения - низкорослый кустарник, в котором раскидываются их сети; она становится еще более примечательным инстинктом у Ликозы, которая, за исключением того момента, когда покидает спину матери, никогда не покидает землю и, тем не менее, в первые часы своей жизни проявляет себя такой же пылкой поклонницей высоких мест, как и молодые Садовые пауки.

Давайте рассмотрим Ликозу в частности. В момент исхода в ней внезапно возникает инстинкт исчезнуть, так же быстро и навсегда, через несколько часов. Это инстинкт скалолазания, который неизвестен взрослому человеку и вскоре забывается эмансипированным детенышем, обреченным долгие дни бездомно бродить по земле. Ни один из них не мечтает взобраться на вершину стебля травы. Взрослая Паучиха охотится, как траппер, попав в засаду в своей башне; молодая охотится пешком по низкорослой траве. В обоих случаях нет полотна и, следовательно, нет необходимости в высоких точках контакта. Им не разрешается отрываться от земли и подниматься на высоту.

И все же перед нами юная Ликоса, желающая покинуть материнскую обитель и отправиться в далекое путешествие самыми простыми и быстрыми способами, внезапно становящаяся увлеченной альпинисткой. Она порывисто взбирается по проволочной решетке клетки, в которой родилась; поспешно взбирается на вершину высокой мачты, которую я приготовил для нее. Точно так же она добиралась до вершины кустарника на своей пустоши.

Мы мельком видим ее объект. Сверху, обнаружив под собой широкое пространство, она пускает нить в полет. Его подхватывает ветер и несет ее, подвешенную к нему. У нас есть свои самолеты; у нее тоже есть свой летательный аппарат. Как только путешествие завершено, от этого хитроумного предприятия ничего не остается. Инстинкт скалолаза возникает внезапно, в час нужды, и не менее внезапно исчезает.

ГЛАВА VII: ИСХОД ПАУКОВ

Семена, созревшие в плодах, рассыпаются, то есть рассыпаются по поверхности земли, чтобы прорасти в еще незанятых местах и заполнить пространства, на которых создаются благоприятные условия.

Среди придорожного мусора растет одно из растений семейства тыквенных, *Ecbalium elaterium*, обычно называемое брызжущим огурцом, плод которого — шершавый и чрезвычайно горький маленький огурец - размером с финик. При созревании мясистая сердцевина превращается в жидкость, в которой плавают семена. Сжатая эластичной кожурой плода, эта жидкость скапливается у основания плодоножки, которая постепенно вытесняется, поддается подобно пробке, отламывается и оставляет отверстие, через которое внезапно выбрасывается поток семян и жидкой мякоти. Если вы рукой новичка под палящим солнцем встряхнете растение, усыпанное желтыми плодами, вы наверняка будете несколько удивлены, когда услышите шум среди листьев и получите в лицо огуречную картечь.

Созревший плод садового бальзамина при малейшем прикосновении распадается на пять мясистых створок, которые сворачиваются и разлетаются семенами на большое расстояние.

Ботаническое название *Impatiens*, данное бальзаму, указывает на это внезапное раскрытие капсул, которые не выдерживают контакта без разрыва.

Во влажных и тенистых местах лесов растет растение того же семейства, которое по сходным причинам носит еще более выразительное название *Нетерпеливый ноли-ме-мандарин*, или не прикасайся ко мне.

Капсула анютиных глазок раскрывается на три клапана, каждый из которых выгнут наподобие лодочки и посередине усыпан двумя рядами семян. Когда эти клапаны высыхают, края сморщиваются, надавливают на зерна и выталкивают их.

Легкие семена, особенно из отряда сложноцветных, имеют воздухоплавательные приспособления — пучки, перья, маховики, — которые удерживают их в воздухе и позволяют совершать дальние путешествия. Таким образом, при малейшем вдохе семена одуванчика, увенчанные пучком перьев, вылетают из своего сухого вместилища и мягко развеваются в воздухе.

После хохолка крыло является наиболее подходящим приспособлением для распространения ветром. Благодаря своему перепончатому краю, который придает им вид тонких чешуек, семена желтого настенного цветка достигают высоких карнизов зданий, расщелин неприступных скал, трещин в старых стенах и прорастают в остатках плесени, оставленных мхами, которые были там до них.

Самары, или ключи, вяза, имеющие форму широкого легкого веера с семенной оболочкой в центре; ключи клена, соединенные попарно и напоминающие развернутые крылья птицы; ключи ясеня, вырезанные в виде лезвия весла, совершают самые дальние путешествия, когда их везут перед бурей.

Подобно растению, насекомое также иногда обладает приспособлениями для передвижения, средствами распространения, которые позволяют большим семьям быстро расселяться по стране, чтобы каждый член мог занять свое место под солнцем, не причиняя вреда соседу; и эти приспособления, эти методы соперничают по изобретательности с самарой вяза, шлейфом одуванчика и катапультой брызгающего огурца.

Рассмотрим, в частности, эпейр, этих великолепных пауков, которые, чтобы поймать свою добычу, растягивают между кустами огромные вертикальные сети, напоминающие сети птицелова. Самой замечательной в моем районе является полосатая эпейра (*Epeira fasciata*, WALCK.), так красиво украшенная желтыми, черными и серебристо-белыми полосами. Ее гнездышко, чудо изящества, представляет собой атласный мешочек в форме крошечной груши. Его горлышко заканчивается вогнутым мундштуком, закрывающимся крышкой, также из атласа. Коричневые ленты причудливыми меридиональными волнами украшают объект от полюса до полюса.

Открой гнездо. В предыдущей главе мы видели {28}, что мы там находим; давайте перескажем историю. Под внешней оберткой, которая такая же прочная, как и наши тканые материалы, и, более того, совершенно водонепроницаемая, находится красновато-коричневый гагачий пух изысканной деликатности, шелковистый пух, напоминающий гонимый дым. Нигде материнская любовь не готовит постель мягче.

В середине этой пушистой массы висит изящный шелковый кошелек в форме наперстка, закрытый подвижной крышкой. В нем содержатся яйца красивого оранжево-желтого цвета, числом около пятисот штук.

Учитывая все обстоятельства, разве это очаровательное сооружение не является плодом животного происхождения, зародышевой оболочкой, капсулой, которую нельзя сравнить с растениями? Только в кошельке эпейры вместо семян лежат яйца. Разница скорее кажущаяся, чем реальная, поскольку яйцо и зерно - одно целое.

Как этот живой плод, созревающий на жаре, любимой цикадами, сможет лопнуть? Как, прежде всего, будет происходить распространение? Их там сотни. Они должны отделиться, уехать подальше, изолироваться в таком месте, где не слишком опасаются конкуренции между соседями. Как они, слабаки, которые делают такие крошечные шаги, возьмутся за работу, чтобы добиться этого далекого исхода?

Первый ответ я получаю от другого и гораздо более раннего Эпейра, чью семью я нахожу в начале мая на юкке в вольере. Растение зацвело в прошлом году. Ветвистый стебель высотой около трех футов все еще стоит прямо, хотя и засох. На зеленых листьях, по форме напоминающих лезвие меча, копошатся две только что вылупившиеся семьи. Крошечные зверьки тускло-желтого цвета с треугольным черным пятном на корме. Позже три белых креста, украшающих обратную сторону, скажут мне, что моя находка соответствует Крестовому или Диадевному Пауку (*Epeira diadema*, WALCK.).

Когда солнце достигает этой части вольера, одна из двух групп приходит в сильное волнение. Маленькие паучки, какими бы ловкими они ни были, карабкаются вверх один за другим и достигают верхушки стебля. Здесь царят марши и контрмарши, суматоха и неразбериха, ибо легкий ветерок приводит войска в беспорядок. Я не вижу никаких связанных маневров. С верхушки стебля они срываются в каждый момент, один за другим; они внезапно срываются с места; они, так сказать, улетают. Это как если бы у них были крылья Комара.

Тотчас же они исчезают из виду. Ничто из того, что видят мои глаза, не объясняет этот странный полет; ибо точное наблюдение невозможно среди тревожащего воздействия снаружи. Чего я хочу, так это мирной атмосферы и тишины в моем кабинете.

Я собираю семью в большую коробку, которую сразу же закрываю, и устанавливаю ее в лаборатории для животных, на маленьком столике, в двух шагах от открытого окна. Осведомленный тем, что я только что видел об их склонности к восхождению на высоту, я даю своим испытуемым пучок веток высотой восемнадцать дюймов в качестве шеста для лазания. Вся группа поспешно карабкается вверх и достигает вершины. Через несколько мгновений в группе наверху не остается ни одного недостающего человека. Будущее подскажет нам причину такого скопления на выступающих кончиках веточек.

Маленькие Паучки теперь беспорядочно кружатся туда-сюда: они поднимаются, опускаются, снова поднимаются. Так соткана легкая вуаль из расходящихся нитей, многоугольная паутина шириной около восемнадцати дюймов с концом ветки вместо вершины и краем стола вместо основания. Эта завеса - учебная площадка, рабочий двор, где производятся приготовления к отправке.

Сюда спешат маленькие скромные создания, неутомимо бегая туда-сюда. Когда на них светит солнце, они превращаются в сверкающие пятнышки и образуют на молочном фоне вуали своего рода созвездие, отражение тех отдаленных точек на небе, где телескоп показывает нам бесконечные звездные галактики. Неизмеримо малое и неизмеримо большое похоже внешне. Все дело в расстоянии.

Но живая туманность не состоит из неподвижных звезд; напротив, ее крупинки находятся в постоянном движении. Молодые пауки никогда не перестают менять свое положение в паутине. Многие позволяют себе упасть, повиснув на отрезке нити, которую падающий вытягивает из фильера под действием веса падающего. Затем они быстро снова взбираются вверх по той же нити, которую постепенно сматывают в моток и удлиняют последовательными падениями. Другие ограничиваются беготней по сети, и у меня также создается впечатление, что я работаю со связкой веревок.

Нить, по сути, не вытекает из фильеры; она вытягивается оттуда с определенным усилием. Это случай извлечения, а не выброса. Чтобы заполучить свою тонкую веревку, Пауку приходится передвигаться и тянуть, либо падая, либо идя пешком, точно так же, как канатоходец отступает назад, работая со своей пенькой. Активность, которая сейчас наблюдается на полигоне, является подготовкой к приближающемуся рассредоточению. Путешественники собирают вещи.

Вскоре мы видим нескольких пауков, резво бегающих между столом и открытым окном. Они парят в воздухе. Но на чем? Если свет падает благоприятно, мне удастся иногда увидеть за крошечным животным нить, напоминающую луч света, которая появляется на мгновение, поблескивает и исчезает. Следовательно, сзади есть причал, едва заметный, если смотреть очень внимательно; но впереди, по направлению к окну, вообще ничего не видно.

Напрасно я осматриваюсь сверху, снизу, сбоку; напрасно меняю направление взгляда: я не могу различить никакой опоры, по которой могло бы ходить маленькое существо. Можно было бы подумать, что зверек плывет в космосе. Это наводит на мысль о маленькой птичке, привязанной за ногу ниткой и летящей вперед.

Но в данном случае внешность обманчива: полет невозможен; у Паука обязательно должен быть мост, по которому он может пересечь разделяющее пространство. Этот мост, который я не вижу, я могу, по крайней мере, разрушить. Я рассекаю воздух линейкой перед Пауком, направляющимся к окну. Этого вполне достаточно: крошечное животное сразу перестает двигаться вперед и падает. Сломана невидимая подножка. Мой сын, юный Пол, который помогает мне, поражен этим взмахом волшебной палочки, потому что даже он, с его свежими, молодыми глазами, не способен увидеть впереди опору для продвижения Паучка.

С другой стороны, сзади видна резьба. Разницу легко объяснить. Каждый Паук, двигаясь, одновременно плетет страховочный шнур, который защитит канатоходца от риска всегда возможного падения. Таким образом, сзади нить имеет двойную толщину и ее можно увидеть, в то время как спереди она все еще одинарная и едва заметна глазу.

Очевидно, что этот невидимый пешеходный мост не перекидывается животным: его несет и разворачивает порыв воздуха. Эпейра, снабженная этой леской, позволяет ей свободно плавать, а ветер, каким бы мягким он ни был, несет ее вперед и разматывает. Точно так же дым из трубки поднимается в воздух.

Этой плывущей нити достаточно коснуться любого предмета поблизости, и она останется прикрепленной к нему. Подвесной мост переброшен, и Паук может отправиться в путь. Говорят, что южноамериканские индейцы пересекают пропасти Кордильер в дорожных люльках, сделанных из переплетенных лиан; маленький Паук преодолевает пространство на невидимом и невесомом.

Но чтобы перенести конец плавающей нити в другое место, нужна тяга. В данный момент между дверью моего кабинета и окном, которые открыты, сквозняк. Оно настолько слабое, что я его не чувствую; я узнаю о нем только по дыму из моей трубки, мягко вьющемуся в том направлении. Холодный воздух поступает извне через дверь; теплый воздух выходит из комнаты через окно. Это засуха, которая уносит с собой нити и позволяет Паукам отправиться в свое путешествие.

Я избавляюсь от этого, закрывая оба отверстия, и прерываю всякое общение, проводя линейкой между окном и столом. Отныне в неподвижной атмосфере нет отправлений. Поток воздуха отсутствует, мотки не разматываются, и миграция становится невозможной.

Вскоре он возобновляется, но в направлении, о котором я и не мечтал. Жаркое солнце освещает определенную часть пола. В этом месте, которое теплее остальных, образуется столб более легкого восходящего воздуха. Если эта колонна зацепится за нити, мои Пауки должны подняться к потолку комнаты.

Любопытное восхождение действительно имеет место. К сожалению, мой отряд, который сильно сократился из-за количества вылетов через окно, не поддается длительным экспериментам. Мы должны начать все сначала.

На следующее утро на той же юкке я собираю вторую семью, такую же многочисленную, как и первая. Повторяются вчерашние приготовления. Мой легион Пауков сначала плетет расходящийся каркас между верхушкой хвороста, предоставленного в распоряжение эмигрантов, и краем стола. Пятьсот или шестьсот маленьких зверюшек кишат по всему этому рабочему двору.

Пока этот маленький мирок деловито суетится, готовясь к отъезду, я делаю свой собственный. Все отверстия в помещении закрыты, чтобы создать как можно более спокойную атмосферу. В конце стола установлена небольшая жаровня с подсветкой. Мои руки не чувствуют его тепла на уровне паутины, которую плетут мои Пауки. Это очень скромный огонь, который с помощью столба поднимающегося воздуха разматывает нити и унесет их ввысь.

Давайте сначала выясним направление и силу течения. Перья одуванчика, которые стали светлее после удаления семян, служат мне ориентирами. Выпущенные над жаровней, на уровне стола, они медленно всплывают вверх и по большей части достигают потолка. Очереди эмигрантов должны расти таким же образом и даже лучше.

Дело сделано: с помощью ничего невидимого для нас троих Паучиха совершает свое восхождение. Она передвигается по воздуху на своих восьми ногах; она садится верхом, мягко покачиваясь. Остальные, во все возрастающем количестве, следуют за ней, иногда разными дорогами, иногда той же дорогой. Любой, кто не владел секретом, был бы поражен этим волшебным восхождением без лестницы. Через несколько минут большинство из них уже наверху, цепляясь за потолок.

Не все из них достигают этого. Я вижу некоторых, которые, достигнув определенной высоты, перестают подниматься и даже теряют почву под ногами, хотя и двигают ногами вперед со всей ловкостью, на которую они способны. Чем больше они стремятся вверх, тем быстрее спускаются. Этот дрейф, который нейтрализует пройденное расстояние и даже превращает его в регресс, легко объясним.

Нить не дошла до платформы; она плавает, закреплена только на нижнем конце. Пока он достаточно длинный, он способен, хотя и движется, выдерживать вес крошечного животного. Но по мере того, как Паук поднимается, поплавок становится пропорционально короче; и приходит время, когда достигается равновесие между силой подъема нити и переносимым весом. Затем зверь остается неподвижным, хотя и продолжает подниматься.

Вскоре вес становится слишком большим для все более и более короткого поплавка; и Паучиха соскальзывает вниз, несмотря на свое упорное стремление вперед. Наконец падающие нити возвращают ее обратно на ветку. Здесь восхождение вскоре возобновляется либо по новой нити, если запас шелка еще не иссяк, либо по чужой нити, работе тех, кто ушел раньше.

Как правило, достигается потолок. Его высота составляет двенадцать футов. Таким образом, маленькая Паучиха может в качестве первого продукта своей прядильной фабрики, прежде чем приступить к какому-либо освежению, получить леску длиной целых двенадцать футов. И все это, веревочница и ее веревка, содержалось в яйце, частице совсем небольшого размера. До какой степени тонкой может быть получена шелковистая материя, из которой получается молодой Паук! Наши производители способны выпускать платиновую проволоку, которую можно увидеть только тогда, когда она раскалена докрасна. Гораздо более простыми способами Паучиха вытягивает из своей проволочной фабрики нити, такие тонкие, что даже яркий свет солнца не всегда позволяет нам их различить.

Мы не должны допустить, чтобы все альпинисты застряли на потолке, в негостеприимном месте, где большинство из них, несомненно, погибнет, будучи неспособными создать вторую нить до того, как они поест. Я открываю окно. Поток теплого воздуха, идущего от жарочного шкафа, выходит через крышку. Перья одуванчика, идущие в том направлении, скажите мне об этом. Развешивающиеся нити не могут не быть унесены этим потоком воздуха и не удлиняться на открытом воздухе, где дует легкий ветерок.

Я беру пару острых ножниц и, не встряхивая нитки, отрезаю несколько, которые видны только у основания, где они утолщены добавленной прядью. Результат этой операции изумителен. Подвешенный к подвесной веревке, которую несет ветер снаружи, Паук проходит через окно, внезапно улетает и исчезает. Путешествовать было бы проще, если бы у транспортного средства был руль, позволяющий пассажиру приземляться там, где ему заблагорассудится! Но мелочи зависят от ветра: где они приземлятся? Возможно, в сотнях, тысячах ярдов отсюда. Давайте пожелаем им удачного путешествия.

Проблема распространения информации теперь решена. Что произошло бы, если бы события происходили не благодаря моим уловкам, а в открытом поле? Ответ очевиден. Молодые Пауки, прирожденные акробаты и канатоходцы, взбираются на вершину ветки, чтобы найти под собой достаточно места, чтобы развернуть свой аппарат. Здесь каждая вытягивает из своей веревочной фабрики нить, которую она бросает в воздушные вихри. Мягко поднимаемая потоками, поднимающимися от прогретой солнцем земли, эта нить поднимается вверх, плывет,

колышется, достигая точки соприкосновения. Наконец он ломается и исчезает вдали, унося с собой подвешенную к нему старую деву.

Эпейра с тремя белыми крестиками, Паук, который снабдил нас этими первыми данными о процессе распространения, наделен умеренным материнским усердием. В качестве емкости для яиц она плетет простую пиллюлю из шелка. Ее работа действительно скромна по сравнению с воздушными шариками Эпейры. Я обратилась к ним, чтобы они снабдили меня более полными документами. Осенью я пополнила запас, воспитывая нескольких матерей. Чтобы от меня не ускользнуло ничего важного, я разделила свой запас воздушных шаров, большая часть которых была сплетена у меня на глазах, на две части. Одна половина оставалась в моем кабинете, укрытая проволоочной сеткой, с небольшими пучками хвороста в качестве опор; другая половина испытывала превратности жизни на открытом воздухе, сидя на розмаринах в вольере.

Эти приготовления, которые обещали быть такими хорошими, не дали мне того зрелища, которого я ожидал, а именно великолепного исхода, достойного занятой скинии. Однако следует отметить несколько результатов, не лишенных интереса. Давайте кратко изложим их.

Вылупление происходит с приближением марта. Когда придет это время, давайте откроем гнездо полосатой эпейры ножницами. Мы обнаружим, что некоторые птенцы уже покинули центральную камеру и разбрелись по окружающему гагачьему пуху, в то время как остальная кладка все еще состоит из плотной массы оранжевых яиц. Появление детенышей происходит не одновременно; оно происходит с перерывами и может длиться пару недель.

Пока ничто не предвещает будущую ливрею с богатыми полосами. Брюшко белое и, так сказать, мучнистое в передней половине; в другой половине оно черновато-коричневое. Остальная часть тела бледно-желтая, за исключением передней части, где глаза образуют черную окантовку. Когда их оставляют одних, малыши остаются неподвижными на мягком красновато-коричневом лебяжьем пуху; если их потревожить, они лениво переступают с ноги на ногу или даже ходят неуверенно. Видно, что они должны созреть, прежде чем выходить на улицу.

Зрелость достигается благодаря изысканной нити, которая окружает камеру рождения и заполняет воздушный шарик. Это комната ожидания, в которой тело закаляется. Все ныряют в него по мере того, как вылезают из центрального бочонка. Они не покинут его до четырех месяцев спустя, когда наступит летняя жара.

Их число значительно. Терпеливая и тщательная перепись дает мне почти шестьсот. И все это из кошелька размером не больше горошины. Каким чудом нашлось место для такой семьи? Как эти тысячи ног умудряются расти, не напрягаясь?

Мешок для яиц, как мы узнали из главы II, представляет собой короткий цилиндр, закругленный внизу. Он изготовлен из плотного белого атласа, представляющего собой непреодолимую преграду. Она открывается в круглое отверстие, к которому приделана крышка из того же материала, через которую немощные зверьки не смогли бы пройти. Это не пористый войлок, а ткань, такая же прочная, как и мешок. Тогда с помощью какого механизма осуществляется доставка?

Обратите внимание, что диск крышки загибается назад, образуя короткую складку, края которой заходят в отверстие пакета. Точно так же крышка кастрюли прилегает к горловине с помощью выступающего бортика, с той разницей, что бортик не прикреплен к кастрюле, тогда как в работе Ерега он припаян к пакету или гнезду. Что ж, во время вылупления этот диск отклеивается, приподнимается и позволяет новорожденным Паучкам пройти.

Если бы бортик был подвижным и просто вставлялся, если бы, более того, рождение всей семьи произошло одновременно, мы могли бы подумать, что дверь распаивается живой волной заключенных, которые общими усилиями прижались бы к ней спиной. Мы должны найти приблизительное изображение в случае с кастрюлей, крышка которой поднимается при закипании ее содержимого. Но ткань чехла составляет одно целое с тканью мешка, они плотно спаяны; кроме того, штриховка производится небольшими партиями, без малейших усилий. Следовательно, должно произойти самопроизвольное лопание, или расслоение, независимое от помощи молодых особей и подобное тому, что происходит в семенных коробочках растений.

При полном созревании в сухом плоде змееголовника открываются три окошка; у первоцвета оно разделяется на две округлые половинки, примерно как во внешнем корпусе часов-брелоков; у плода гвоздики частично открываются клапаны и вверху образуется лючок в форме звезды. Каждая шкатулка для семян имеет свою собственную систему замков, которые срабатывают безотказно от простого прикосновения солнца.

Что ж, этот другой сухой фрукт, зародышевая коробочка полосатой эпейры, также обладает способностью к разрыву. Пока яйца остаются невылупившимися, дверца, прочно закрепленная в раме, держится хорошо; как только детеныши копошатся и хотят выбраться наружу, она открывается сама.

Наступают июнь и июль, любимые Цикадами, не менее любимые молодыми Пауками, которым не терпится улететь. Им действительно было трудно пробиться сквозь толстую оболочку воздушного шара. Во второй раз, похоже, потребовалось спонтанное расхождение. Где это будет осуществлено?

Сразу возникает идея, что он будет располагаться по краям верхней крышки. Помните подробности, приведенные в предыдущей главе. Горловина баллона заканчивается широким кратером, который закрыт потолком, вырытым в форме чаши. Материал в этой части такой же прочный, как и в любой другой; но, поскольку крышка была завершающим штрихом в работе, мы ожидаем найти неполную пайку, которая позволила бы ее открепить.

Метод строительства обманывает нас: потолок неподвижен; ни в какое время года моим щипцам не удастся извлечь его, не разрушив здание сверху донизу. Расхождение происходит в другом месте, в какой-то точке по бокам. Ничто не информирует нас, ничто не подсказывает нам, что это произойдет в одном месте, а не в другом.

Более того, по правде говоря, это не расхождение, подготовленное с помощью какого-то изящного механизма; это очень неправильный разрыв. Несколько резко, под палящим солнцем, атлас лопается, как кожура перезрелого граната. Судя по результату, мы думаем о расширении воздуха внутри, который, нагреваясь на солнце, вызывает этот разрыв. Признаки давления изнутри налицо: клочья порванной ткани выворачиваются наружу; кроме того, клочок красновато-коричневого гагачьего пуха, которым наполнен кошелек, неизменно выбивается из

прорехи. Посреди торчащей нити Паучата, изгнанные из своего дома взрывом, пребывают в неистовом волнении.

Воздушные шары Полосатой Эпейры представляют собой бомбы, которые, чтобы высвободить свое содержимое, взрываются под лучами палящего солнца. Чтобы сломить их, нужны огненные волны жары собачьих дней. Когда я держу их в умеренной атмосфере моего кабинета, большинство из них не открываются, и появление детенышей не происходит, если только я сам не приложу к этому руку; несколько других открываются с круглым отверстием, таким аккуратным, что его можно было бы проделать перфоратором. Это отверстие - работа заключенных, которые, сменяя друг друга по очереди, в тот или иной момент прокусили содержимое банки больным зубом.

Однако, когда розмарины в вольере подвергаются воздействию солнца в полную силу, воздушные шарики лопаются и выпускают красноватый поток зубной нити и крошечных животных. Вот как все происходит на свободных от солнечных ванн полях. Незащищенный среди кустарников кошелек полосатой эпейры, когда наступает июльская жара, лопается под напором внутреннего воздуха. Доставка осуществляется путем взрыва жилого помещения.

Очень небольшая часть семейства выбрасывается вместе с потоком желтовато-коричневой нити; подавляющее большинство остается в сумке, которая разорвана, но все еще набита гагачьим пухом. Теперь, когда брешь пробита, любой может выйти, кто пожелает, в удобное для него время, не торопясь. Кроме того, перед эмиграцией должно быть совершено торжественное действие. Животное должно сбросить шкуру; а линька - это событие, которое не для всех приходится на один и тот же день. Таким образом, эвакуация помещения длится несколько дней. Это делается небольшими отрядами по мере того, как болото отбрасывается в сторону.

Те, кто совершает вылазку, взбираются на соседние ветки и там, под палящим солнцем, приступают к работе по распространению. Метод тот же, что мы видели в случае с Cross Spider. Фильеры пускают по ветру нить, которая плавает, рвется и улетает, унося с собой изготовителя веревки. Количество закусовых в любое утро настолько мало, что лишает зрелище большей части его интереса. Сцене не хватает анимации из-за отсутствия толпы.

К моему глубокому разочарованию, Шелковистая Эпейра также не предается бурному и стремительному бегству. Позвольте мне напомнить вам о работе ее рук, самом красивом из материнских кошельков, после кошелька Эпейры с лентой. Это тупой коноид, закрытый диском в форме звезды. Он изготовлен из более прочного и особенно толстого материала, чем баллон Эпейры с лентой, по этой причине самопроизвольный разрыв становится более необходимым, чем когда-либо.

Этот разрыв осуществляется по бокам пакета, недалеко от края крышки. Как и разрыв воздушного шара, для этого требуется грубая помощь июльской жары. Его механизм, по-видимому, также работает за счет расширения нагретого воздуха, поскольку мы снова видим частичное высвобождение шелковистой нити, заполняющей мешочек.

Выход семьи осуществляется одной группой и на этот раз перед линькой, возможно, из-за нехватки места, необходимого для деликатного снятия шкурки. Конический мешок намного уступает по размеру воздушному шару; те, кто упакован внутри, растянули бы ноги, извлекая их из чехлов. Таким образом, семья возникает в теле и поселяется на веточке поблизости.

Это временная площадка для кемпинга, где, работая в унисон, молодые люди вскоре плетут ажурную палатку, которая станет пристанищем на неделю или около того. Линька производится в этом узле из пересекающихся нитей. Снятые шкуры складываются кучей на дне жилища; наверху, на трапециях, свежаватели тренируются и набираются силы. Наконец, когда достигается зрелость, они отправляются в путь, то эти, то те, понемногу и всегда осторожно. На нитяном дирижабле нет смелых полетов; путешествие состоит из скромных этапов.

Повиснув на своей нитке, Паучиха позволяет себе опуститься прямо вниз, на глубину девяти или десяти дюймов. Глоток воздуха заставляет ее раскачиваться, как маятник, иногда ударяясь о соседнюю ветку. Это шаг к рассредоточению. В достигнутой точке происходит новое падение, за которым следует новый маятниковый взмах, который отбрасывает ее немного дальше от цели. Таким образом, короткими шагами, поскольку нить никогда не бывает очень длинной, Паучок бродит по округе, осматривая местность, пока не доберется до места, которое ему подходит. Если ветер подует совсем уж сильно, путешествие обрывается: трос маятника обрывается, и зверька уносит на веревке на некоторое расстояние.

Подводя итог, можно сказать, что, хотя в целом тактика массового исхода практически не изменилась, две старые девы из моего региона, наиболее сведущие в искусстве плетения материнских кошельков, не оправдали моих ожиданий. Я взял на себя труд вырастить их, но результаты были неутешительными. Где я снова увижу то чудесное зрелище, которое мне случайно подарил Поперечный Паук? Я найду это — еще более поразительным образом — среди более скромных Пауков, которых я пренебрег наблюдением.

ГЛАВА VIII: КРАБ-ПАУК

Паук, который показал мне исход во всем его великолепии, официально известен как *Thomisus onustus*, УОЛК. Хотя название ничего не подсказывает читателю, у него, во всяком случае, есть то преимущество, что оно не причиняет боли ни горлу, ни уху, как это слишком часто бывает с научной терминологией, которая больше похожа на чихание, чем на членораздельную речь. Поскольку принято присваивать растениям и животным латинские названия, давайте, по крайней мере, будем уважать благозвучие классики и воздерживаться от резких выплевываний названий вместо того, чтобы произносить их.

Что будут делать потомки перед лицом растущей волны варварской лексики, которая под предлогом прогресса душист настоящие знания? Это отправит весь бизнес в трясину забвения. Но что никогда не исчезнет, так это популярное название, которое хорошо звучит, колоритно и передает какую-то информацию. Таков термин "Крабо-паукообразный", применявшийся древними к группе, к которой принадлежит *Thomisus*, - довольно точный термин, поскольку в данном случае существует очевидная аналогия между пауком и ракообразным.

Как и Краб, Томисус ходит боком; кроме того, передние лапы у нее сильнее задних. Единственное, что дополняет сходство, - это передняя пара каменных перчаток, поднятых в позе самообороны.

Паук с фигурой Краба не знает, как изготавливать сети для ловли дичи. Без пружин и силков она лежит в засаде среди цветов и ждет прибытия добычи, которую она убивает, нанося научный удар ножом в шею. Томисус, о котором, в частности, пойдет речь в этой главе, страстно увлечен

охотой на Домашнюю пчелу. Я более подробно описывал состязания между жертвой и ее палачом в другом месте.

Появляется Пчела, не ищущая ссоры, нацеленная на добычу. Она пробует цветы языком; она выбирает место, которое принесет хорошую прибыль. Вскоре она с головой уходит в сбор урожая. Пока она наполняет корзины и раздувает урожай, Томисус, этот бандит, прячущийся под прикрытием цветов, выходит из своего укрытия, подкрадывается сзади к суеязущемуся насекомому, подкрадывается вплотную и внезапным броском вцепляется ей в затылок. Напрасно Пчела протестует и наугад вонзает свое жало; нападавший не отпускает ее.

Кроме того, укус в шею парализует, потому что поражаются шейные нервные центры. Ноги бедняжки коченеют, и через секунду все кончено. Теперь убийца непринужденно высасывает кровь жертвы и, закончив, презрительно отбрасывает обескровленный труп в сторону. Она снова прячется, готовая выпустить вторую крупницу, если представится случай.

Это истребление Пчел, занятых священным наслаждением труда, всегда вызывало у меня отвращение. Зачем нужны работники, чтобы кормить бездельников, зачем потеть, чтобы свитера оставались в роскоши? Почему так много замечательных жизней должно быть принесено в жертву большому процветанию разбоя? Эти ненавистные диссонансы среди общей гармонии ставят мыслителя в тупик, тем более что мы увидим, как жестокая вампирша становится образцом преданности, когда дело касается ее семьи.

Людоед любил своих детей; он ел детей других. Под властью тирании желудка мы все, как звери, так и люди, являемся людоедами. Достоинство труда, радость жизни, материнская привязанность, ужас смерти - все это не имеет значения для других; главное, чтобы этот кусочек был нежным и пикантным.

Согласно этимологии ее имени — *θωμίς*, веревка — Томисус должна быть подобна древнему ликтору, который привязывал страдальца к столбу. Сравнение не является неуместным в отношении многих Пауков, которые привязывают свою добычу нитью, чтобы подчинить ее и спокойно съесть; но просто так получилось, что *Thomisus* не соответствует своему названию. Она не привязывает свою Пчелу, которая, внезапно умирая от укуса в шею, не оказывает сопротивления своему потребителю. Увлеченный своими воспоминаниями об обычной тактике, крестный отец нашего Паука упустил из виду исключение; он не знал о коварном способе нападения, который делает использование тетивы излишним.

Не слишком удачно выбрано и второе название *onustus* — нагруженный, обремененный, перегруженный. Тот факт, что у пчелоохотницы тяжелое брюшко, не является причиной называть это отличительной чертой. Почти у всех пауков объемистое брюхо - склад шелка, где в одних случаях изготавливается такелаж сети, в других - лебяжий пух для гнезда. Томисус, первоклассный строитель гнезд, поступает так же, как и все остальные: она откладывает в животе, но без излишней демонстрации ожирения, необходимые средства для комфортного размещения своей семьи.

Может ли выражение *онустус* относиться просто к ее медленной и кривой походке? Объяснение привлекает меня, но не удовлетворяет полностью. За исключением случаев внезапной тревоги, каждый Паук сохраняет спокойную походку и осторожный шаг. В конце концов, научный термин состоит из неправильного представления и никчемного эпитета. Как трудно давать животным рациональные названия! Давайте будем снисходительны к составителю номенклатуры: словарь

истощается, и постоянный поток, требующий каталогизации, непрерывно нарастает, изнашивая наши сочетания слогов.

Поскольку техническое название ничего не говорит читателю, как он должен быть проинформирован? Я вижу только одно средство - пригласить его на майские праздники в южные пустоши. Пчелиная убийца отличается холодным телосложением; в наших краях она почти никогда не покидает оливковых зарослей. Ее любимый кустарник - каменная роза с белыми листьями (*Cistus albidus*), с крупными, розовыми, сморщенными, эфемерными соцветиями, которые держатся всего одно утро и на следующий день сменяются свежими цветами, распустившимися на прохладном рассвете. Это великолепное цветение продолжается пять или шесть недель.

Здесь Пчелы охотятся с энтузиазмом, суется в просторном завитке тычинок, которые окрашивают их в желтый цвет. Их преследовательница знает об этом изобилии. Она занимает пост в своей сторожевой будке, под розовым экраном лепестка. Окиньте взглядом цветок, более или менее повсюду. Если вы видите Пчелу, лежащую безжизненно, с вытянутыми лапками и языком, подойдите ближе: в девяти случаях из десяти она будет там. Головорез нанес ей удар; она пьет кровь умершего.

В конце концов, эта перерезательница пчелиных глоток - милое, очень милое создание, несмотря на ее громоздкое брюшко в форме приземистой пирамиды с рельефными у основания, с обеих сторон, прыщами в форме верблюжьего горба. Кожа, более приятная для глаз, чем любой атлас, у одних молочно-белая, у других лимонно-желтая. Среди них есть прекрасные дамы, которые украшают свои ножки множеством розовых браслетов, а спину карминовыми арабесками. Узкая бледно-зеленая лента иногда окаймляет правую и левую часть груди. Он не такой богатый, как костюм Полосатой эпейры, но гораздо более элегантный из-за своей сдержанности, изящества и искусного сочетания оттенков. Пальцы новичков, которые боятся прикоснуться к любому другому Пауку, позволяют соблазнить себя этими приманками; они не боятся прикасаться к прекрасному Томисусу, такому нежному на вид.

Ну, что может сделать эта жемчужина среди пауков? Во-первых, она строит гнездо, достойное своего архитектора. Из веточек, конского волоса и кусочков шерсти Щегол, Зяблик и другие мастера строительного искусства сооружают воздушную беседку в развилке ветвей. Сама любительница возвышенностей, Томисус выбирает местом своего гнезда одну из верхних веток скалистой розы, своего обычного охотничьего уголья, ветку, засохшую от жары, с несколькими опавшими листьями, которые сворачиваются в виде маленького домика. Именно здесь она селится с видом на свои яйца.

Поднимаясь и опускаясь с легким покачиванием более или менее во всех направлениях, живой челнок, набухший шелком, ткет мешок, внешняя оболочка которого становится единым целым с сухими листьями вокруг. Работа, которая частично видна, а частично скрыта своими опорами, выполнена в чистом мертвенно-белом цвете. Его форма, выполненная в угловатом промежутке между изогнутыми листьями, имеет форму конуса и напоминает нам, в меньшем масштабе, гнездо Шелковистой эпейры.

Когда яйца откладываются, горловину гнезда герметично закрывают крышкой из того же белого шелка. Наконец, несколько нитей, натянутых наподобие тонкой занавески, образуют навес

надгнездом и изогнутыми кончиками листьев обрамляют своего рода альков, в котором мать устраивает свое жилище.

Это больше, чем место отдыха после тяжелого заточения: это караульное помещение, инспекционный пост, где мать остается лежать, распластавшись, до выхода малышей. Сильно истощенная откладыванием яиц и расходом шелка, она живет только для защиты своего гнезда.

Если поблизости проходит какой-нибудь бродяга, она спешит со своей сторожевой башни, поднимает ветку и обращает незваного гостя в бегство. Если я дразню ее соломинкой, она парирует широкими жестами, как у боксера-призера. Она использует кулаки против моего оружия. Когда я предлагаю сместить ее в связи с определенными экспериментами, я сталкиваюсь с некоторыми трудностями при этом. Она цепляется за шелковый пол, она срывает мои атаки, которые я вынужден умерять, чтобы не ранить ее. Как только ее привлекают наружу, она упрямо возвращается на свой пост. Она отказывается расстаться со своим сокровищем.

Точно так же борется нарбоннская Ликоза, когда мы пытаемся отобрать у нее таблетку. Каждая из них проявляет одинаковую отвагу и одинаковую преданность, а также одинаковое упорство в отличии своей собственности от собственности других. Ликоза без колебаний принимает любую чужую пилюлю, которую ей дают в обмен на ее собственную; она путает чужеродную продукцию с продукцией своих яичников и своей шелковой фабрики. Эти священные слова "материнская любовь" были здесь неуместны: это безудержный, почти механический импульс, в котором настоящая привязанность не играет никакой роли. Прекрасный Паук из скальных роз не одарен более щедро. Когда она перемещается из своего гнезда в другое такого же вида, она устраивается на нем и никогда не вылезает из него, даже несмотря на то, что различное расположение изгороди из листьев предупреждает ее о том, что на самом деле она не дома. При условии, что у нее под ногами атлас, она не замечает своей ошибки; она присматривает за чужим гнездом с той же бдительностью, которую могла бы проявить, присматривая за своим собственным.

Ликоса превосходит ее в материнской слепоте. Она прикрепляет к своим фильерам и подвешивает вместо пакета с яйцами пробковый шарик, отполированный моей пилкой, бумажный шарик, маленький моток ниток. Чтобы выяснить, способен ли Томисус на подобную ошибку, я собрал несколько разорванных кусочков кокона шелкопряда в закрытый конус, повернув фрагменты так, чтобы внутренняя поверхность была более гладкой и нежной снаружи. Моя попытка не увенчалась успехом. Когда ее забрали из дома и поместили в искусственный кошелек, мать Томисус упрямо отказалась поселиться там. Может ли она быть более проникательной, чем Ликоса? Возможно, так. Однако давайте не будем слишком расточительными в наших похвалах; имитация сумки получилась очень неуклюжей.

Работа по укладке яиц заканчивается к концу мая, после чего мать, распластавшись на потолке своего гнезда, никогда не покидает свое караульное помещение ни днем, ни ночью. Видя, что она выглядит такой худой и морщинистой, я воображаю, что смогу порадовать ее, принеся ей запас пчел, как я обычно делал. Я недооценил ее потребности. Пчела, которая до сих пор была ее любимым блюдом, больше не соблазняет ее. Напрасно добыча жужжит рядом, ее легко поймать в клетке: наблюдатель не сдвигается со своего поста, не обращает внимания на неожиданную добычу. Она живет исключительно материнской преданностью, похвальной, но несущественной пищей. И поэтому я вижу, как она чахнет день ото дня, покрываясь все

большими морщинами. Чего ждет увядшее существо перед смертью? Она ждет появления своих детей; умирающее существо все еще полезно для них.

Когда малыши Полосатой Эпейры выходят из своего воздушного шара, они уже давно сироты. Некому прийти к ним на помощь; и у них нет сил освободиться без посторонней помощи. Воздушный шар должен автоматически расколоться и разбросать детей и их матрасик вперемешку. Бумажник Томисуса, по большей части завернутый в листья, никогда не лопается, и крышка не поднимается, настолько тщательно он запечатан. Тем не менее, после доставки расплода мы видим на краю крышки небольшое зияющее отверстие - выходное окно. Кто изобрел это окно, которого сначала там не было?

Ткань слишком толстая и прочная, чтобы поддаваться подергиваниям слабеньких маленьких заключенных. Таким образом, именно мать, чувствуя, как ее отпрыск нетерпеливо шаркает ногами под шелковым потолком, сама проделала дырку в мешке. Она продолжает жить еще пять или шесть недель, несмотря на свое пошатнувшееся здоровье, чтобы в последний раз протянуть руку помощи и открыть дверь своей семье. Выполнив этот долг, она мягко позволяет себе умереть, обнимая свое гнездо и превращаясь в сморщенную реликвию.

Когда наступает июль, малыши появляются на свет. Учитывая их акробатические замашки, я положила пучок тонких веточек на верхушку клетки, в которой они родились. Все они проходят через проволочную сетку и собираются группой на вершине кустарника, где быстро плетут просторную ниточку крест-накрест. Здесь они остаются, довольно спокойно, день или два; затем от одного объекта к другому начинают перекидываться пешеходные мосты. Это подходящий момент.

Я ставлю связку, нагруженную зверюшками, на маленький столик в тени, перед открытым окном. Вскоре начинается исход, но медленно и неуверенно. Бывают колебания, регрессии, перпендикулярные падения на конце нити, подъемы, которые снова поднимают висящего Паука наверх. Короче говоря, много шума из-за плохого результата.

Поскольку дела продолжают тянуться, в одиннадцать часов мне приходит в голову взять вязанку хвороста, кишашую маленькими Паучками, которым не терпится поскорее убраться восвояси, и положить ее на подоконник, на яркое солнце. После нескольких минут тепла и света сцена приобретает совершенно иной вид. Эмигранты взбегают на верхушки веток, активно суетятся. Это становится сбивающей с толку веревочной верфью, где тысячи ног вытягивают пеньку из фильер. Я не вижу веревок, изготовленных и пущенных в полет по милости воздуха; но я предполагаю их присутствие.

Одновременно появляются три или четыре Паука, каждый из которых движется своим собственным путем в направлениях, независимых от путей своих соседей. Все движутся вверх, все взбираются на какую-то опору, о чем можно судить по ловким движениям их ног. Более того, дорога видна позади альпиниста, она двойной толщины, благодаря добавленной резьбе. Затем, на определенной высоте, индивидуальное движение прекращается. Крошечное животное парит в пространстве и сияет, освещенное солнцем. Он мягко покачивается, затем внезапно взлетает.

Что случилось? Снаружи дует легкий ветерок. Плавающий трос оборвался, и существо улетело, уносимое своим парашютом. Я вижу, как он отдаляется, проявляясь, как пятно света, на фоне темной листвы ближайших кипарисов, примерно в сорока футах от меня. Он поднимается выше,

пересекает кипарисовую завесу и исчезает. За ними следуют другие, одни выше, другие ниже, туда-сюда.

Но толпа закончила свои приготовления; настал час разбредаться по домам. Теперь мы видим с вершины зарослей непрерывную струю начинающих, которые взлетают, как микроскопические снаряды, и собираются в разрастающуюся гроздь. В конце концов, это похоже на букет в конце пиротехнического представления, сноп ракет, выпущенных одновременно. Сравнение справедливо вплоть до самого ослепительного света. Сверкающие на солнце, как множество сверкающих точек, маленькие Паучки - искорки этого живого фейерверка. Какие великолепные проводы! Какой вход в мир! Цепляясь за свою воздухоплавательную нить, крошечное создание поднимается в апофеозе.

Рано или поздно, ближе или дальше наступает падение. Чтобы жить, мы должны опуститься, часто очень низко, увы! Хохлатый жаворонок крошит помет мула на дороге и таким образом подбирает свою пищу, овсяные зерна, которые он никогда не найдет, паря в небе с распухшим от песни горлом. Мы должны снижаться; этого требуют неумолимые требования желудка. Следовательно, Паучиха касается земли. Сила тяжести, смягченная парашютом, благосклонна к ней.

Остальная часть ее истории ускользает от меня. Каких бесконечно крошечных мошек она ловит, прежде чем наберется сил уколоть свою Пчелу? Каковы методы, каковы уловки атома, борющегося с атомом? Я не знаю. Весной мы снова найдем ее, уже довольно крупную, сидящую на корточках среди цветов, с которых Пчела берет дань.

ГЛАВА IX: САДОВЫЕ ПАУКИ: ПЛЕТУТ ПАУТИНУ

Ловушка для птиц - одно из изощренных злодейств человека. С помощью веревок, колышков и шестов на земле натягиваются две большие сети землистого цвета, одна справа, другая слева от голой поверхности. Длинный шнур, за который в нужный момент дергает птицевод, прячущийся в хижине из хвороста, приводит их в действие и внезапно закрывает вместе, как пару ставней.

Между двумя сетями разделены клетки с птицами—приманками - коноплянками и зяблями, зеленушками и желторотиками, овсянками и ортоланами — остроухими созданиями, которые, завидев вдали стаю себе подобных, немедленно издают короткий призывный звук. Один из них, *Самбе*, непреодолимый искуситель, прыгает вокруг и машет крыльями с кажущейся свободой. Куском бечевки он привязан к колу осужденного. Когда, измученный усталостью и доведенный до отчаяния своими тщетными попытками сбежать, страдалец ложится ничком и отказывается выполнять свой долг, птицелов может стимулировать его, не выходя из своей хижины. Длинная струна приводит в движение маленький рычажок, работающий на шарнире. Поднятая с земли этим дьявольским приспособлением, птица летит, падает вниз и снова взлетает при каждом рывке шнура.

Птицелов ждет в мягком солнечном свете осеннего утра. Внезапно в клетках возникает большое волнение. Зяблики издают свой призывный клич:

‘ Пинк! Пинк!

В небе что-то происходит. *Самбе*, быстрее! Они приближаются, простак; они опускаются на ненадежный пол. Быстрым движением человек в засаде натягивает тетиву. Сети закрываются, и вся стая поймана.

В жилах человека течет кровь дикого зверя. Охотник спешит на бойню. Большим пальцем он заглушает биение сердец пленников, вонзает колья в их черепа. Маленькие птички, так много жалких головок дичи, попадут на рынок, дюжинами нанизанные на проволоку, пропущенную через их ноздри.

По негодяйской изобретательности сеть Эпейры может сравниться с сетью птицелова; она даже превосходит ее, когда при терпеливом изучении выявляются основные черты ее высшего совершенства. Какое утонченное искусство для мух! Нигде во всем животном мире потребность в еде не вдохновляла на создание более хитроумной индустрии. Если читатель поразмыслит над нижеследующим описанием, он, несомненно, разделит мое восхищение.

Прежде всего, мы должны стать свидетелями создания сети; мы должны увидеть, как она конструируется, и видеть это снова и снова, поскольку план такой сложной работы может быть понят только фрагментарно. Сегодня наблюдение даст нам одну деталь; завтра оно даст нам вторую, предлагая новые точки зрения; по мере того как число наших посещений увеличивается, к общей сумме полученных данных каждый раз добавляется новый факт, подтверждающий те, которые были получены ранее, или направляющий наши мысли по неожиданным путям.

Снежный шар, катящийся по белому ковру, становится огромным, каким бы скудным ни был каждый новый слой. Так же и с истиной в науке наблюдений: она состоит из мелочей, терпеливо собранных вместе. И хотя коллекционирование этих мелочей означает, что изучающий Паутинную индустрию не должен экономить свое время, по крайней мере, это не требует отдаленных и умозрительных исследований. В самом маленьком саду живут Эпейры, все опытные ткачихи.

В моем вольере, который я заботливо снабдил самыми известными породами, я наблюдаю за шестью различными видами, все подходящего размера, все первоклассные блесны. Их названия - полосчатая эпейра (*Epeira fasciata*, WALK.), Шелковистая эпейра (*E. sericea*, WALK.), угловатая эпейра (*E. angulata*, WALK.), бледноокрашенная эпейра (*E. pallida*, ОЛИВ.), диадеменная эпейра, или Поперечный паук (*E. diadema*, CLERK.), и Кратерная эпейра (*E. cratera*, WALK.).

Я могу в нужное время, в течение всего погожего сезона, расспрашивать их, наблюдать за их работой, то за этой, то за той, в зависимости от обстоятельств дня. То, что я не видел очень отчетливо вчера, я могу увидеть на следующий день, при лучших условиях, и в любой из последующих дней, пока наблюдаемое явление не проявится во всей ясности.

Давайте каждый вечер, шаг за шагом, переходить от одной каймы высоких розмаринов к другой. Если события будут продвигаться слишком медленно, мы сядем под кустами, напротив веревочной площадки, куда падает благоприятный свет, и будем наблюдать с неослабевающим вниманием. Каждая поездка будет полезна для того, чтобы заполнить некоторый пробел в уже собранных идеях. Назначить себя таким образом инспектором Паутины на много лет подряд и на долгие сезоны означает, я признаю, присоединиться к не перенаселенной профессии. Видит Бог, это не позволяет откладывать деньги! Неважно: медитативный ум возвращается из этой школы полностью удовлетворенным.

Описывать отдельный ход работы в случае каждой из шести упомянутых Эпир было бы бесполезным повторением: все шесть используют одни и те же методы и плетут схожие сети, за исключением некоторых деталей, которые будут изложены позже. Поэтому я приведу в совокупности сведения, предоставленные тем или иным из них.

Мои подданные, во-первых, молоды и могут похвастаться лишь небольшим объединением, очень далеким от того, каким оно будет поздней осенью. Брюхо, кошелек, в котором хранятся веревочные изделия, по массе едва ли превышает горошину перца. Такая щепетильность старых девиц не должна предубеждать нас против их работы: нет равенства между их мастерством и возрастом. Взрослые пауки с их отвратительными брюшками не могут добиться большего.

Более того, у новичков есть одно очень ценное преимущество для наблюдателя: они работают днем, даже на солнце, тогда как старые ткут только ночью, в неурочные часы. Первые без особого труда раскрывают нам секреты своих ткацких станков; остальные скрывают их от нас. Работа начинается в июле, за пару часов до захода солнца.

Затем старые девы из моего загона покидают свои дневные убежища, выбирают свои посты и начинают прясть, одна здесь, другая там. Их много; мы можем выбирать, где нам заблагорассудится. Давайте остановимся перед этим человеком, которого мы застаем врасплох при закладке фундамента здания. Без какого-либо заметного порядка она бежит вдоль розмариновой изгороди, перепрыгивая с кончика одной ветки на другую в пределах примерно восемнадцати дюймов. Постепенно она натягивает нить, вытягивая ее из своего проволочного стана с помощью гребней, прикрепленных к ее задним лапам. Эта подготовительная работа не имеет никакого сходства с согласованным планом. Паук приходит и уходит порывисто, как бы наугад; она поднимается, опускается, снова поднимается, снова ныряет и каждый раз укрепляет точки соприкосновения замысловатыми швартами, разбросанными тут и там. В результате получаются скудные и беспорядочные строительные леса.

Это слово "беспорядочный"? Возможно, нет. Глаз Эпейры, более опытный в делах такого рода, чем мой, распознал общее расположение местности; и веревочная ткань была установлена соответствующим образом: на мой взгляд, это очень неточно, но очень подходит для замыслов Паука. Чего она на самом деле хочет? Прочный каркас для размещения сети паутины. Бесформенная конструкция, которую она только что построила, соответствует желаемым условиям: она выделяет плоскую, свободную и перпендикулярную область. Это все, что необходимо.

Вся работа, если уж на то пошло, теперь скоро завершена; каждый вечер она повторяется заново, сверху донизу, потому что происшествия погони разрушают ее за ночь. Сеть пока еще слишком тонкая, чтобы противостоять отчаянной борьбе пойманной добычи. С другой стороны, сеть для взрослых особей, сделанная из более прочных нитей, рассчитана на некоторое время; и эпейра придает ей более тщательно сконструированный каркас, как мы увидим в другом месте.

Специальная нить, основа настоящей сетки, натянута поперек области, столь причудливо очерченной. Он отличается от других своей изолированностью, своим расположением на расстоянии от любой ветки, которая могла бы повлиять на его длину покачивания. Посередине у него всегда есть толстая белая точка, образованная из маленькой шелковой подушечки. Это

маяк, обозначающий центр будущего здания, столб, который будет направлять Эпейру и наводить порядок в дикой природе изгибов и поворотов.

Пришло время плести охотничьи силки. Паук начинается от центра, на котором изображен белый указатель, и, пробегая по поперечной нити, быстро достигает окружности, то есть неправильной рамки, ограничивающей свободное пространство. Все тем же резким движением она устремляется от окружности к центру; она снова начинает двигаться взад и вперед, устремляется вправо, влево, наверх, вниз; она подтягивается, ныряет вниз, снова взбирается наверх, бежит вниз и всегда возвращается к центральному ориентиру по дорогам, которые наклоняются самым неожиданным образом. Каждый раз радиус или спица укладывается здесь, там или в другом месте в том, что выглядит как безумный беспорядок.

Операция выполняется настолько хаотично, что требуется самое пристальное внимание, чтобы вообще следить за ней. Паук достигает края участка с помощью одной из уже установленных спиц. Она проходит вдоль этого края некоторое расстояние от точки, в которой приземлилась, прикрепляет нитку к рамке и возвращается в центр той же дорогой, по которой только что прошла.

Полученная таким образом ломаная линия, частично по радиусу, частично по каркасу, слишком длинная для точного определения расстояния между окружностью и центральной точкой. Возвращаясь к этой точке, Паук поправляет свою нить, растягивает ее до нужной длины, закрепляет и собирает то, что осталось, на центральном указателе. В случае прокладки каждого радиуса излишки обрабатываются одинаковым образом, так что указатель продолжает увеличиваться в размерах. Сначала это было пятнышко; теперь это маленький шарик или даже подушечка определенной ширины.

Сейчас мы увидим, что происходит с этой подушкой, на которую Паучиха, эта скупая хозяйка, раскладывает свои накопленные кусочки ниток; пока же отметим, что Эпейра взбивает ее лапками после установки каждой спицы, царапает когтями, заворачивает в войлок с примечательным усердием. При этом она придает спицам прочную общую опору, что-то вроде ступицы наших тележных колес.

Конечная регулярность работы предполагает, что радиусы прядутся в том же порядке, в каком они фигурируют в полотне, каждый непосредственно следует за своим соседом. Дела идут другим путем, который на первый взгляд выглядит как беспорядок, но на самом деле является разумным изобретением. Установив несколько спиц в одном направлении, Эпейра переходит на другую сторону, чтобы нарисовать несколько в противоположном направлении. Эти внезапные изменения курса в высшей степени логичны; они показывают нам, насколько искусен Паук в механике плетения веревок. Если бы они регулярно сменяли друг друга, спицы одной группы, не имея пока ничего, что могло бы им противодействовать, своим напряжением исказили бы работу, даже разрушили бы ее из-за отсутствия более прочной опоры. Прежде чем продолжить, необходимо заложить обратную группу, которая будет поддерживать целое своим сопротивлением. Любая комбинация сил, действующих в одном направлении, должна быть немедленно нейтрализована другой в противоположном направлении. Это то, чему нас учит наша статика, и то, что Паук применяет на практике; в прошлом она владела секретами плетения веревок, не проходя обучения.

Можно было бы подумать, что этот прерванный и явно неупорядоченный труд должен привести к беспорядочной работе. Неправильно: лучи расположены на равном расстоянии друг от друга и образуют красивую правильную сферу. Их количество является характерным признаком различных видов. У угловатой эпейры в ее паутине 21 место, у полосатой эпейры 32, у шелковистой эпейры 42. Эти цифры не являются абсолютно фиксированными, но разница очень незначительна.

Итак, кто из нас взялся бы сразу, без долгих предварительных экспериментов и без измерительных инструментов, разделить круг на заданное количество секторов равной ширины? Эпира, хотя и отягощена кошельком и колышется на нитях, колеблемых ветром, производит тонкое разделение, не задумываясь. Они достигают этого методом, который кажется безумным в соответствии с нашими представлениями о геометрии. Из беспорядка они развивают порядок.

Однако мы не должны давать им больше, чем они заслуживают. Углы лишь приблизительно равны; они удовлетворяют требованиям глаза, но не выдерживают проверки строгими измерениями. Математическая точность здесь была бы излишней. Неважно, мы поражены полученным результатом. Как Эпейра добилась успеха в решении своей сложной задачи, с которой так странно справилась? Я все еще задаю себе этот вопрос.

Прокладка радиусов завершена. Паучиха занимает свое место в центре, на маленькой подушечке, сделанной из первого указателя и оставшихся кусочков ниток. Стоя на этой опоре, она медленно поворачивается круг за кругом. Она занята тонкой работой. Чрезвычайно тонкой нитью она описывает от спицы к спице, начиная от центра, спиральную линию с очень плотными витками. Обработанное таким образом центральное пространство достигает у взрослых пауков размеров ладони; у молодых пауков оно намного меньше, но никогда не отсутствует. По причинам, которые я объясню в ходе этого исследования, в будущем я буду называть его "полем для отдыха".

Теперь нить становится толще. Первую едва можно было разглядеть; вторая видна отчетливо. Паук меняет свое положение большими косыми шагами, несколько раз поворачивается, удаляясь все дальше и дальше от центра, каждый раз привязывает свою леску к спице, которую пересекает, и, наконец, останавливается у нижнего края рамки. Она описала спираль с витками быстро увеличивающейся ширины. Среднее расстояние между витками, даже в структурах молодой Эпейры, составляет один сантиметр.^{29}

Пусть нас не вводит в заблуждение слово 'спираль', которое передает понятие изогнутой линии. Все кривые исключены из работы пауков; ничего не используется, кроме прямой линии и ее комбинаций. Все, на что нацелена многоугольная линия, проведенная в виде кривой, как это понимает геометрия. Этой многоугольной линии, произведению, которому суждено исчезнуть по мере того, как будут сотканы настоящие нити, я дам название 'вспомогательная спираль'. Его целью является поставка поперечин, поддерживающих перекладин, особенно во внешней зоне, где радиусы слишком удалены друг от друга, чтобы обеспечить подходящее основание. Его цель также состоит в том, чтобы направлять Эпейру в чрезвычайно деликатном деле, за которое она сейчас собирается взяться.

Но перед этим необходимо выполнить последнюю задачу. Площадь, занимаемая спицами, очень неравномерна, поскольку она обозначена опорами ветви, которые могут изменяться бесконечно. Есть угловые ниши, которые, если их обойти слишком близко, нарушат симметрию паутины, которую собираются создать. Эпейре нужно точное пространство, куда постепенно укладывать ее спиральную нить. Более того, она не должна оставлять никаких щелей, через которые ее добыча могла бы найти выход.

Будучи экспертом в этих вопросах, Паук вскоре знает, какие углы нужно заполнить. Попеременным движением, сначала в этом направлении, затем в том, она накладывает на опору радиусов нить, которая образует два острых угла на боковых границах дефектной части и описывает зигзагообразную линию, не совсем похожую на орнамент, известный как лад.

Теперь острые углы со всех сторон заполнены зазубринами; пришло время поработать над самой важной частью - сетью-ловушкой, для которой все остальное - всего лишь опора. Цепляясь с одной стороны за радиусы, с другой - за хорды вспомогательной спирали, Эпейра покрывает ту же поверхность, что и при укладке спирали, но в противоположном направлении: раньше она удалялась от центра; теперь она движется к нему более тесными и многочисленными кругами. Она начинается от основания вспомогательной спирали, рядом с каркасом.

То, что следует за этим, трудно наблюдать, потому что движения очень быстрые и спазматичные, состоящие из серии внезапных небольших рывков, покачиваний и наклонов, которые сбивают с толку глаз. Это требует постоянного внимания и повторных проверок, чтобы хоть немного различить ход работы.

Две задние лапы, ткацкие приспособления, постоянно вращаются. Давайте назовем их в соответствии с их положением на рабочем полу. Я называю ногу, которая обращена к центру кольца, когда животное движется, "внутренней ногой"; ту, что снаружи кольца, - "внешней ногой".

Последний вытягивает нить из фильеры и передает ее внутренней ножке, которая изящным движением накладывает ее на пересеченную лучевую кость. В то же время первая ножка измеряет расстояние; она захватывает последнюю установленную катушку и приближает к подходящему диапазону ту точку радиуса, к которой должна быть прикреплена нить. Как только вы касаетесь радиуса, нить приклеивается к нему своим собственным клеем. Никаких медленных операций, никаких узлов: крепление происходит само собой.

Тем временем, слегка поворачиваясь, старая дева приближается к вспомогательным аккордам, которые только что служили ей опорой. Когда, в конце концов, эти аккорды станут слишком близкими, их придется убрать; они нарушат симметрию произведения. Поэтому Паучиха цепляется за перекладины более высокого ряда; по ходу движения она подбирает одну за другой те, которые ей больше не нужны, и собирает их в тонко скрученный шарик в точке соприкосновения со следующей спицей. Отсюда возникает ряд шелковистых атомов, отмечающих направление исчезающей спирали.

Свет должен падать благоприятно, чтобы мы могли различить эти пятнышки, единственные остатки разорванной вспомогательной нити. Их можно было бы принять за пылинки, если бы безупречная регулярность их распределения не напоминала нам об исчезнувшей спирали. Они продолжают, все еще видимые, до окончательного разрушения сети.

И Паучиха, без какой-либо остановки, поворачивается, и поворачивается, и поворачивается, приближаясь к центру и повторяя операцию закрепления своей нити на каждой спице, которую она пересекает. Добрых полчаса, даже час у взрослых пауков, уходит на создание спиральных кругов, в количестве около пятидесяти для паутины Шелковистой эпейры и тридцати для паутины Полосатой и Угловой эпейры.

Наконец, на некотором расстоянии от центра, на границах того, что я назвал полом для отдыха, Паук резко сворачивает свою спираль, когда пространство еще позволяет сделать определенное количество витков. Сейчас мы увидим причину этой внезапной остановки. Затем Эпейра, неважно какая, молодая или старая, поспешно бросается на маленькую центральную подушечку, вытаскивает ее и скатывает в шар, который я ожидал увидеть выброшенным. Но нет: ее бережливая натура не допускает такой расточительности. Она съедает подушку, сначала вежу в истории инаугурации, затем кучу ниток; она снова плавит в пищеварительном тигле то, что, без сомнения, предназначено для возвращения в шелковую сокровищницу. Это твердый кусок, который трудно переварить желудку; тем не менее, он драгоценен и не должен быть потерян. Работа заканчивается глотанием. Тут и там Паучиха устраивается головой вниз на своем охотничьем посту в центре паутины.

Операция, которую мы только что наблюдали, наводит на размышления. Мужчины рождаются правшами. Благодаря отсутствию симметрии, которое так и не было объяснено, наша правая сторона сильнее и проворнее в движениях, чем левая. Неравенство особенно заметно на двух руках. Наш язык выражает это превосходство предпочтительной стороны в терминах ловкости, сообразительности и такта, все из которых относятся к правой руке.

Является ли животное, лежащее на боку, правой, левой или беспристрастным? У нас была возможность показать, что Сверчок, Кузнечик и многие другие натягивают свой смычок, который находится направо подкрылье, на звучащий аппарат, который находится на левом подкрылье. Они правши.

Когда мы с вами совершаем непреднамеренный поворот, мы поворачиваемся на правой пятке. Левая сторона, более слабая, движется относительно оси вращения правой, более сильной. Точно так же почти все моллюски, имеющие спиральные раковины, сворачивают свои кольца слева направо. Среди многочисленных видов как наземной, так и водной фауны лишь очень немногие являются исключительными и поворачиваются справа налево.

Было бы интересно попытаться выяснить, до какой степени та часть зоологического царства, которая может похвастаться двусторонним строением, разделена на праворуких и леворуких животных. Может ли диссимметрия, этот источник контрастов, быть общим правилом? Или существуют нейтралы, наделенные равными навыками и энергией с обеих сторон? Да, они есть; и Паук - один из них. Она пользуется очень завидной привилегией обладать левой стороной, которая не менее способна, чем правая. Она обладает обеими руками, о чем свидетельствуют следующие наблюдения.

Прокладывая свою ловчую нить, каждая эпейра безразлично поворачивается в ту или иную сторону, как докажет внимательное наблюдение. Причины, тайна которых ускользает от нас, определяют выбранное направление. После того, как выбран тот или иной способ, прядильщица не меняет его, даже после инцидентов, которые иногда происходят и мешают ходу работы. Может случиться так, что комар попадет в уже сотканную деталь. Вслед за этим

Паук резко прерывает свою работу, спешит к добыче, связывает ее, а затем возвращается к тому месту, где остановился, и продолжает движение по спирали в том же порядке, что и раньше.

В начале работы, когда используются вращения в одном направлении, а также вращения в другом, мы видим, что при повторном плетении одна и та же Эпейра поворачивается то правой, то левой стороной к центру катушки. Что ж, как мы уже говорили, она всегда устанавливает нить внутренней стороной задней ноги, ногой ближе к центру, то есть в некоторых случаях правой, а в некоторых случаях левой ногой, - чрезвычайно тонкая операция, требующая проявления исключительного мастерства из-за быстроты действия и необходимости сохранения строго равных расстояний. Любой, кто видит, как эта нога работает с такой исключительной точностью, сегодня правая, завтра левая, убеждается, что Эпейра обладает в высшей степени двусторонними способностями.

ГЛАВА X: САДОВЫЕ ПАУКИ: МОЙ СОСЕД

Возраст не влияет на талант Эпейры ни в одном существенном аспекте. Как работали молодые, так работают и пожилые, более богатые опытом на год. В их гильдии нет ни мастеров, ни подмастерьев; все знают свое ремесло с того момента, как протянута первая нить. Мы кое-чему научились у новичков: давайте теперь обратимся к их старшим и посмотрим, какую дополнительную задачу налагают на них возрастные потребности.

Наступает июль и дает мне именно то, чего я желаю. Однажды вечером, когда новые обитатели вили веревки из розмаринов в вольере, при последних отблесках сумерек я обнаруживаю великолепного Паука с могучим брюхом прямо за моей дверью. Эта женщина - матрона; она родилась в прошлом году; ее величественная полнота, столь исключительная в это время года, подтверждает этот факт. Я знаю ее по угловатой эпейре (*Epeira angulata*, англ.), одетой в серое и опоясанной двумя темными полосами, которые сходятся в точке сзади. Основание ее живота с обеих сторон переходит в короткие соски.

Эта соседка, безусловно, будет обслуживать мою очередь, при условии, что она не будет работать слишком поздно ночью. Все предвещает хорошее: я застаю пышнотелую женщину за укладкой первых ниток. При таких темпах моего успеха не обязательно добиваться за счет сна. И, действительно, я могу в течение июля и большей части августа, с восьми до десяти часов вечера, наблюдать за строительством сети, которая более или менее разрушается каждую ночь из-за инцидентов с погоней и восстанавливается на следующий день, когда слишком серьезно ветшает.

В течение двух душных месяцев, когда тускнеет свет и после дневного зноя наступает период прохлады, мне легко с фонарем в руке наблюдать за различными операциями моего соседа. Она поселилась на удобной для наблюдения высоте, между рядом кипарисов и зарослями лавра, недалеко от входа в аллею, где водятся мотыльки. Место, похоже, выбрано удачно, поскольку Эпейра не меняет его в течение сезона, хотя она обновляет свою сеть почти каждую ночь.

Точно с наступлением темноты вся наша семья отправляется навестить ее. Большие и маленькие, мы поражаемся ее пышному животу и буйным кувыркам в лабиринте трепещущих веревок; мы восхищаемся безупречной геометрией сетки, по мере того как она постепенно

обретает форму. Вся переливающаяся в свете фонаря работа превращается в сказочный шар, который кажется сотканным из лунных лучей.

Если я задержусь, стремясь прояснить некоторые детали, домочадцы, которые к этому времени уже легли спать, ждут моего возвращения перед сном:

‘ Что она делала этим вечером? Меня спрашивают. ‘ Она закончила плести паутину? Поймала ли она мотылька?

Я описываю, что произошло. Завтра они будут меньше торопиться ложиться спать: им захочется увидеть все, до самого конца. Какие восхитительные, простые вечера мы проводили, заглядывая в мастерскую Паука!

Дневник Угловой Эпейры, который ведется изо дня в день, учит нас, прежде всего, тому, как она добывает веревки, образующие каркас здания. Весь день невидимая, притаившаяся среди листьев кипариса, Паучиха около восьми часов вечера торжественно выходит из своего убежища и направляется к верхушке ветки. В этой возвышенной позе она сидит некоторое время, строя свои планы с должным учетом местности; она справляется о погоде, выясняет, будет ли ночь хорошей. Затем, внезапно, широко расставив свои восемь ног, она позволяет себе упасть прямо вниз, повиснув на леске, которая выходит из ее фильер. Точно так же, как канатоходец добивается равномерного выхода своей пеньки, птясь назад, так и Эпейра добивается выхода своей пеньки, падая. Она вытягивается весом своего тела.

Однако спуск не имеет той грубой скорости, которую придала бы ему сила тяжести, если бы он был неконтролируемым. Это регулируется действием фильер, которые сужают или расширяют свои поры, или полностью закрывают их, по желанию фаллера. И вот, с мягкой умеренностью она проводит этот живой отвес, из которого мой фонарь ясно показывает мне отвес, но не всегда линию. В такие моменты кажется, что великая ссора растянулась в пространстве без малейшей поддержки.

Она резко останавливается в двух дюймах от земли; мотовило перестает работать. Паучиха разворачивается, хватается за только что добытую леску и взбирается по этой дороге, продолжая вращаться. Но на этот раз, поскольку ей больше не помогает сила тяжести, нить извлекается другим способом. Быстрыми попеременными движениями двух задних лап извлеките его из кошелька и отпустите.

Вернувшись в исходную точку, на высоту шести футов или более, Паук теперь владеет двойной леской, согнутой в петлю и свободно плавающей в потоке воздуха. Она закрепляет свой конец там, где ей удобно, и ждет, пока другой конец, подгоняемый ветром, прикрепит петлю к соседним веткам.

Желаемый результат может наступать очень медленно. Это не истощает безграничного терпения Ереига, но вскоре истощает мое. И мне иногда случалось сотрудничать с Пауком. Я поднимаю плавающую петлю соломинкой и вешаю ее на ветку на удобной высоте. Пешеходный мост, возведенный с моей помощью, считается удовлетворительным, как если бы его установил ветер. Я считаю это сотрудничество одним из добрых дел, заслуживающих моей чести.

Почувствовав, что ее нить закреплена, Эпейра проходит по ней несколько раз, из конца в конец, добавляя к ней по волокну в каждом путешествии. Помогаю я или нет, но это образует

‘подвесной трос’, основную деталь каркаса. Я называю это тросом, несмотря на его чрезвычайную тонкость, из-за его структуры. Это выглядит так, как если бы оно было единым, но на двух концах видно, что оно разделяется и распространяется по всей длине пучка на многочисленные составные части, которые являются продуктом такого же количества скрещиваний. Эти расходящиеся волокна с несколькими точками соприкосновения повышают устойчивость двух конечностей.

Подвесной трос несравненно прочнее остальных работ и рассчитан на неопределенное время. Паутина обычно разрывается после ночной охоты и почти всегда ткется заново на следующий вечер. После удаления обломков все делается заново, на том же участке, очищенном от всего, кроме кабеля, на котором должна висеть новая сеть.

Прокладка этого кабеля - дело довольно сложное, потому что успех предприятия зависит не только от отрасли животноводства. Приходится ждать, пока ветерок не отнесет леску к причалу в кустах. Иногда преобладает штиль; иногда нить зацепляется в неподходящем месте. Это требует больших затрат времени и без уверенности в успехе. И поэтому, когда трос подвески установлен правильно и надежно, Эпейра не меняет его, за исключением критических случаев. Каждый вечер она проходит по нему, укрепляя свежими нитями.

Когда Эпейра не может справиться с падением достаточной глубины, чтобы использовать двойную леску с петлей, которую нужно закрепить на некотором расстоянии, она использует другой метод. Она опускается, а затем снова взбирается наверх, как мы уже видели; но на этот раз нить внезапно заканчивается тонким карандашом для волос, пучком, части которого остаются разрозненными, точно так же, как они выходят из розы фильеры. Затем эту разновидность пушистой лисьей кисточки коротко обрезают, как будто ножницами, и вся нить, когда ее разматывают, удваивает свою длину, которой теперь достаточно для этой цели. Одним концом он прикреплен к Пауку; другой парит в воздухе со своим раскидистым хохолком, который легко запутывается в кустах. Тем не менее, Полосатая Эпейра должна приступить к работе, когда она перекидывает свой дерзкий подвесной мост через ручей.

Как только кабель проложен тем или иным способом, у Паука появляется основание, которое позволяет ему приближаться к покрытым листвой опорам или удаляться от них по своему желанию. С высоты троса, верхней границы проектируемых работ, она позволяет себе соскользнуть на небольшую глубину, изменяя точки своего падения. Она снова взбирается наверх по веревке, образовавшейся при ее спуске. Результатом операции является двойная нить, которая разматывается, пока Паук идет по своему большому мостику к контактному ответвлению, где он закрепляет свободный конец своей нити более или менее низко. Таким образом, она получает справа и слева несколько наклонных поперечин, соединяющих кабель с ответвлениями.

Эти поперечины, в свою очередь, поддерживают другие в постоянно меняющихся направлениях. Когда их становится достаточно, эпейре больше не нужно прибегать к водопаду, чтобы извлечь свои нити; она переходит от одной пуповины к другой, всегда натягивая проволоку задними лапами и по ходу дела расставляя свои продукты по местам. В результате получается комбинация прямых линий, не имеющих никакого порядка, за исключением того, что они расположены в одной, почти перпендикулярной плоскости. Они обозначают очень неправильную многоугольную область, в которой сейчас будет соткано полотно, само по себе произведение великолепной правильности.

Нет необходимости снова повторять построение шедевра; молодые Пауки достаточно научили нас в этом отношении. В обоих случаях мы видим одни и те же равноудаленные радиусы с центральным ориентиром в качестве ориентира; одну и ту же вспомогательную спираль, каркас из временных перекладин, вскоре обреченный исчезнуть; одну и ту же спираль-ловушку с ее лабиринтом тесно сплетенных витков. Давайте пройдем дальше: другие детали требуют нашего внимания.

Укладка спирали-ловушки - чрезвычайно деликатная операция из-за регулярности выполнения работ. Я стремился узнать, будет ли Паук колебаться и ошибаться, если его подвергнуть грохоту непривычных звуков. Работает ли он невозмутимо? Или ему нужна безмятежная тишина? Как бы то ни было, я знаю, что мое присутствие и мой свет ее совсем не беспокоят. Внезапные вспышки, испускаемые моим фонарем, не способны отвлечь ее от ее задачи. Она продолжает поворачиваться на свет так же, как поворачивалась в темноте, ни быстрее, ни медленнее. Это хорошее предзнаменование для эксперимента, который я задумал.

Первое воскресенье августа - праздник святого покровителя деревни, посвященный обретению святого Стефана. Сегодня вторник, третий день празднований. Сегодня вечером, в девять часов, будет фейерверк, завершающий веселье. Он состоится на большой дороге за моей дверью, в нескольких шагах от того места, где работает мой Паук. Старая дева возится со своей большой спиралью в тот самый момент, когда прибывают деревенские шишки с трубой и барабаном и маленькие мальчики с факелами.

Больше интересуясь психологией животных, чем пиротехническими представлениями, я наблюдаю за действиями Эпейры с фонарем в руке. Гул толпы, выстрелы из минометов, треск римских свечей, вспыхивающих в небе, шипение ракет, дождь искр, внезапные вспышки белого, красного или синего света: ничто из этого не беспокоит рабочего, который методично поворачивается снова и снова, точно так же, как он это делает в тишине обычных вечеров.

Однажды ружье, из которого я стрелял под платанами, не нарушило пения цикад; сегодня ослепительный свет огненных колес и треск хлопучек не отвлекают Паука от его плетения. И, в конце концов, какая разница моей соседке, если мир рухнет! Деревню можно взорвать динамитом, и она не потеряет голову из-за такого пустяка. Она спокойно продолжала бы плести свою паутину.

Давайте вернемся к Пауку, плетущему свою сеть в обычных спокойных условиях. Великая спираль была закончена внезапно на границе пола для отдыха. Затем вытаскивают и съедают центральную подушечку - коврик из концов сохраненных ниток. Но, прежде чем насладиться этим глотком, который завершает процедуру, двум Паукам, единственным представителям отряда, Полосатой и Шелковистой Эпейре, еще предстоит подписать свою работу. Широкая белая лента проложена толстым зигзагом от центра к нижнему краю шара. Иногда, но не всегда, вторая полоса той же формы и меньшей длины занимает верхнюю часть, противоположную первой.

Мне нравится рассматривать эти странные завитки как средство укрепления. Начнем с того, что молодые эпейры никогда ими не пользуются. В данный момент, не заботясь о будущем и расточая свой шелк, они переделывают свою паутину каждую ночь, даже если она не слишком обветшала и вполне может послужить снова. Совершенно новая ловушка на закате - их

правило. И нет особой необходимости в повышенной прочности, когда завтра нужно снова выполнять работу.

С другой стороны, поздней осенью взрослые пауки, чувствуя приближение времени откладывания яиц, вынуждены проявлять экономию ввиду большого расхода шелка, необходимого для изготовления мешка для яиц. Из-за своего большого размера сеть теперь становится дорогостоящей работой, которую следовало бы использовать как можно дольше, опасаясь обнаружить, что запасы исчерпаны, когда придет время для дорогостоящего строительства гнезда. По этой причине или по другим, которые ускользают от меня, Ленточные и Шелковистые Эпиры считают разумным производить длительную работу и усиливать свои труды перекрестной лентой. Другие эпейры, которым приходится тратить меньше средств на изготовление своего материнского кошелька — простой таблетки, — не знакомы с зигзагообразным переплетом и, подобно молодым паукам, восстанавливают свою паутину почти каждую ночь.

Мой толстый сосед, Угловатый Эпейра, проконсультировавшись при свете фонаря, расскажет нам, как происходит обновление сетки. Когда сгущаются сумерки, она осторожно спускается из своего дневного жилища; она оставляет листву кипарисов вместо подвесного троса своей ловушки. Здесь она стоит некоторое время; затем, спускаясь к своей паутине, собирает обломки в большие охапки. Все — спираль, спицы и каркас - сгребается ее ногами. Сохранилась только одна вещь - подвесной трос, прочная деталь, которая служила фундаментом для предыдущих зданий и будет служить для новых после небольшого ремонта.

Собранные обломки образуют пиллюлю, которую Паук поглощает с той же жадностью, с какой он проглотил бы свою добычу. Ничего не остается. Это второй пример высочайшей экономии шелка пауками. Мы видели, как они после изготовления сети съедали центральную опору - небольшой кусочек; теперь мы видим, как они поглощают всю сеть целиком - еду. Очищенные и превращенные желудком в жидкость материалы старой сетки послужат для других целей.

После того, как площадка будет полностью расчищена, начинается работа с каркасом и сеткой на опоре подвесного троса, которая была соблюдена. Не проще ли было бы восстановить старую паутину, которая могла бы служить еще много раз, если бы просто отремонтировали несколько участков? Можно было бы сказать и так; но знает ли Паук, как штопать свою работу, как бережливая домохозяйка штопает свое белье? Вот в чем вопрос.

Починить разорванные сетки, заменить оборванные нити, приладить новое к старому, короче говоря, восстановить первоначальный порядок путем сборки обломков было бы далеко идущим подвигом мастерства, очень прекрасным доказательством проблесков интеллекта, способного выполнять рациональные вычисления. Наши ремонтники превосходны в этом виде работ. Они руководствуются своим чутьем, которое измеряет отверстия, обрезает новую деталь по размеру и устанавливает ее на нужное место. Обладает ли Паук аналогом этой привычки к ясному мышлению?

Люди заявляют об этом, по-видимому, не вникая в суть дела очень внимательно. Они, кажется, способны обходиться без угрызений совести добросовестного наблюдателя, раздувая свой мочевого пузырь теорий. Они идут прямо вперед, и этого достаточно. Что касается нас, менее смелых, то мы сначала выясним; мы проверим на опыте, действительно ли Паук знает, как исправить свою работу.

Угловатая Эпейра, та самая ближайшая соседка, которая уже снабдила меня столькими документами, только что закончила свою работу в Интернете, в девять часов вечера. Великолепная ночь, тихая и теплая, благоприятная для стаи ночных бабочек. Все обещает хорошую охоту. В тот момент, когда, завершив большую спираль, эпейра собирается съесть центральную подушку и устроиться на полу для отдыха, я разрезаю паутину надвое по диагонали парой острых ножниц. Провисание спиц, лишенных своих противовесов, приводит к образованию пустого пространства, достаточно широкого, чтобы через него могли пройти три пальца.

Паучиха возвращается к своему тросу и смотрит на него, не испытывая особого страха. Когда я заканчиваю, она тихо возвращается. Она встает на одну из половинок, в том месте, которое было центром первоначального шара; но, поскольку ее ноги не находят опоры с одной стороны, она вскоре понимает, что ловушка неисправна. После этого через брешь протягиваются две нити, не более двух; ноги, которым не хватало опоры, перекидываются через них; и с этого момента Эпейра больше не двигается, сосредоточив свое внимание на событиях погони.

Когда я увидел, что эти две нити проложены, соединяя края прорехи, я начал надеяться, что стану свидетелем процесса заживления:

"Паук, - сказал я себе, - увеличит количество поперечных нитей от края до края прорехи; и, хотя добавленный кусочек может не соответствовать остальной части работы, по крайней мере, он заполнит прореху, и непрерывный лист будет использоваться практически так же, как обычная паутина".

Действительность не оправдала моих ожиданий. За весь вечер старая дева не предприняла никаких дальнейших попыток. Она охотилась со своей разорванной сетью, чего бы это ни стоило, потому что на следующее утро я нашел сеть в том же состоянии, в каком оставил ее накануне вечером. Никакого ремонта не было.

Две нити, натянутые поперек пролома, даже не следует принимать за попытку ремонта. Не найдя опоры для своих ног с одной стороны, Паучиха пошла посмотреть, в чем дело, и, сделав это, пересекла брешь. Уходя и возвращаясь, она оставила нитку, как это принято у всех эфирцев при ходьбе. Это был не преднамеренный ремонт, а простой результат непростой перемены места.

Возможно, объект моего эксперимента счел ненужным прибегать к новым хлопотам и расходам, поскольку полотно может служить вполне прилично в том виде, в каком оно есть, после того, как я разрезал его ножницами: две половинки вместе представляют собой исходную поверхность для ловли. Все, что нужно сделать Пауку, сидящему в центре, - это найти необходимую опору для своих расставленных ног. Две нити, протянутые из стороны в сторону расщелины, обеспечивают его этим или почти обеспечивают. Мое озорство зашло недостаточно далеко. Давайте придумаем что-нибудь получше.

На следующий день паутину обновляют после того, как старая была проглочена. Когда работа закончена и Эпейра неподвижно сидит на своем центральном посту, я беру соломинку и, ловко орудуя ею, соблюдая пол для отдыха и спицы, вытягиваю спираль, которая свисает клочьями. С порванными нитями сеть бесполезна; ни один пролетающий мотылек не позволит поймать себя. Что же теперь делает эпейра перед лицом этой катастрофы? Вообще ничего. Неподвижно лежа на полу для отдыха, который я оставил нетронутым, она ждет поимки дичи; она тщетно

ждет ее всю ночь в своей бессильной сети. Утром я нахожу ловушку такой, какой я ее оставила. Необходимость, мать изобретательности, не побудила Паука слегка починить свои разрушенные сети.

Возможно, это отнимает у нее слишком много ресурсов. Шелковые железы могут истощиться после закладки великой спирали; и о том, чтобы повторить те же расходы немедленно, не может быть и речи. Мне нужно дело, в котором нельзя было бы сослаться на такое истощение. Я добился этого благодаря своему усердию.

Пока я наблюдаю за раскручиванием спирали, главный охотник весело бросается в незаконченную ловушку. Эпейра прерывает свою работу, спешит к головастику, бинтует его и насытилась им там, где он лежит. Во время борьбы часть полотна порвалась прямо на глазах у ткача. Большой разрыв ставит под угрозу удовлетворительную работу сети. Что будет делать паук в присутствии этой ужасной ренты?

Сейчас или никогда - самое подходящее время починить порванные нити: несчастный случай произошел в этот самый момент между ног животного; об этом наверняка известно, и, более того, работы по изготовлению веревок идут полным ходом. На этот раз не может быть и речи об исчерпании запасов шелка.

Что ж, при этих условиях, столь благоприятных для штопки, Эпейра вообще не чинится. Сделав несколько глотков, она отбрасывает свою добычу и возобновляет движение по спирали с того места, где прервала его, чтобы напасть на Мотылька. Оторванная часть остается такой, какая она есть. Челнок на наших ткацких станках не восстанавливает испорченную ткань; даже если Паук работает над своей паутиной.

И это не случай рассеянности, индивидуальной беспечности; все старые девы крупного роста страдают подобной неспособностью к исправлению положения. В этом отношении примечательны Полосатая эпейра и Шелковистая Эпейра. Угловатая Эпейра переделывает свою паутину почти каждый вечер; двое других восстанавливают свои очень редко и используют их даже тогда, когда они сильно обветшали. Они выходят на охоту в бесформенных лохмотьях. Прежде чем они заставят себя сплести новую паутину, старая должна быть разрушена до неузнаваемости. Что ж, я часто обращал внимание на состояние одной из этих развалин, а на следующее утро находил ее такой, какой она была, или даже более ветхой. Никогда никакого ремонта; никогда; никогда. Я сожалею из-за репутации, которую создали ей наши стесненные в средствах теоретики, но Паук абсолютно неспособен исправить свою работу. Несмотря на свой продуманный внешний вид, Эпейра не способна даже на малейшую рефлексию, необходимую для того, чтобы вставить деталь в случайный зазор.

Другие пауки не знакомы с широкоячеистыми сетями и ткut атлас, в котором нити, пересекаясь случайным образом, образуют сплошную материю. Среди этого числа - Домашний паук (*Tegenaria domestica*, ЛИН.). В углах наших комнат он протягивает широкие паутины, закрепленные угловатыми растяжками. В наиболее защищенном уголке с одной стороны находится тайная квартира владельца. Это шелковая трубка, галерея с коническим отверстием, откуда Паук, укрытый от посторонних глаз, наблюдает за событиями. Остальная ткань, которая по деликатности превосходит наш лучший муслин, собственно говоря, не является охотничьим снаряжением: это платформа, на которой Паук, занимающийся делами своего поместья,

совершает свой обход, особенно ночью. Настоящая ловушка состоит из путаницы линий, натянутых над паутиной.

Ловушка, построенная по другим правилам, чем в случае с *Ereirae*, также работает иначе. Здесь нет вязких нитей, а простой труд, который становится невидимым из-за самого номера. Если Комар бросается в коварную сеть, он сразу же оказывается пойманным; и чем больше он сопротивляется, тем крепче он связан. Ловушка попадает на паутину. *Тегенария* подбегает и кусает его в шею.

Сказав это, давайте немного поэкспериментируем. В паутине Домашнего паука я делаю круглое отверстие шириной в два пальца. Отверстие остается зияющим в течение всего дня; но на следующее утро оно неизменно закрывается. Чрезвычайно тонкая марля прикрывает отверстие, темный вид которого контрастирует с плотной белизной окружающей ткани. Марля настолько тонкая, что, чтобы убедиться в ее наличии, я использую соломинку, а не глаза. Движение полотна при прикосновении к этой части доказывает наличие препятствия.

Здесь проблема кажется очевидной. Домашняя Паучиха за ночь исправила свою работу; она наложила заплату на порванный материал - талант, неизвестный Садовым паукам. Это было бы большой заслугой для нее, если бы простое внимательное изучение не привело к другому выводу.

Паутина Домашнего паука - это, как мы уже говорили, платформа для наблюдения и исследования; это также простыня, в которую попадают насекомые, пойманные в подвесных снастях. Эта поверхность, подверженная неограниченным ударам, никогда не бывает достаточно прочной, особенно из-за того, что она подвергается дополнительному воздействию небольших кусочков штукатурки, отклеившихся от стены. Владелица постоянно работает над этим; каждую ночь она добавляет новый слой.

Каждый раз, когда она выходит из своего трубчатого убежища или возвращается в него, она закрепляет нить, которая висит позади нее на покрытой дороге. В качестве доказательства этой работы у нас есть направление поверхностных линий, все из которых, будь то прямые или извилистые, в соответствии с причудами, направляющими путь Паука, сходятся у входа в трубу. Каждый сделанный шаг, вне всякого сомнения, добавляет нити к полотну.

Перед нами история Процессии Сосны, {30} о привычках которой я рассказывал в другом месте. Когда гусеницы покидают шелковый мешочек, чтобы порыскать ночью, а также когда они снова входят в него, они никогда не упускают случая немного покружиться на поверхности своего гнезда. Каждая экспедиция увеличивает толщину стены.

Двигаясь так или иначе по кошельку, который я разрезала ножницами сверху донизу, участники Процессии заделывают брешь так же, как они заделывают нетронутую часть, не обращая на нее больше внимания, чем на остальную часть стены. Не заботясь о несчастном случае, они ведут себя так же, как в непотрошенном жилище. Со временем щель закрывается не намеренно, а исключительно за счет обычного вращения.

Мы приходим к такому же выводу по поводу Домашнего Паука. Каждую ночь, прогуливаясь по своей платформе, она раскладывает свежие блюда, не делая различия между твердыми и полыми. Она не намеренно наложила заплату на порванную ткань; она просто продолжала заниматься своими обычными делами. Если случается так, что дыра в конце концов

закрывается, этот удачный результат является результатом не специальной цели, а неизменного метода работы.

Кроме того, очевидно, что, если бы Паучиха действительно хотела починить свою паутину, все ее усилия были бы сосредоточены на разрыве. Она потратила бы на это весь имеющийся в ее распоряжении шелк и получила бы за один присест кусок, очень похожий на остальную паутину. Что мы находим вместо этого? Почти ничего: едва заметная марля.

Вещь очевидна: паучиха делала с этой арендной платой то же, что и в любом другом месте, ни больше, ни меньше. Отнюдь не растрачивая шелк впустую, она берегла свой шелк, чтобы его хватило на всю паутину. Впоследствии зазор будет лучше заделан, постепенно, по мере того, как лист будет укрепляться по всему периметру новыми слоями. И это займет много времени. Два месяца спустя окно — моя работа — все еще просвечивает и оставляет темное пятно на мертвенно-белой ткани.

Поэтому ни ткачи, ни прядильщицы не знают, как отремонтировать свою работу. У этих замечательных производителей шелковых тканей нет ни малейшего проблеска того священного светильника, разума, который позволяет самой глупой из штопальщиц заштопать каблук старого чулка. Должность инспектора паутины принесла бы свою пользу, даже если бы ей просто удалось избавить нас от ошибочной и вредной идеи.

ГЛАВА XI: САДОВЫЕ ПАУКИ: ЛИПОВАЯ ЛОВУШКА

Спиральная сеть Эпейры обладает устрашающей хитростью. Давайте отдадим предпочтение Полосатой эпейре или Шелковистой Эпейре, которые рано утром можно увидеть во всей их свежести.

Невооруженным глазом видно, что нить, из которой они изготовлены, отличается от нити каркаса и спиц. Он блестит на солнце, выглядит как завязанный узлом и производит впечатление венка из атомов. Рассмотреть это через линзу на самом полотне вряд ли возможно из-за тряски ткани, которая трепещет при малейшем дуновении. Пропуская лист стекла под полотном и приподнимая его, я отрываю для изучения несколько кусочков ниток, которые остаются прикрепленными к стеклу параллельными линиями. Линза и микроскоп теперь могут сыграть свою роль.

Зрелище совершенно поразительное. Эти нити на границе видимого и невидимого представляют собой очень туго скрученную бечевку, похожую на золотой шнур наших офицерских шпаговых узлов. Более того, они полые. Бесконечно тонкий представляет собой трубку, канал, наполненный вязкой влагой, напоминающей крепкий раствор гуммиарабика. Я вижу прозрачный след этой влаги, просачивающийся сквозь сломанные концы. Под давлением тонкого предметного стекла, которое покрывает их на подложке микроскопа, завитки удлиняются, превращаясь в сморщенные ленты, пересеченные из конца в конец, через середину, темной полосой, которая является пустым контейнером.

Жидкое содержимое должно медленно просачиваться через боковые стороны этих трубчатых нитей, скручиваясь в скрученные нити, и таким образом делать сеть липкой. На самом деле он липкий, и это вызывает удивление. Я кладу тонкую соломинку плашмя на три или четыре перекладины сектора. Каким бы мягким ни был контакт, адгезия сразу устанавливается. Когда я поднимаю соломинку, нити выпадают вместе с ней и растягиваются в два-три раза по своей

длине, как нить из индийской резины. Наконец, при чрезмерном натяжении они ослабевают, не ломаясь, и принимают свою первоначальную форму. Они удлиняются, когда их раскручивают, укорачиваются, когда их снова раскатывают; наконец, они становятся клейкими, впитывая клейкую влагу, которой они наполнены.

Короче говоря, спиральная нить - это капиллярная трубка, более тонкая, чем любая из известных нашей физике. Он скручивается в рулон таким образом, чтобы обладать эластичностью, позволяющей ему, не ломаясь, поддаваться рывкам пойманной добычи; в его трубочке хранится запас липкого вещества, чтобы за счет непрерывного выделения восстанавливать адгезивные свойства поверхности, поскольку они ухудшаются под воздействием воздуха. Это просто чудесно.

Эпейра охотится не на пружинах, а на липовых силках. И какие липовые силки! В них запутывается все, вплоть до перьев одуванчика, которые едва касаются их. Тем не менее, эпейра, которая находится в постоянном контакте со своей паутиной, в них не запутывается. Почему?

Давайте прежде всего вспомним, что Паук соорудил для себя в середине своей ловушки пол, в конструкции которого липкая спиральная нить не играет никакой роли. Мы видели, как эта нить внезапно обрывается на некотором расстоянии от центра. Здесь имеется ткань, покрывающая пространство, которое в полотнах большего размера примерно равно ладони человека, состоящая из спиц и начала вспомогательной спирали, нейтральная ткань, в которой исследуемая соломинка нигде не находит прилипания.

Здесь, на этой центральной площадке для отдыха, и только здесь, Эпейра занимает свою позицию, целыми днями ожидая прибытия игры. Каким бы тесным и продолжительным ни был ее контакт с этим участком полотна, она не рискует прилипнуть к нему, потому что клейкое покрытие отсутствует, как и скрученная трубчатая структура по всей длине спиц и по всей протяженности вспомогательной спирали. Эти детали, как и остальная часть каркаса, сделаны из простой, прямой, прочной нити.

Но когда жертва поймана, иногда прямо на краю паутины, Пауку приходится быстро подбегать, чтобы связать ее и пресечь ее попытки освободиться. Значит, она идет по своей сети; и я не нахожу, чтобы она испытывала хоть малейшие неудобства. Известковые нити даже не поднимаются от движений ее ног.

В моем детстве, когда мы всей компанией отправлялись по четвергам {31} пытаться поймать щегла на конопляных полях, мы, прежде чем покрывать веточки клеем, смазывали пальцы несколькими каплями масла, чтобы они не запутались в липком веществе. Знает ли эпейра секрет жирных веществ? Давайте попробуем.

Я протираю исследовательскую соломинку слегка промасленной бумагой. При нанесении на спиральную нить полотна она больше не прилипает к нему. Принцип открыт. Я вытаскиваю ножку живой эпейры. Когда она соприкасается с липовыми нитями, она прилипает к ним не больше, чем к нейтральным шнурам, будь то спицы или части каркаса. Мы были вправе ожидать этого, судя по общему иммунитету Паука.

Но есть кое-что, что полностью меняет результат. Я оставляю окорок на четверть часа в дисульфиде углерода, лучшем растворителе жировых веществ. Я тщательно мою его щеткой,

смоченной в той же жидкости. Когда эта стирка закончена, ножка довольно легко прилипает к нитке-ловушке и прилипает к ней так же хорошо, как к чему-либо другому, например, к несмазанной соломинке.

Правильно ли я угадал, когда рассудил, что именно жирное вещество предохраняло Эпейру от ловушек ее липкого катеринского колеса? Действие сероуглерода, по-видимому, говорит "да". Кроме того, нет никаких причин, по которым вещество такого рода, которое играет столь частую роль в хозяйстве животных, не могло бы покрыть Паука совсем слегка при простом выделении пота. Мы обычно натирали пальцы небольшим количеством масла, прежде чем брать в руки веточки, на которые ловился Щегол; даже в этом случае эпейра покрывается специальным потом, чтобы работать с любой частью своей паутины, не опасаясь известковых нитей.

Однако чрезмерно длительное пребывание на липких нитях имело бы свои недостатки. В долгосрочной перспективе постоянный контакт с этими нитями может привести к определенной адгезии и причинить неудобства Пауку, который должен сохранять всю свою ловкость, чтобы броситься на добычу до того, как она сможет освободиться. По этой причине липкие потоки никогда не используются при создании post с бесконечным ожиданием.

Только на полу для отдыха эпейра сидит неподвижно, раскинув свои восемь ног, готовая заметить малейшую дрожь в сети. Опять же, именно здесь она принимает пищу, часто затяжную, когда кусок плотный; именно сюда, скрутив и обглодав его, она тащит свою добычу на конце нити, чтобы спокойно съесть ее на невязком коврике. В качестве охотничьего поста и трапезной в Epeira обустроили центральное пространство, свободное от клея.

Что касается самого клея, то вряд ли возможно изучить его химические свойства, поскольку его количество настолько невелико. В микроскоп видно, что она сочится из разорванных нитей в виде прозрачной и более или менее зернистой полоски. Следующий эксперимент расскажет нам об этом подробнее.

С помощью листа стекла, пропущенного через полотно, я собираю ряд известковых нитей, которые остаются закрепленными параллельными линиями. Я накрываю этот лист стеклянной банкой, стоящей на глубине с водой. Вскоре в этой атмосфере, насыщенной влажностью, нити окутываются водянистой оболочкой, которая постепенно увеличивается и начинает течь. Скрученная форма к этому времени исчезла, и в канале нити виден венчик из полупрозрачных шариков, то есть серия чрезвычайно мелких капель.

Через двадцать четыре часа нити теряют свое содержимое и превращаются в почти невидимые прожилки. Если я затем нанесу каплю воды на стекло, то получу липкий раствор, подобный тому, который может получиться из частицы гуммиарабика. Вывод очевиден: клей Epeira - это вещество, которое свободно впитывает влагу. В атмосфере с высокой степенью влажности он насыщается и просачивается за счет потоотделения через боковые стороны трубчатых нитей.

Эти данные объясняют некоторые факты, касающиеся работы сети. Взрослые полосатые и шелковистые эпейры плетут очень рано, задолго до рассвета. Если воздух становится туманным, они иногда оставляют эту часть работы незаконченной: они строят общий каркас, укладывают спицы, они даже рисуют вспомогательную спираль, поскольку все эти детали не подвержены избытку влаги; но они очень осторожны, чтобы не работать с известковыми нитями, которые, будучи пропитанными туманом, распались бы в липкие лоскутки и потеряли бы свою

эффективность при намокании. Начатая сеть будет закончена завтра, если атмосфера будет благоприятной.

Хотя высокоабсорбирующий характер соединительной нити имеет свои недостатки, у нее также есть компенсирующие преимущества. Обе эпейры, охотясь днем, выбирают те жаркие места, подверженные яростным лучам солнца, где охотятся сверчки. Поэтому в знойные собачьи дни известковые нити, если бы не особые условия, могли бы высохнуть, сморщиться в жесткие и безжизненные нити. Но происходит прямо противоположное. В самое жаркое время дня они остаются эластичными и становятся все более и более липкими.

Как это происходит? Благодаря их способности поглощать. Влага, которой никогда не лишается воздух, проникает в них медленно; она разжижает густое содержимое их трубочек до необходимой степени и заставляет его просачиваться через них по мере уменьшения прежней липкости. Какой птицелов мог бы соперничать с Садовым пауком в искусстве расставлять липовые силки? И все это усердие и хитрость ради поимки Мотылька!

И еще - какая страсть к производству! Зная диаметр шара и количество витков, мы можем легко рассчитать общую длину липкой спирали. Мы обнаружили, что каждый раз, когда Угловатая Эпейра переделывает свою паутину, за один присест получается около двадцати ярдов клейкой нити. Более искусная Шелковистая Эпейра - тридцать. Итак, в течение двух месяцев Угловатая Эпейра, моя соседка, почти каждый вечер обновляла свою ловушку. За это время она изготовила что-то около трех четвертей мили этой трубчатой нити, туго скрученной и набухшей клеем.

Я бы хотел, чтобы анатом, обладающий лучшими инструментами, чем у меня, и менее утомленным зрением, объяснил нам работу чудесной веревочной площадки. Как шелковистая материя формуется в капиллярную трубку? Как эта трубка заполняется клеем и туго скручивается? И как на том же проволочном станке также получают простые нити, из которых сначала получается каркас, а затем муслин и атлас; затем красновато-коричневая пена, такая, какой наполняется кошелек из полосатой эпейры; затем черные полосы, вытянутые меридиональными изгибами на том же кошельке? Какое количество продукции поступает с этой любопытной фабрики, Паучьего брюха! Я наблюдаю за результатами, но не понимаю, как работает машина. Я оставляю эту проблему мастерам микротомы и скальпеля.

ГЛАВА XII: САДОВЫЕ ПАУКИ: ТЕЛЕГРАФНЫЙ ПРОВОД

Из шести садовых пауков, являющихся объектом моих наблюдений, только двое, полосатый и шелковистый эпейра, постоянно остаются в своих паутинах даже под слепящими лучами палящего солнца. Остальные, как правило, не показываются до наступления темноты. На некотором расстоянии от сети у них есть грубое и готовое убежище в зарослях ежевики - засада, сделанная из нескольких листьев, скрепленных натянутыми нитями. Именно здесь они по большей части остаются днем, неподвижные и погруженные в медитацию.

Но пронзительный свет, озаряющий их, - это радость полей. В такие моменты Саранча прыгает еще проворнее, чем когда-либо, еще веселее проносится над Стрекозой. Кроме того, известковая паутина, несмотря на повреждения, нанесенные ночью, все еще находится в исправном состоянии. Если какая-нибудь легкомысленная дурочка позволит себя поймать, не сможет ли Паучиха на том расстоянии, на которое она удалилась, воспользоваться

неожиданной удачей? Не бойтесь. Она появляется в мгновение ока. Как она проинформирована? Давайте объясним, в чем дело.

Сигнал тревоги подается вибрацией полотна в гораздо большей степени, чем видом захваченного объекта. Это докажет очень простой эксперимент. Я положил на липовые нити Перевязи Эпейры Саранчу, которая в ту же секунду задохнулась сероуглеродом. Тушу кладут спереди, или сзади, или по обе стороны от Паука, который неподвижно сидит в центре сети. Если тест должен применяться к видам, у которых есть дневное укрытие в листве, мертвую саранчу кладут на паутину, более или менее близко к центру, неважно каким образом.

В обоих случаях сначала ничего не происходит. Эпейра остается в своей неподвижной позе, даже когда кусочек находится на небольшом расстоянии перед ней. Она безразлична к присутствию игры, кажется, не воспринимает ее настолько, что в конце концов истощает мое терпение. Затем с помощью длинной соломинки, которая позволяет мне слегка спрятаться, я заставляю мертвое насекомое дрожать.

Этого вполне достаточно. Полосатая эпейра и Шелковистая эпейра спешат на центральную площадку; остальные спускаются с ветки; все подходят к Саранче, обматывают ее скотчем, короче говоря, обращаются с ней так, как обращались бы с живой добычей, пойманной в обычных условиях. Потребовалось сотрясение паутины, чтобы они решились на атаку.

Возможно, серый цвет Саранчи сам по себе недостаточно бросается в глаза, чтобы привлечь внимание. Тогда давайте попробуем красный, самый яркий цвет для нашей сетчатки и, вероятно, также для сетчатки Пауков. Поскольку ни одна из дичи, на которую охотятся эпейры, не одета в алое, я делаю небольшой сверток из красной шерсти - приманку размером с саранчу. Я приклеиваю его к паутине.

Моя уловка увенчалась успехом. Пока посылка неподвижна, Паучиха не просыпается; но как только она вздрагивает, потревоженная моей соломой, она нетерпеливо подбегает.

Есть глупыши, которые просто прикасаются к предмету ногами и, не задавая лишних вопросов, заворачивают его в шелк на манер обычной игры. Они даже заходят так далеко, что вонзают свои клыки в приманку, следуя правилу предварительного отравления. Тогда и только тогда осознается ошибка, и обманутый Паук удаляется и не возвращается, разве что спустя много времени, когда она выбрасывает громоздкий предмет из паутины.

Есть и умные люди. Как и другие, они спешат к приманке из красной шерсти, которую моя соломинка коварно продолжает перемещать; они выбирают из своего укрытия среди листьев с такой же готовностью, как и из центра паутины; они исследуют ее своими щупальцами и лапками; но, вскоре понимая, что вещь бесполезна, они стараются не тратить свой шелк на бесполезные нити. Моя трепещущая приманка их не обманывает. Ее выбрасывают после краткого осмотра.

Тем не менее, умные, как и глупые, убегают даже издалека, из своей засады в листве. Откуда они знают? Конечно, не по виду. Прежде чем признать свою ошибку, они должны поддержать предмет между ног и даже немного его откусить. Они чрезвычайно близоруки. На расстоянии вытянутой руки безжизненная добыча, неспособная стряхнуть паутину, остается незамеченной. Кроме того, во многих случаях охота происходит в густой ночной темноте, когда зрение, даже если бы оно было хорошим, не помогло бы.

Если глаза - недостаточные проводники, даже если они находятся под рукой, что будет, когда добычу придется выслеживать издалека? В этом случае разведывательный аппарат для работы на расстоянии становится незаменимым. У нас не возникнет трудностей с обнаружением этого аппарата.

Давайте внимательно посмотрим за паутиной любой Эпейры с дневным укрытием: мы увидим нить, которая начинается от центра сети, поднимается кривой линией за пределы плоскости паутины и заканчивается в засаде, где Паук прячется весь день. За исключением центральной точки, нет никакой связи между этой нитью и остальной частью работы, никакого переплетения с нитями строительных лесов. Без каких-либо препятствий леска проходит прямо от центра сетки к палатке-засаде. Ее длина составляет в среднем двадцать два дюйма. Угловатая эпейра, расположившаяся высоко на деревьях, показала мне несколько особей длиной до восьми или девяти футов.

Нет никаких сомнений, что эта наклонная линия представляет собой пешеходный мостик, который позволяет Пауку поспешно возвращаться к паутине, когда его вызывают неотложные дела, а затем, когда его обход завершен, возвращаться в свою хижину. Фактически, это дорога, по которой, как я вижу, она идет, уходя и приходя. Но это все? Нет; ибо, если бы Эпейра имела в виду не цель, а средство быстрого перемещения между своей палаткой и сетью, пешеходный мостик был бы прикреплен к верхнему краю сети. Путешествие было бы короче, а склон менее крутым.

Почему, кроме того, эта линия всегда начинается в центре липкой сети и нигде больше? Потому что это точка, где сходятся спицы, и, следовательно, общий центр вибрации. Все, что движется по полотну, заставляет его трястись. Все, что тогда требуется, - это нить, отходящая от этой центральной точки, чтобы передать на расстояние весть о добыче, бьющейся в той или иной части сети. Наклонный шнур, выходящий за плоскость полотна, представляет собой нечто большее, чем пешеходный мост: это, прежде всего, сигнальное устройство, телеграфный провод.

Давайте попробуем провести эксперимент. Я помещаю Саранчу в сеть. Пойманная в липкие сети, она мечется. В тот же миг Паучиха стремительно вылетает из своей хижины, спускается по пешеходному мостику, бросается к Саранче, заворачивает ее и действует с ней в соответствии с правилами. Вскоре после этого она поднимает его, привязав леской к своей фильере, и тащит в свое укрытие, где будет устроен долгий пир. Пока ничего нового: все происходит как обычно.

Я оставляю Паучиху заниматься своими делами на несколько дней, прежде чем вмешаться в нее. Я снова предлагаю дать ей Саранчу; но на этот раз я сначала перерезаю сигнальную нить одним касанием ножниц, не встряхивая ни одну часть сооружения. Затем игра выкладывается в Сеть. Полный успех: запутавшееся насекомое борется, сеть трепещет; паук, лежащий на боку, не шевелится, как будто не обращая внимания на происходящее.

Кому-то может прийти в голову мысль, что в этом случае Эпейра остается неподвижной в своей каюте, поскольку ей не дают возможности поспешно спуститься вниз из-за сломанного пешеходного мостика. Давайте перестанем обманывать себя: на одну дорогу, открытую для нее, есть сотня, и все они готовы привести ее туда, где сейчас требуется ее присутствие. Сеть прикреплена к ветвям множеством линий, все они очень легко пересекаются. Что ж, Эпейра не предпринимает ни одного из них, но остается неподвижным и погруженным в себя.

Почему? Потому что ее телеграф, вышедший из строя, больше не сообщает ей о сотрясении сети. Пойманная добыча находится слишком далеко, чтобы она могла ее увидеть; она ни о чем не подозревает. Проходит добрый час, Саранча все еще брыкается, Паук бесстрастен, я наблюдаю. Тем не менее, в конце концов, Эпейра просыпается: больше не чувствуя сигнальной нити, порванной моими ножницами, такой натянутой, как обычно, у себя под ногами, она подходит посмотреть, в чем дело. Доступ к сети осуществляется без малейших затруднений с помощью одной из линий фреймворка, первой, которая предлагается. Затем Саранчу замечают и немедленно обволакивают, после чего переделывают сигнальную нить, заменяя ту, которую я порвал. По этой дороге Паук возвращается домой, волоча за собой свою добычу.

У моей соседки, могучей Угловатой Эпейры, с ее телеграфным проводом длиной в девять футов, припасены для меня вещи и получше. Однажды утром я нахожу ее сеть, которая теперь опустела, почти нетронутая, доказательство того, что ночная охота не удалась. Животное, должно быть, проголодалось. С кусочком дичи в качестве приманки я надеюсь вытащить ее из ее высокого убежища.

Я запутываю в паутине редкий кусочек, Муху-стрекозу, которая отчаянно сопротивляется и сотрясает всю сеть. Другая, наверху, покидает свое убежище среди кипарисовой листвы, быстро спускается по телеграфной проволоке, подходит к Стрекозе, связывает ее и сразу же возвращается домой той же дорогой, а ее добыча болтается у нее за спиной на ниточке. Последнее жертвоприношение состоится в тишине лиственного святилища.

Несколько дней спустя я возобновляю свой эксперимент в тех же условиях, но на этот раз сначала перерезаю сигнальную нить. Напрасно я выбираю большую стрекозу, очень беспокойную пленницу; напрасно я напрягаю свое терпение: паук не спускается весь день. Ее телеграф сломан, и она не получает уведомления о том, что происходит в девяти футах внизу. Запутавшийся кусочек остается там, где он лежит, не презираемый, но неизвестный. С наступлением темноты Эпейра покидает свою хижину, проходит по остаткам своей паутины, находит Стрекозу и съедает ее на месте, после чего сеть обновляется.

Одна из эпир, с которой я имел возможность ознакомиться, упрощает систему, сохраняя при этом основной механизм передачи-поток. Это Кратерная эпейра (*Epeira cratera*, ВАЛК.), вид, который можно увидеть весной, когда она особенно увлекается охотой за Домашней пчелой на цветущий розмарин. На покрытом листьями конце ветки она сооружает что-то вроде шелковистой скорлупы, формой и размером напоминающей чашечку желудя. Именно здесь она сидит, заключив брюшко в круглую впадину, а передние лапы положив на выступ, готовая к прыжку. Ленивое создание любит эту позу и редко располагается на паутине головой вниз, как это делают другие. Уютно устроившись в углублении своей чашки, она ждет приближающейся игры.

Ее паутина, вертикальная, как это принято у эпирцев, довольно большого размера и всегда находится очень близко к чаше, в которой Паук устраивается отдохнуть. Более того, он соприкасается с чашей посредством углового расширения; и в углу всегда есть одна спица, которую Эпейра, сидящая, так сказать, в своем кратере, постоянно имеет под ногами. Эта спица, возникающая из общего фокуса вибраций всех частей сети, в высшей степени приспособлена для того, чтобы держать Паука в курсе всего, что происходит. У него двойное отделение: оно является частью катального колеса, поддерживающего известковые нити, и предупреждает Epeira своими вибрациями. Специальная резьба здесь излишня.

Другие ловчие, напротив, которые днем занимают отдаленные убежища, не могут обойтись без частного провода, который поддерживает их постоянную связь с покинутой сетью. На самом деле он есть у всех, но только с приходом возраста, возраста, склонного к отдыху и долгому сну. В молодости эфирцы, которые тогда еще очень бодры, ничего не смыслят в телеграфном искусстве. Кроме того, их сеть, работа недолговечная, от которой на следующий день не остается и следа, не допускает такого рода индустрии. Нет смысла тратиться на сигнальное устройство из-за испорченной ловушки, в которую теперь ничего нельзя поймать. Только старые Пауки, медитирующие или дремлющие в своей зеленой палатке, получают по телеграфу уведомления издалека о том, что происходит в паутине.

Чтобы уберечь себя от пристального наблюдения, которое превратилось бы в нудную работу, и оставаться в курсе событий, даже когда отдыхает, повернувшись спиной к сети, Паук, попавший в засаду, всегда ставит ногу на телеграфный провод. Из моих наблюдений по этому поводу позвольте мне привести следующие, которых будет достаточно для нашей цели.

Угловатая эфирца с удивительно тонким брюшком сплела свою паутину между двумя кустами лаурестины шириной почти в ярд. Солнце освещает ловушку, которую оставляют задолго до рассвета. Паучиха находится в своем дневном поместье, убежище, которое легко обнаружить, следуя потелеграфному проводу. Это сводчатая комната из опавших листьев, соединенных вместе несколькими кусочками шелка. Убежище глубокое: паук скрывается в нем полностью, за исключением округлых задних конечностей, которые загораживают вход в донжон.

Поскольку ее передняя половина погружена в заднюю часть хижины, эфирца, конечно, не может видеть свою паутину. Даже если бы у нее было хорошее зрение, а не подслеповатость, ее положение вряд ли позволило бы ей держать добычу в поле зрения. Отказывается ли она от охоты в этот период яркого солнечного света? Вовсе нет. Посмотри еще раз.

Замечательно! Одна из ее задних лап вытянута за пределы покрытой листьями хижины, и сигнальная нить заканчивается как раз на кончике этой лапы. Тот, кто не видел Эфирца в такой позе, с рукой, так сказать, на телеграфной трубке, ничего не знает об одном из самых любопытных примеров сообразительности животных. Пусть на сцене появится какая-нибудь игра; и дремлющий, немедленно пробужденный посредством ноги, воспринимающей вибрации, поспешит вверх. Саранча, которую я сам поймал в паутину, доставляет ей этот приятный шок и то, что за ним следует. Если она довольна своей сумкой, то я еще больше доволен тем, что узнал.

Случай слишком благоприятный, чтобы не узнать при более благоприятных условиях подхода то, что уже показал мне обитатель кипарисов. На следующее утро я перерезал телеграфный провод, на этот раз длиной с человеческую руку, и держался, как и вчера, за одну из задних лап, вытянутых снаружи хижины. Затем я помещаю в паутину двойную добычу, стрекозу и саранчу. Последняя отталкивается своими длинными, покрытыми шпорами ногами; другая машет крыльями. Паутина раскидывается до такой степени, что несколько листьев рядом с гнездом эфирцы шевелятся, сотрясаемые нитями прикрепленного к ним каркаса.

И эта вибрация, хотя и находится так близко, несколько не будит Паучиху, даже не заставляет ее обернуться, чтобы узнать, что происходит. В тот момент, когда ее сигнальная нить перестает работать, она ничего не знает о происходящих событиях. Весь день она остается неподвижной.

Вечером, в восемь часов, она отправляется ткать новую паутину и наконец находит богатую неожиданную удачу, о которой до сих пор не подозревала.

Еще одно слово. Паутину часто треплет ветер. Различные части каркаса, подбрасываемые вихревыми потоками воздуха, не могут не передавать свою вибрацию сигнальной нити. Тем не менее, Паучиха не покидает своей хижины и остается безразличной к суматохе, царящей в сети. Таким образом, ее телефонная линия - это нечто лучшее, чем веревка звонка, которая натягивается и передает полученный импульс: это телефон, способный, как и наш собственный, передавать бесконечно малые звуковые волны. Цепляясь за телефонный провод носком, Паучиха прислушивается ногой; она улавливает самые сокровенные вибрации; она различает вибрацию, исходящую от пленника, и простое сотрясение, вызванное ветром.

ГЛАВА XIII: САДОВЫЕ ПАУКИ: СПАРИВАНИЕ И ОХОТА

Несмотря на важность темы, я не буду распространяться о свадьбе эфирцев, суровых натур, чья любовь легко оборачивается трагедией в таинственной ночи. Я лишь однажды присутствовал при спаривании, и за этот любопытный опыт я должен поблагодарить мою счастливую звезду и моего толстого соседа, Угловатого Эпейру, которого я так часто навещаю при свете фонаря. Вот оно, перед вами.

Сейчас первая неделя августа, около девяти часов вечера, под прекрасным небом, в тихую жаркую погоду. Паук еще не сплел свою паутину и неподвижно сидит на своем подвесном тросе. Естественно, меня удивляет тот факт, что она вот так расслабляется в то время, когда ее строительные работы должны быть в самом разгаре. Может ли произойти что-то необычное?

Даже так. Я вижу, как из соседних кустов выскакивает и садится на трос самец, карлик, который приближается, щелкунчик, чтобы засвидетельствовать свое почтение дородной великанше. Откуда он, в своем отдаленном уголке, узнал о присутствии нимфы, созревшей для замужества? Среди Пауков этим вещам учатся в ночной тишине, без призыва, без сигнала, никто не знает как.

Когда-то Великий Павлин, {32} оповещенный волшебными испарениями, приезжал за много миль отсюда, чтобы навестить отшельницу в ее стеклянном колпаке в моем кабинете. Гном этого вечера, этот другой ночной пилигрим, безошибочно пересекает запутанное переплетение ветвей и направляется прямо к канатоходцу. Его путеводителем является безошибочный компас, который сводит каждого Джека и его Джилл вместе.

Он взбирается по склону подвесного троса; он продвигается осторожно, шаг за шагом. Он останавливается на некотором расстоянии в нерешительности. Должен ли он подойти ближе? Это подходящий момент? Нет. Другой поднимает ветку, и испуганный посетитель снова спешит вниз. Оправившись от испуга, он снова взбирается вверх, подходя немного ближе. Более внезапные побеги, за которыми следуют новые подходы, каждый раз более близкие, чем раньше. Эта беспокойная беготня взад и вперед - признание влюбленного мужчины.

Настойчивость означает успех. Теперь пара стоит лицом к лицу, она неподвижна и серьезна, он весь в волнении. Кончиком ноги он отваживается коснуться пухленькой девицы. Он зашел слишком далеко, этот дерзкий юнец! Охваченный паникой, он бьет головой, повиснув на страховочной линии. Однако это длится всего мгновение. Он снова поднимается. По некоторым симптомам он понял, что мы наконец поддаемся его уговорам.

Своими ногами и особенно щупальцами он дразнит пышногрудую сплетницу, которая отвечает любопытными перескакиваниями. Схватив нить передней лапой, или пальцами, она совершает одно за другим несколько сальто назад, как акробатка на трапеции. Сделав это, она показывает карлику нижнюю часть своего брюшка и позволяет ему немного пощупать его своими щупальцами. Ничего больше: дело сделано.

Цель экспедиции достигнута. Щелкунчик убегает на полной скорости, как будто Фурии преследуют его по пятам. Если бы он остался, его, вероятно, съели бы. Эти упражнения со скакалкой не повторялись. В следующие вечера я тщетно караулил: я больше никогда не видел этого парня.

Когда он уходит, невеста спускается с троса, плетет свою паутину и принимает позу охотницы. Мы должны есть, чтобы иметь шелк, у нас должен быть шелк, чтобы есть, и особенно для того, чтобы сплести дорогой кокон семьи. Поэтому нет покоя даже после волнений, связанных с женитьбой.

Эпейры - памятники терпения в своих известковых ловушках. Опустив голову и широко расставив восемь ног, Паук занимает центр паутины, точку приема информации, передаваемой по спицам. Если где-нибудь, позади или впереди, возникает вибрация, признак захвата, Эпейра знает об этом даже без помощи зрения. Она сразу же подбегает.

До тех пор ни малейшего движения: можно подумать, что животное было загипнотизировано ее наблюдением. Самое большее, при появлении чего-либо подозрительного она начинает трясти свое гнездо. Это ее способ внушить незваному гостю благоговейный трепет. Если я сам хочу вызвать странную тревогу, мне остается только подразнить Эпейру кусочком соломы. Вы не можете замахнуться без какого-либо импульса. Охваченный ужасом Паук, желающий вселять ужас в других, наткнулся на нечто гораздо лучшее. Не имея ничего, что могло бы толкнуть ее, она раскачивается на веревочном полу. Нет никаких усилий, никакого видимого напряжения. Ни одна часть тела животного не двигается; и все же все дрожит. Сильная тряска возникает по кажущейся инерции. Покой вызывает суматоху.

Когда спокойствие восстанавливается, она возвращается к своему поведению, непрерывно размышляя над суровой проблемой жизни:

-Буду я сегодня обедать или нет?

Некоторые привилегированные существа, освобожденные от этих тревог, имеют пищу в изобилии, и им не нужно бороться за ее получение. Таков Кроткий, который блаженно плавает в бульоне из разлагающейся гадюки. Другим — и, по странной иронии судьбы, это, как правило, самые одаренные — удается есть только благодаря мастерству и терпению.

Ты принадлежишь к их компании, о мой трудолюбивый Эпир! Чтобы пообедать, ты каждую ночь тратишь сокровища своего терпения; и часто безрезультатно. Я сочувствую вашим горестям, ибо я, который так же, как и вы, озабочен своим хлебом насущным, я также упрямо раскидываю свою сеть, сеть для ловли идей, более неуловимую и менее существенную добычу, чем Мотылек. Давайте не будем падать духом. Лучшая часть жизни не в настоящем и тем более не в прошлом; она лежит в будущем, в области надежды. Давайте ждать.

Весь день небо было однообразно серого цвета, и казалось, что надвигается гроза. Несмотря на грозящий ливень, моя соседка, проницательная предсказательница погоды, вышла из-за кипариса и начала обновлять свою паутину в обычное время. Ее прогноз верен: ночь будет погожей. Смотрите, дымящаяся сковорода облаков раздвигается, и сквозь просветы с любопытством выглядывает луна. Я тоже подглядываю с фонарем в руке. Порыв ветра с севера очищает небесные сферы; небо становится великолепным; внизу царит совершенное спокойствие. Мотыльки начинают свой ночной обход. Хорошо! Один пойман, очень красивый. Сегодня паук будет ужинать.

То, что происходит дальше, в неопределенном свете, не поддается точному наблюдению. Лучше обратиться к тем Садовым паукам, которые никогда не покидают свою паутину и которые охотятся в основном в дневное время. Полосатая и шелковистая эпейра, которые живут на розмаринах в вольере, при ярком дневном свете покажут нам самые сокровенные подробности трагедии.

Я сам сажаю в липовую ловушку жертву по своему выбору. Ее шесть ног пойманы без лишних церемоний. Если насекомое приподнимает одну из своих лапок и тянет к себе, предательская нить следует за ним, слегка разматывается и, не отпуская и не обрываясь, поддается отчаянным рывкам пленника. Любая высвобожденная конечность только еще больше запутывает остальные и быстро снова захватывается липкой материей. Нет другого способа спастись, кроме как разбить ловушку внезапным усилием, на что не всегда способны даже сильные насекомые.

Предупрежденная встряхиванием сети, эпейра спешивает; она оборачивается вокруг добычи; она осматривает ее на расстоянии, чтобы определить степень опасности, прежде чем атаковать. Сила ловушки определит план кампании. Давайте сначала представим обычный случай, когда речь идет о средней голове дичи, какой-нибудь бабочки или мухе. Повернувшись лицом к своему пленнику, Паучиха слегка сжимает брюшко и на мгновение касается насекомого концом своих фильер; затем передней лапкой она заставляет свою жертву вращаться. Белка в движущемся цилиндре своей клетки не демонстрирует большей грации или проворства. Перекладина липкой спирали служит осью для крошечной машинки, которая вращается, быстро вращается, как вертел. Смотреть, как он вращается, доставляет удовольствие глазам.

Какова цель этого кругового движения? Видите, краткое соприкосновение фильер послужило отправной точкой для нити, которую Паук теперь должен вытянуть из своего хранилища шелка и постепенно намотать вокруг пленника, чтобы обернуть его в намоточную пленку, которая превзойдет любые приложенные усилия. Точно такой же процесс используется на наших проволочных заводах: катушка с приводом от двигателя вращается и за счет своего действия протягивает проволоку через узкое отверстие в стальной пластине, придавая ей требуемую тонкость, и тем же движением наматывает ее на кольцо.

То же самое и с работой Эпейры. Передние лапки паука - это мотор; вращающаяся катушка - пойманное насекомое; стальное ушко - отверстие фильеры. Для точной и оперативной привязки объекта нет ничего лучше этого недорогого и высокоэффективного метода.

Реже используется второй процесс. Быстрым движением Паучиха сама оборачивается вокруг неподвижного насекомого, пересекая паутину сначала вверх, а затем вниз и постепенно

закрепляя свою леску. Высокая эластичность липовых нитей позволяет эпейре раз за разом нырять прямо в паутину и проходить сквозь нее, не повреждая сетку.

Давайте теперь представим случай с какой-нибудь опасной дичью: богомол, например, размахивающим своими смертоносными конечностями, каждая из которых зацеплена и снабжена двойной пилой; разъяренным Шершнем, метящим свое ужасное жало; крепким жуком, неуязвимым под своим роговым панцирем. Это исключительные лакомства, о которых едва ли когда-либо знали в Эпире. Будут ли они приняты, если воспользоваться моими уловками?

Так и есть, но не без осторожности. Считается, что подход к игре опасен, и Паучиха поворачивается к ней спиной, вместо того чтобы смотреть на нее лицом; она нацеливает на нее свою веревочную пушку. Задние лапы быстро вытягивают из фильер нечто гораздо лучшее, чем одиночные шнуры. Вся шелковая батарея работает одновременно, выпуская регулярный залп лент и простыней, которые широким движением ног раздвигаются веером и набрасываются на запутавшегося пленника. Защищаясь от внезапных рывков, Эпейра экстравагантно набрасывает охапки лент на переднюю и заднюю части тела, на ноги и крылья, здесь, там и повсюду. Самая огненная добыча быстро попадает под эту лавину. Напрасно Богомол пытается разжать свои пилообразные нарукавники; напрасно Шершень играет своим кинжалом; напрасно Жук напрягает ноги и выгибает спину: новая волна нитей обрушивается вниз и парализует все усилия.

Эти щедрые, широко раскинутые ленты угрожают истощить фабрику; было бы гораздо экономичнее прибегнуть к методу катушки; но, чтобы повернуть машину, Паукупришлось бы подойти к ней и поработать лапкой. Это слишком рискованно; отсюда непрерывное распыление шелка на безопасном расстоянии. Когда все израсходовано, остается еще больше.

Тем не менее, Эпейра, похоже, обеспокоена такими чрезмерными затратами. Когда позволяют обстоятельства, она с радостью возвращается к механизму вращающейся катушки. Я видел, как она отрабатывала эту резкую смену тактики на большом Жуке с гладким, пухлым телом, которое превосходно подходило для процесса вращения. Лишив зверя всякой способности двигаться, она подошла к нему и перевернула свою тучную жертву так, как сделала бы это с Мотыльком среднего размера.

Но с Богомол, вытягивающим свои длинные ноги и расправляющим крылья, вращение больше невозможно. Затем, пока добыча не будет полностью усмирена, распыление бинтов продолжается непрерывно, вплоть до того, что шелковичные железы пересыхают. Отлов такого рода губителен. Это правда, что, за исключением тех случаев, когда я вмешивался, я никогда не видел, чтобы Паук схватился за эту грозную добычу.

Будь то слабый или сильный ход, теперь игра аккуратно скручена одним из двух методов. Следующий ход никогда не меняется. Связанное насекомое укушено, без настойчивости и без какой-либо видимой раны. Затем паук удаляется и позволяет укусу подействовать, что он вскоре и делает. Затем она возвращается.

Если жертва маленькая, например, Бельевая моль, ее уничтожают на месте, в том месте, где она была поймана. Но ради какой-нибудь важной добычи, которой она надеется лакомиться в

течение многих часов, иногда в течение многих дней, Пауку нужна уединенная столовая, где нечего опасаться липкости сети. Прежде чем приступить к нему, она сначала заставляет свою добычу повернуться в направлении, обратном первоначальному вращению. Ее цель - освободить ближайшие спицы, которые служат шарнирами для механизма. Это важные факторы, которые она обязана сохранить в неприкосновенности, при необходимости пожертвовав несколькими перекладинами.

Дело сделано; скрученные концы возвращают на место. Наконец, хорошо скрученную дичь снимают с полотна и закрепляют сзади ниткой. Затем Паук марширует впереди, и груз перекачивается по паутине и поднимается на площадку для отдыха, которая является одновременно инспекционным пунктом и столовой. Когда паук относится к виду, который избегает света, и у него есть телеграфная линия, он взбирается в свое дневное укрытие вдоль этой линии, а дичь натывается на его пятки.

Пока она освежается, давайте разберемся с последствиями небольшого укуса, нанесенного ранее завернутой в шелк пленнице. Убивает ли Паук пациента с целью избежать несвоевременных рывков, протестов, столь неприятных во время обеда? Несколько причин заставляют меня сомневаться в этом. Во-первых, атака настолько завуалирована, что выглядит как обычный поцелуй. Кроме того, это делается где угодно, в первом попавшемся месте. Опытные убийцы{33} используют методы высочайшей точности: они наносят удар в шею или под горло; они поражают шейные нервные центры, средоточие энергии. Парализаторы, эти опытные анатомы, отравляют двигательные нервные центры, количество и расположение которых им известно. Эпейра не обладает ни одним из этих устрашающих знаний. Она вонзает свои клыки наугад, как Пчела в свое жало. Она не выбирает одно место, а предпочитает другое; она равнодушно кусает все, что оказывается в пределах досягаемости. Если это так, то ее яд должен был обладать беспрецедентной вирулентностью, чтобы производить трупоподобную инертность, независимо от того, на какую точку нанесен удар. Я с трудом верю в мгновенную смерть в результате укуса, особенно в случае насекомых с их высокоустойчивыми организмами.

Кроме того, действительно ли Эпейре нужен труп, ведь она питается кровью гораздо больше, чем плотью? Ей было бы выгодно сосать живое тело, в котором поток жидкостей, приводимый в движение пульсацией спинного сосуда, этого рудиментарного сердца насекомых, должен действовать более свободно, чем в безжизненном теле с его застоявшимися жидкостями. Дичь, которую Паук намеревается высосать досуха, вполне может быть жива. В этом легко убедиться.

Я размещаю несколько видов саранчи на паутине в моем зверинце, одну на этом, другую на том. Паук подбегает, связывает добычу, осторожно покусывает ее и убирает, ожидая, пока укус подействует. Затем я беру насекомое и осторожно снимаю с него шелковистый покров. Саранча не мертва, отнюдь нет; можно было бы даже подумать, что ей не причинили никакого вреда. Я тщетно рассматриваю освобожденного заключенного через линзу; я не вижу никаких следов раны.

Может ли он остаться невредимым, несмотря на тот поцелуй, который я только что видела? Вы были бы готовы сказать это, судя по тому, с какой яростью он пинает мои пальцы. Тем не менее, когда его ставят на землю, он неуклюже передвигается, кажется, ему не хочется прыгать. Возможно, это временная проблема, вызванная его ужасным возбуждением в Сети. Похоже, что это скоро пройдет.

Я сажаю Саранчу в клетки с листьями салата, чтобы утешить ее в испытаниях; но она не успокоится. Проходит день, за ним второй. Ни один из них не прикасается к листику салата; у них пропал аппетит. Их движения становятся более неуверенными, как будто им мешает непреодолимое оцепенение. На второй день они мертвы, все до единого безвозвратно мертвы.

Следовательно, эпейра не убивает свою жертву сразу же своим нежным укусом; она отравляет ее, вызывая постепенную слабость, которая дает кровососу достаточно времени, чтобы без малейшего риска осушить свою жертву, прежде чем трупное окоченение прекратит отток влаги.

Трапеза длится целых двадцать четыре часа, если сустав большой; и до самого конца разделанное насекомое сохраняет остатки жизни, что является благоприятным условием для истощения соков. И снова мы видим искусный метод забоя, сильно отличающийся от тактики, используемой опытными парализаторами или истребителями. Здесь нет демонстрации анатомической науки. Не знакомый со строением организма пациента, Паук наносит удары наугад. Вирулентность яда делает остальное.

Есть, однако, несколько очень редких случаев, когда укус быстро приводит к летальному исходу. В моих записях говорится об угловатой эпейре, сражающейся с самой крупной стрекозой в моем округе (*Aeshna grandis*, ЛИН.). Я сам запутал в паутине эту голову крупной дичи, которую Эпейра не часто ловит. Сеть сильно трясется, кажется, вот-вот оборвется.

Паучиха выбегает из своей зеленой виллы, смело подбегает к великанше, швыряет в нее единственный моток веревок и, без дальнейших предосторожностей, хватает ее за ноги, пытается подчинить, а затем вонзает клыки в спину Стрекозы. Укус затягивается таким образом, что поражает меня. Это не тот небрежный поцелуй, с которым я уже знаком; это глубокая, решительная рана. Нанеся свой удар, Паук удаляется на определенное расстояние и ждет, пока подействует его яд.

Я немедленно убираю Стрекозу. Она мертва, по-настоящему мертва. Уложенная на мой стол и оставленная одна на двадцать четыре часа, она не делает ни малейшего движения. Укола, отметин от которого мой объектив не может разглядеть, настолько остро заточено оружие эпейры, было достаточно, при небольшой настойчивости, чтобы убить мощное животное. Соответственно, гремучая змея, Рогатая гадюка, тригоноцефал и другие змеи с дурной славой оказывают меньшее парализующее действие на своих жертв.

И с этими Эпирами, столь ужасными для насекомых, я могу обращаться без всякого страха. Моей коже они не подходят. Если бы я убедил их укусить меня, что бы со мной случилось? Почти ничего. У нас больше причин бояться укуса крапивы, чем кинжала, который смертелен для стрекоз. Один и тот же вирус действует по-разному на тот и другой организм, грозно здесь и довольно слабо там. То, что убивает насекомое, легко может быть безвредным для нас. Давайте, однако, не будем заходить слишком далеко в обобщениях. Нарбоннская ликоза, еще одна восторженная охотница на насекомых, заставила бы нас дорого заплатить, если бы мы попытались позволить себе вольности с ней.

Наблюдать за Эпейрой за ужином небезынтересно. Я натыкаюсь на одну из них, Полосатую Эпейру, в данный момент, около трех часов дня, когда она поймала Саранчу. Посаженная в центре паутины, на полу для отдыха, она набрасывается на оленину в суставе бедра. Нет никакого движения, даже частей рта, насколько я могу обнаружить. Рот задерживается, плотно

прижатый к месту первоначального укуса. Нет прерывистых глотков, при которых нижние челюсти двигаются взад-вперед. Это своего рода непрерывный поцелуй.

Время от времени я навещаю свою Эпейру. Рот не меняет своего места. В последний раз я навещаю ее в девять часов вечера. Дела обстоят точно так же, как и раньше: после шестичасового употребления во рту все еще сосется нижний конец правой бедренной кости. Жидкое содержимое жертвы попадает в живот людоедки, я не знаю как.

На следующее утро Паучиха все еще сидит за столом. Я забираю у нее тарелку. От Саранчи не осталось ничего, кроме кожи, почти не изменившейся по форме, но совершенно высохшей и продырявленной в нескольких местах. Поэтому ночью метод был изменен. Чтобы извлечь непротекающие остатки, внутренности и мышцы, жесткую кутикулу нужно было надрезать здесь, там и в других местах, после чего разорванная шелуха, помещенная целиком в пресс нижних челюстей, должна была быть пережевана, повторно пережевана и, наконец, превращена в таблетку, которую насытившийся Паук выбрасывает. Это был бы конец жертвы, если бы я не забрал ее раньше времени.

Независимо от того, ранит она или убивает, Эпейра кусает своего пленника где-нибудь еще, неважно где. Это отличный метод с ее стороны, из-за разнообразия игр, которые попадают ей на пути. Я вижу, как она с равной готовностью принимает все, что ни пошлет ей случай: бабочек и стрекоз, Мух и Ос, мелких навозных жуков и саранчу. Если я предлагаю ей Богомола, Шмеля, бескислородную рыбу - эквивалент обыкновенного петуха - и другие блюда, вероятно, неизвестные ее расе, она принимает все и всякое, большое и маленькое, с тонкокожей и ороговевшей кожей, то, что ходит пешком, и то, что летает на крыльях. Она всеядна, она охотится на все, вплоть до себе подобных, если представится случай.

Если бы она действовала в соответствии с индивидуальным строением, ей понадобился бы анатомический словарь; а инстинкту, по сути, незнакомы обобщения: его знания всегда ограничены ограниченными моментами. Церцересы прекрасно знают своих долгоносиков и жуков-бупрестис; сфексы - своих кузнечиков, сверчков и саранчу; сколии{34} их личинки *Cetonia* и *Oryctes*. То же самое с другими парализаторами. У каждой своя жертва, и она ничего не знает ни о ком из остальных.

Такие же эксклюзивные вкусы преобладают и у slayers. Давайте вспомним в этой связи *Philanthus apivorus* {35} и, особенно, *Thomisus*, симпатичного паука, который перерезает глотки пчелам. Они понимают, что такое смертельный удар в шею или под подбородок, чего не понимают эпейры; но именно из-за этого таланта они специалисты. Их область - Домашняя Пчела.

Животные немного похожи на нас самих: они преуспевают в каком-либо искусстве только при условии специализации в нем. Эпейра, который, будучи всеядным, вынужден обобщать, отказывается от научных методов и компенсирует это перегонкой яда, способного вызвать оцепенение и даже смерть, независимо от того, в какую точку нанесен удар.

Признавая большое разнообразие дичи, мы удивляемся, как Эпейре удастся не колебаться среди такого множества разнообразных форм, как, например, она переходит от Саранчи к Бабочке, столь разной по внешнему виду. Приписывать ей в качестве гида обширные зоологические познания было бы дико сверх того, что мы можем разумно ожидать от ее

скудного интеллекта. Вещь движется, поэтому ее стоит поймать: эта формула, кажется, подводит итог мудрости Паука.

ГЛАВА XIV: САДОВЫЕ ПАУКИ: ВОПРОС СОБСТВЕННОСТИ

Собака нашла кость. Она лежит в тени, держа кость между лапами, и с нежностью изучает ее. Это его священная собственность, его движимое имущество. Эпейра сплела свою паутину. Здесь снова речь идет о собственности; и обладании лучшим титулом, чем у другого. По воле случая и благодаря своему нюху Собака просто нашла что-то; она не работала и не платила за это. Паук - нечто большее, чем случайный владелец, она создала то, что принадлежит ей. Его субстанция исходила из ее тела, его структура - из ее мозга. Если когда-либо собственность была неприкосновенна, то это ее собственность.

Гораздо выше стоит работа ткача идей, который тклет книгу, эту другую паутину, и из своей мысли создает нечто такое, что должно наставлять или волновать нас. Чтобы защитить нашу 'кость', у нас есть полиция, изобретенная специально для этой цели. Чтобы защитить книгу, у нас нет ничего, кроме фарсовых средств. Положите несколько кирпичей один на другой, соедините их раствором, и закон защитит вашу стену. Постройте в письменном виде здание своих мыслей; и любой человек сможет без серьезных препятствий извлекать из него отдельные камешки, даже брать все целиком, если это его устроит. Клетка для кроликов - это собственность; работа ума - нет. Если у животного эксцентричные взгляды на имущество других, у нас тоже есть свое.

'У силы всегда лучший аргумент', - сказал Лафонтен, к великому возмущению сторонников мира. Требования стиха, рифмы и ритма завели достойного баснописца дальше, чем он намеревался: он хотел сказать, что в драке между мастифами и в других жестоких конфликтах тот, кто сильнее, остается хозяином положения. Он хорошо знал, что, как бы ни обстояли дела, успех - это не свидетельство совершенства. Пришли другие, печально известные злодеи человечества, которые сделали законом дикую максиму о том, что сильный прав.

Мы - личинки с меняющейся кожей, уродливые гусеницы общества, которое медленно, очень медленно продвигается к торжеству права над силой. Когда же свершится эта возвышенная метаморфоза? Чтобы освободиться от жестокости диких зверей, должны ли мы ждать, пока океанские равнины южного полушария перетекут на нашу сторону, изменив облик континентов и возобновив ледниковый период Северного оленя и мамонта? Возможно, настолько медленным является моральный прогресс.

Верно, у нас есть велосипед, автомобиль, дирижабль и другие чудесные средства для перелома костей; но из-за всего этого наша мораль не стала ни на ступеньку выше. Можно было бы даже сказать, что чем дальше мы продвигаемся в нашем завоевании материи, тем больше отступает наша мораль. Самое передовое из наших изобретений состоит в том, чтобы уничтожать людей картечью и взрывчаткой с быстротой жнеца, косящего кукурузу.

Увидим ли мы торжество этой мощи во всей ее красоте? Давайте проведем несколько недель в обществе Эпейры. Она - владелица сети, своей работы, своей самой законной собственности. Сразу возникает вопрос: возможно ли, что Паук распознает свою ткань по определенным товарным знакам и отличает ее от тканей своих собратьев?

Я вызываю смену перепонки между двумя соседними Полосатыми Эпирами. Как только либо из них попадает в чужую сеть, она направляется к центральному этажу, устраивается головой вниз и не шевелится, довольная паутиной своего соседа, как своей собственной. Ни днем, ни ночью она не пытается переместить свое жилище и вернуть все в первоначальное состояние. Оба Паука думают, что находятся в своих владениях. Эти две части работы настолько похожи, что я почти ожидал этого.

Затем я решаю произвести обмен сетями между двумя разными видами. Я перемещаю Полосатую эпейру в сетку Шелковистой эпейры и наоборот. Две паутины теперь непохожи; у Шелковистой Эпейры известковая спираль, состоящая из более тесных и многочисленных кругов. Что будут делать пауки, когда их подвергнут такому испытанию неизвестностью? Можно было бы подумать, что, когда одна из них обнаружит, что сетки под ногами слишком широки для нее, а другая - слишком узки, они испугаются этой внезапной перемены и в ужасе разбегутся. Вовсе нет. Без малейших признаков волнения они остаются, располагаются в центре и ждут начала игры, как будто ничего экстраординарного не произошло. Они делают нечто большее. Проходят дни, и до тех пор, пока незнакомая паутина не разрушена до такой степени, что становится непригодной для использования, они не предпринимают попыток сплести другую в своем собственном стиле. Следовательно, Паук не способен распознать свою паутину. Он принимает чужую работу за свою, даже если она сделана человеком, не принадлежащим к его расе.

Теперь мы переходим к трагической стороне этой путаницы. Желая иметь предметы для изучения в пределах моей повседневной досягаемости и избавить себя от необходимости совершать случайные экскурсии, я собираю разных Эпейр, которых нахожу во время своих прогулок, и сажаю их на кусты в моем вольере. Таким образом, живая изгородь из розмарина, защищенная от ветра и обращенная к солнцу, превращается в хорошо укомплектованный зверинец. Я достаю Пауков из бумажных пакетов, в которые я положила их отдельно, чтобы унести с собой, и без лишних предосторожностей рассаживаю их по листьям. Это для того, чтобы они чувствовали себя как дома. Как правило, они весь день не трогаются с места, куда я их положил: они ждут наступления темноты, прежде чем искать подходящее место для плетения сети.

Некоторые из них проявляют меньше терпения. Совсем недавно у них была паутина между камышами у ручья или в дубравах, а теперь у них ее нет. Они отправляются на поиски, чтобы вернуть свою собственность или наложить арест на чью-то еще: им все равно. Я натыкаюсь на полосатую эпейру, недавно импортированную, предназначенную для плетения шелковистой эпейры, которая была моей гостьей уже несколько дней. Хозяйка на своем посту, в центре сети. Она ждет незнакомца с кажущимся бесстрашием. Затем внезапно они хватаются друг за друга; и начинается отчаянная схватка. Шелковистая эпейра шерстяная. Другой связывает ее, тащит на центральный пол, не покрытый известью, и самым спокойным образом съедает. Мертвого Паука пережевывают в течение двадцати четырех часов и выпивают до последней капли, после чего труп, жалкий, смятый комочек, наконец отбрасывают в сторону. Завоеванная таким образом сеть становится собственностью незнакомца, который ею пользуется, если она не слишком пострадала в ходе конкурса.

Здесь есть тень оправдания. Два паука были разных видов; и борьба за жизнь часто приводит к истреблению тех, кто не является родственниками. Что произошло бы, если бы эти двое

принадлежали к одному виду? Это легко увидеть. Я не могу полагаться на спонтанные вторжения, которые могут быть редки в нормальных условиях, и я сам помещаю Полосатую Эпейру в сеть ее родственницы. Немедленно предпринимается яростная атака. Победа, на мгновение повисевшая на волоске, снова решается в пользу незнакомца. Побужденную сторону, на этот раз сестру, съедают без малейших колебаний. Ее сеть становится собственностью победителя.

Вот оно, во всем своем ужасе, право сильного: есть себе подобных и забирать их добро. В незапамятные времена человек делал то же самое: он раздевал и съедал своих собратьев. Мы продолжаем грабить друг друга, как нации, так и отдельные личности; но мы больше не едим друг друга: этот обычай устарел с тех пор, как мы обнаружили приемлемую замену бараньей отбивной.

Давайте, однако, не будем очернять Паучиху сверх ее заслуг. Она живет не за счет войны со своими родственниками; она по собственной воле не пытается завладеть чужой собственностью. Нужны чрезвычайные обстоятельства, чтобы подтолкнуть ее к этим злодеяниям. Я вырываю ее из ее паутины и помещаю в чужую. С этого момента она не знает разницы между *meum* и *tuum*: вещь, к которой прикасается нога, сразу становится недвижимостью. И злоумышленница, если она сильнее, заканчивает тем, что съедает оккупанта, что является радикальным средством прекращения споров.

Помимо беспорядков, подобных тем, что спровоцировал я сам, беспорядков, которые возможны в вечном конфликте событий, Паук, ревниво относящийся к своей собственной паутине, кажется, уважает сети других. Она никогда не занимается разбоем против своих собратьев, за исключением тех случаев, когда у нее отнимают сеть, особенно в дневное время, потому что ткачество никогда не производится днем: эта работа приберегается для ночи. Однако, когда она лишается средств к существованию и чувствует себя сильнее, тогда она нападает на свою соседку, разрывает ей живот, питается ею и завладевает ее имуществом. Давайте сделаем скидку и продолжим.

Теперь мы рассмотрим пауков с более чуждыми привычками. Полосатая и шелковистая эпейра сильно различаются по форме и окраске. У первого пухлое брюшко оливковой формы, богато опоясанное белым, ярко-желтым и черным; у второго брюшко плоское, шелковисто-белое, украшенное фестонами. Судя только по одежде и фигуре, нам не следует думать о тесной связи двух Пауков.

Но высоко над формами возвышаются тенденции, те основные характеристики, с которыми наши методы классификации, столь придирчивые к мельчайшим деталям формы, должны считаться более широко, чем они это делают. У двух непохожих Друг на друга Пауков совершенно схожий образ жизни. Оба они предпочитают охотиться днем и никогда не покидают своих сетей; оба подписывают свои работы зигзагообразным росчерком. Их сети почти идентичны, настолько, что Полосатая эпейра использует паутину Шелковистой эпейры после поедания ее владельца. Шелковистая Эпейра, со своей стороны, когда она сильнее, лишает своей опоясанной кузины прав и пожирает ее. Каждый чувствует себя как дома в сети другого, когда торжествующий аргумент силы завершает дискуссию.

Давайте теперь рассмотрим случай с Поперечным пауком, волосатым существом различных оттенков красновато-коричневого. У нее на спине три больших белых пятна, образующих

тройной крест. Она охотится в основном ночью, избегает солнца и днем живет в прилегающих кустах, в тенистом убежище, которое сообщается с липовой ловушкой с помощью телеграфного провода. Ее паутина очень похожа по структуре и внешнему виду на паутину двух других. Что произойдет, если я обеспечу ей посещение Полосатой Эпейры?

Леди тройного креста захвачена днем, при полном свете солнца, благодаря моему озорному посреднику. Сеть опустела; хозяйка в своей зеленой хижине. Телеграфная проволока выполняет свою функцию; Поперечный Паук спешит вниз, обходит все свое имущество, замечает опасность и поспешно возвращается в свое укрытие, не предпринимая никаких мер против незваного гостя.

Последняя, со своей стороны, похоже, не испытывает удовольствия. Если бы ее поместили на паутину одной из ее сестер или даже на паутину Шелковистой Эпейры, она разместилась бы в центре, как только борьба закончилась смертью другой. На этот раз борьбы нет, потому что паутина пуста; ничто не мешает ей занять свою позицию в центре, главной стратегической точке; и все же она не двигается с того места, куда я ее поставил.

Я нежно щекочу ее кончиком длинной соломинки. Дома, если его дразнить подобным образом, полосатая эпейра — как и другие, если уж на то пошло, — яростно трясет паутиной, чтобы запугать агрессора. На этот раз ничего не происходит: несмотря на мои неоднократные уговоры, Паучиха не шевелит ни одной веточкой. Она как будто оцепенела от ужаса. И у нее есть на то причины: другая наблюдает за ней из своего высокого укрытия.

Вероятно, это не единственная причина ее испуга. Когда моя соломинка заставляет ее сделать несколько шагов, я вижу, что она с некоторым трудом поднимает ноги. Она немного тянет, волочит лапки, пока почти не обрывает поддерживающие нити. Это не движение проворного канатоходца; это неуверенная походка заплетающихся ног. Возможно, липкие нити липче, чем в ее собственной паутине. Клей другого качества, и ее сандалии не смазаны в той степени, в какой этого требует новая степень адгезии.

Как бы то ни было, долгие часы подряд все остается как есть: перевязанная Эпейра неподвижно сидит на краю паутины; другая прячется в своей хижине; обе, по-видимому, очень встревожены. На закате любительница тьмы набирается храбрости. Она выходит из своей зеленой палатки и, не беспокоясь о незнакомце, направляется прямо к центру паутины, куда ее приводит телеграфный провод. Охваченная паникой при виде этого явления, Полосатая Эпейра рывком высвобождается и исчезает в зарослях розмарина.

Этот эксперимент, хотя и неоднократно возобновлялся с участием разных испытуемых, других результатов не дал. Не доверяя паутине, непохожей на ее собственную, если не по структуре, то, по крайней мере, по липкости, жирная полосатая эпейра показывает белое перо и отказывается нападать на Поперечного паука. Последняя, со своей стороны, либо не трогается с места из своего дневного укрытия в листве, либо бросает обратно в него, бросив торопливый взгляд на незнакомца. Она здесь ждет наступления ночи. Пользуясь благосклонностью темноты, которая придает ей новую смелость и активность, она снова появляется на сцене и обращает незваного гостя в бегство одним своим присутствием, подкрепив, если понадобится, пару тумачков. Пострадавшее право - это победитель.

Мораль удовлетворена; но давайте не будем поэтому поздравлять Паука. Если захватчик уважает захваченного, то это потому, что к этому побуждают его очень серьезные причины. Во-

первых, ей пришлось бы сражаться с противником, засевшим в крепости, засады в которой неизвестны нападающему. Во-вторых, паутиной, если ее завоевать, было бы неудобно пользоваться из-за липких нитей, обладающих иной степенью липкости, чем те, которые она так хорошо знает. Рисковать своей шкурой ради вещи сомнительной ценности было вдвойне глупо. Паук знает это и терпит.

Но стоит Полосатой Эпейре, лишенной своей паутины, наткнуться на кого-нибудь из себе подобных или на Шелковистую Эпейру, которая плетет свою клейкую бечевку таким же образом: тогда благоразумие отбрасывается на ветер; владельца яростно разрывают и завладевают собственностью.

Сила - это право, говорит зверь; или, скорее, она не знает права. Животный мир - это разгул appetitов, не признающий никакой другой узды, кроме бессилия. Человечество, единственное, способное выбраться из трясины инстинктов, воплощает справедливость в жизнь, создает ее медленно, по мере того как его концепция становится все более ясной. Из священного тростникового света, пока еще столь мерцающего, но набирающего силу из века в век, человек сделает пылающий факел, который положит конец среди нас принципам животных и, однажды, полностью изменит лицо общества.

ГЛАВА XV: ЛАБИРИНТНЫЙ ПАУК

В то время как эпейры с их великолепными сетчатыми гобеленами являются несравненными ткачами, многие другие пауки преуспевают в изобретательных приспособлениях для наполнения своих желудков и оставления после себя потомства: двух основных законах живых существ. Некоторые из них - знаменитости с давней известностью, которые упоминаются во всех книгах.

Некоторые голуби {36} обитают в норах, подобно нарбоннскому ликозу, но совершенства, неизвестного жестоким Паукам пустошей. Ликоса окружает устье своей шахты простым парашютом, состоящим всего лишь из крошечных камешков, палочек и шелка; другие крепят к своим подвижную дверь, круглую ставню с петлей, пазом и набором засовов. Когда *Mygale* возвращается домой, крышка опускается в паз и устанавливается настолько точно, что нет возможности различить место соединения. Если агрессор упорствует и пытается поднять крышку люка, отшельница отодвигает засов, то есть засовывает когти в определенные отверстия на противоположной от петли стороне, прислоняется к стене и крепко держит дверь.

Другая, Аргиронета, или Водяной Паук, строит себе элегантный шелковый водолазный колокольчик, в котором она запасает воздух. Получив таким образом возможность дышать, она ожидает начала игры и тем временем сохраняет хладнокровие. Во времена палящей жары ее жилище, должно быть, настоящее сибаритское жилище, подобное тому, которое эксцентричные мужчины иногда отваживались строить под водой из могучих каменных и мраморных блоков. Подводные дворцы Тиберия - не более чем отвратительное воспоминание; изящный купол Водяного Паука все еще цветет.

Если бы у меня были документы, полученные в результате личных наблюдений, я бы хотел рассказать об этих гениальных работниках; я бы с удовольствием добавил несколько неопубликованных фактов к истории их жизни. Но я должен отказаться от этой идеи. Водяной паук не водится в моем районе. Майгале, специалист по распашным дверям, водится там, но

очень редко. Однажды я видел одного на краю тропинки, огибающей рощицу. Возможность, как мы знаем, мимолетна. Наблюдатель больше, чем кто-либо другой, обязан взять это за правило. Как я ни был занят другими исследованиями, я лишь мельком взглянул на великолепный объект, предложенный удачей. Возможность уплыла и больше не представилась.

Давайте восполним это тривиальными вещами, с которыми мы часто сталкиваемся, - условием, благоприятствующим последовательному изучению. То, что является общим, не обязательно неважное. Уделите ему наше постоянное внимание, и мы обнаружим в нем достоинства, которые наше прежнее невежество мешало нам увидеть. Когда его терпеливо просят, наименьшее из созданий вносит свою ноту в гармонию жизни.

В окрестных полях, пройденных в эти дни усталым шагом, но все еще бдительно исследуемых, я ничего так часто не нахожу, как лабиринтного паука (*Agelena labyrinthica*, КЛЕРК.). Не в живой изгороди, но укрывает нескольких у ее подножия, среди травы, в тихих солнечных уголках. На открытой местности, и особенно в холмистых местах, обнаженных топором дровосека, излюбленными местами являются пучки папоротника, шиповника, лаванды, вечнозеленого и розмарина, срезанные близко зубами стай. Именно к этому я прибегаю, поскольку изоляция и доброжелательность опор способствуют действиям, которые могут быть неприемлемы для недружелюбной живой изгороди.

Несколько раз в неделю, в июле, я хожу изучать своих Пауков прямо на месте, в ранний час, пока солнце еще не начало яростно палить в шею. Дети сопровождают меня, каждый получает по апельсину, чтобы утолить жажду, которая не замедлит наступить. Они одаривают меня своими добрыми глазами и гибкими конечностями. Экспедиция обещает быть плодотворной.

Вскоре мы обнаруживаем высокие шелковые здания, издали различимые сверкающими нитями, которые рассвет превратил в росистые четки. Дети настолько поражены этими великолепными люстрами, что на мгновение забывают об апельсинах. Я, со своей стороны, тоже не равнодушен. Поистине великолепное зрелище представляет собой наш Паучий лабиринт, отяжелевший от ночных слез и освещенный первыми лучами солнца. В сопровождении симфонии Дроздов, одно это стоит того, чтобы встать.

Полчаса нагревания - и волшебные драгоценности исчезнут вместе с росой. Сейчас самое время осмотреть паутину. Вот одна из них накрывает своим листом большую гроздь каменных роз; она размером с носовой платок. Множество оттяжек, прикрепленных к любому случайному выступу, привязывают его к хворосту. Там нет ни одной веточки, но она служит точкой соприкосновения. Обвитый со всех сторон, окруженный и увенчанный, кустарник исчезает из виду, укутанный в белый муслин.

Полотно плоское по краям, насколько позволяет неровность опоры, и постепенно переходит в кратер, похожий на раструб охотничьего рога. Центральная часть представляет собой конусообразный залив, воронку, горловина которой, постепенно сужаясь, погружается перпендикулярно в листовые заросли на глубину восьми или девяти дюймов.

У входа в метро, во мраке этого смертоносного переулочка, сидит Паук, который смотрит на нас и не вызывает особого волнения при нашем присутствии. Она серая, скромно украшенная на грудной клетке двумя черными лентами, а на брюшке двумя полосками, в которых белые крапинки чередуются с коричневыми. На кончике брюшка два маленьких подвижных придатка образуют нечто вроде хвоста - довольно любопытная особенность паука.

Паутина в форме кратера не везде имеет одинаковую структуру. По краям это тончайшее переплетение редких нитей; ближе к центру текстура становится сначала тонким муслином, затем атласом; еще ниже, в более узкой части выреза, это сеть грубо вытянутых ромбовидных сеток. Наконец, горлышко воронки, обычное место для отдыха, выполнено из плотного шелка.

Паучиха никогда не перестает работать над своим ковром, который представляет собой ее исследовательскую платформу. Каждую ночь она подходит к нему, прогуливается по нему, осматривая свои ловушки, расширяя свои владения и увеличивая их новыми нитями. Работа выполняется с помощью шелка, постоянно свисающего с фильер и постоянно извлекаемого по мере движения животного. Горловина воронки, по которой ходят чаще, чем по остальной части жилища, поэтому обита более толстой обивкой. За ней находятся склоны кратера, которые также являются наиболее посещаемыми районами. Спицы определенной правильности фиксируют диаметр рта; раскачивающаяся походка и направляющая помощь хвостовых отростков позволили уложить ромбовидные сетки поперек этих спиц. Эта часть была усилена ночными обходами инспекции. Наконец, идут менее посещаемые пространства, которые, следовательно, имеют более тонкий ковер.

На дне прохода, уходящего в заросли кустарника, мы могли бы ожидать найти потайную хижину, ватную клетку, где Паучиха укрывалась в часы досуга. Реальность - это нечто совершенно иное. Длинная воронкообразная горловина зияет на нижнем конце, где всегда приоткрыта отдельная дверь, позволяющая животному при сильном толчке убежать по траве и выбраться на открытое место.

Хорошо знать такое расположение жилища, если вы хотите поймать Паука, не причинив ему вреда. При нападении спереди беглец сбегает вниз и проскальзывает через заднюю калитку внизу. Поиски ее, роаясь в зарослях, часто ни к чему не приводят, настолько стремителен ее полет; кроме того, поиск вслепую влечет за собой большой риск покалечить ее. Давайте воздержимся от насилия, которое редко приносит успех, и прибегнем к хитрости.

Мы замечаем Паука у входа в ее трубку. Если возможно, сожмите обеими руками нижнюю часть пучка, содержащего горлышко воронки. Этого достаточно; животное поймано. Чувствуя, что путь к отступлению отрезан, оно с готовностью бросается в протянутый ему бумажный пакет; при необходимости его можно стимулировать кусочком соломы. Таким образом, я заполняю свои клетки испытуемыми, которые не были деморализованы ушибами.

Поверхность кратера - это не совсем ловушка. Случайный прохожий вполне может запутаться ногами в шелковистых коврах, но легкомысленные люди, приходящие сюда на прогулку, должно быть, очень редки. Что требуется, так это ловушка, способная поймать прыгающую или летающую дичь. У Эпейры есть своя коварная известковая сеть; у кустарного паука есть свой не менее коварный лабиринт.

Посмотри поверх паутины. Какой лес веревок! Это может быть такелаж корабля, выведенного из строя штормом. Они тянутся от каждой веточки поддерживающих кустарников, они прикреплены к кончику каждой ветки. Есть длинные веревки и короткие канаты, вертикальные и наклонные, прямые и согнутые, натянутые и провисшие, все перекрещенные и спутанные, высотой около трех футов в неразборчивом беспорядке. Целое образует хаос сетей, лабиринт, через который никто не может пройти, если только он не наделен крыльями исключительной силы.

Здесь нет ничего похожего на липовые нити, используемые Садовыми пауками. Нити не липкие; они действуют только своим запутанным множеством. Хотите посмотреть, как работает ловушка? Бросьте в снасти маленькую саранчу. Не в силах твердо опереться на эту шаткую опору, он барахтается; и чем больше он борется, тем сильнее запутывает свои оковы. Паук, подглядывающий за порогом ее бездны, позволяет ему поступать по-своему. Она не избегает по вантам мачты, чтобы схватить отчаявшегося пленника; она ждет, пока его нити, перекрученные взад и вперед, не заставят его упасть на паутину.

Он падает; другая подходит и бросается на свою расprostертую жертву. Атака не лишена опасности. Саранча скорее деморализована, чем связана; это всего лишь обрывки нити, которые свисают у нее с ног. Смелый нападающий не возражает. Не утруждая себя, подобно Эпире, тем, чтобы спрятать свою добычу под парализующим покровом, она ощупывает ее, чтобы убедиться в ее качестве, а затем, невзирая на удары, вонзает клыки.

Кусают обычно в нижнюю часть бедра: не потому, что это место более уязвимо, чем любая другая часть с тонкой кожей, но, вероятно, потому, что оно имеет лучший вкус. Различные сети, которые я осматриваю, чтобы изучить пищу в кладовой, показывают мне, среди прочих соединений, различных мух и маленьких бабочек, а также тушки почти нетронутой саранчи, все они лишены задних ног или, по крайней мере, одной. Ножки саранчи, освобожденные от своего сочного содержимого, часто свисают по краям паутины с мясных крючков в мясной лавке. В те дни, когда я был мальчишкой, свободным от предрассудков относительно того, что человек ест, я, как и многие другие, мог оценить это лакомство по достоинству. Это эквивалент, в очень малых масштабах, более крупных ножек раков.

Таким образом, мастер по изготовлению такелажа, которому мы только что бросили Саранчу, атакует жертву в нижнюю часть бедра. Укус затягивается: как только Паук вонзает свои клыки, он уже не отпускает их. Она пьет, она пьет маленькими глотками, она сосет. Когда эта первая точка опустошена, она переходит к другим, в частности ко второму бедру, пока добыча не превратится в пустую тушу, не потеряв своих очертаний.

Мы видели, что Садовые пауки питаются аналогичным образом, обескровливая оленину и выпивая ее вместо того, чтобы есть. Однако, наконец, в удобные часы после приема пищи они берут осушенный кусочек, пережевывают его, пережевывают повторно и превращают в бесформенный шарик. Это десерт, с которым можно поиграть зубами. Лабиринтный паук ничего не знает о развлечениях за столом; она выбрасывает высохшие остатки из своей паутины, не пережевывая их. Хотя это длится долго, еда съедается в полной сохранности. С первого укуса саранча становится безжизненным существом; яд Паука порастил ее.

Лабиринт как произведение искусства значительно уступает такому совершенному геометрическому изобретению, как Садовая паучья сеть; и, несмотря на свою изобретательность, он не дает благоприятного представления о его конструкторе. Это едва ли больше, чем бесформенные строительные леса, кое-как возведенные. И все же, как и у других, у строителя этого неряшливого здания должны быть свои принципы красоты и точности. Как бы то ни было, красивое решетчатое устье кратера заставляет нас подозревать это; гнездо, обычный шедевр матери, докажет это в полной мере.

Когда приближается время откладывания яиц, Паучиха меняет место жительства; она оставляет свою паутину в отличном состоянии; она больше не возвращается в нее. Кто пожелает, может

вступить во владение домом. Настал час основать семейное учреждение. Но где? Паук прекрасно знает; я в темноте. Утро проходит в бесплодных поисках. Напрасно я обшариваю кусты, увешанные паутиной: я никогда не нахожу ничего, что оправдало бы мои надежды.

Наконец-то я узнаю секрет. Я случайно натываюсь на сеть, которая, хотя и заброшена, еще не обветшала, доказывая, что с нее совсем недавно снялись. Вместо того чтобы охотиться в зарослях, на которых он растет, давайте осмотрим окрестности на расстоянии нескольких шагов. Если они расположены низкой, густой гроздью, значит, гнездо находится там, скрытое от глаз. Он несет в себе подлинное свидетельство о своем происхождении, поскольку мать неизменно занимает его.

Таким методом исследования, вдали от лабиринта-ловушки, я становлюсь владельцем стольких гнезд, сколько необходимо для удовлетворения моего любопытства. Они мало соответствуют моему представлению о материнском таланте. Это неуклюжие связки сухих листьев, грубо связанные шелковыми нитками. Под этим грубым покрытием находится мешочек тонкой текстуры, содержащий шкатулку для яиц, все в очень плохом состоянии из-за неизбежных разрывов, возникающих при ее извлечении из хвороста. Нет, я не смогу судить о способностях художника по этим лохмотьям.

Насекомое в своих постройках придерживается своих собственных архитектурных правил, столь же неизменных, как и анатомические особенности. Каждая группа строит в соответствии с одним и тем же набором принципов, подчиняясь законам очень элементарной системы эстетики; но часто обстоятельства, неподвластные архитектору — пространство, находящееся в ее распоряжении, неровности участка, характер материала и другие случайные причины — вмешиваются в планы рабочего и разрушают конструкцию. Тогда виртуальная регулярность преобразуется в реальный хаос; порядок вырождается в беспорядок.

Мы могли бы обнаружить интересный предмет исследования в типе, принятом каждым видом, когда работа будет выполнена без помех. Полосатая Эпейра плетет мешочек из своих яиц на открытом воздухе, на тонкой ветке, которая не мешает ей; и ее работа представляет собой великолепно выполненную художественную банку. Шелковистая Эпейра также имеет все необходимое пространство для локтей, а ее параболоид не лишен элегантности. Может ли Лабиринтная Паучиха, еще одна старая дева с выдающимися достоинствами, не зная о заповедях красоты, когда ей придет время сплести шатер для своего потомства? Пока что то, что я видел в ее работах, — это всего лишь неприглядный набор. Это все, на что она способна?

Я ищу лучшего, если обстоятельства ей благоприятствуют. Работая посреди густой чащи, среди путаницы опавших листьев и сучьев, она вполне может выполнить очень неточную работу; но заставьте ее работать, когда нет никаких препятствий: тогда она — я заранее убежден в этом — применит свои таланты без принуждения и покажет себя искусницей в постройке изящных гнезд.

По мере приближения времени откладывания яиц, ближе к середине августа, я сажаю полдюжины лабиринтных пауков в большие клетки из проволоочной сетки, каждая из которых стоит в глиняном поддоне, наполненном песком. Веточка тимьяна, посаженная в центре, послужит опорой для конструкции вместе с решеткой сверху и по бокам. Здесь нет другой мебели, нет опавших листьев, которые могли бы испортить форму гнезда, если бы мать захотела

использовать их в качестве покрытия. В качестве пропитания - Саранча, каждый день. Их легко принимать, при условии, что они нежные и не слишком крупные.

Эксперимент удался идеально. Едва закончился август, как в моем распоряжении оказались шесть гнезд великолепной формы и ослепительной белизны. Широта мастерской позволила старой деве следовать зову своего инстинкта без серьезных препятствий; и в результате получился шедевр симметрии и элегантности, если учесть несколько угловатостей, требуемых точками подвешивания.

Это овал из изысканного белого муслина, прозрачное жилище, в котором мать должна подолгу оставаться, чтобы присматривать за выводком. Размером он почти с куриное яйцо. Кабина открыта собоих концов. Главный вход расширяется в галерею; задний вход сужается в горловину-воронку. Я не вижу цели этого горловины. Что касается отверстия спереди, которое шире, то это, без сомнения, дверь для хранения продуктов. Время от времени я вижу Паука, стоящего здесь и высматривающего Саранчу, которую она пожирает снаружи, стараясь не запачкать безупречно чистое святилище трупами.

Строение гнезда не лишено определенного сходства со строением жилища, занимаемого во время сезона охоты. Проход сзади представляет собой воронкообразную горловину, которая спускалась почти до земли и давала выход для бегства в случае серьезной опасности. Тот, что впереди, расширяющийся в виде широко открытого рта, удерживаемого веревками, натянутыми назад и вперед, напоминает зияющую пропасть, в которую раньше падали жертвы. Каждая часть старого жилища повторяется: даже лабиринт, хотя он, правда, в гораздо меньших масштабах. Перед колоколообразным ртом находится клубок нитей, в который ловят прохожих. Таким образом, каждый вид обладает первичной архитектурной моделью, которой придерживаются в целом, несмотря на изменившиеся условия. Животное досконально знает свое дело, но оно не знает и никогда не узнает ничего другого, будучи неспособным к оригинальности.

Итак, этот шелковый дворец, в конце концов, не более чем караульное помещение. За мягким молочно-опаловым отливом стены мерцает яйцевидная дарохранительница, форма которой смутно напоминает звезду какого-то рыцарского ордена. Это большой карман великолепного мертвенно-белого цвета, отделенный со всех сторон расходящимися колоннами, которые удерживают его неподвижным в центре гобелена. Этих колонн около десяти, они тонкие в середине, расширяющиеся на одном конце в коническую капитель, а на другом - в основание той же формы. Они обращены друг к другу и обозначают расположение сводчатых коридоров, которые позволяют свободно перемещаться по центральному залу во всех направлениях. Мать с серьезным видом расхаживает взад и вперед под сводами своих галерей, она останавливается то здесь, то там; она долго выслушивает содержимое кошелька для яиц; она прислушивается ко всему, что происходит внутри атласной обертки. Потревожить ее было бы варварством.

Для более близкого изучения давайте воспользуемся полуразрушенными гнездами, которые мы привезли с полей. Помимо своих опор, яйцевидный карман представляет собой перевернутый коноид, напоминающий нам о работе Шелковистой Эпейры. Материал у него довольно прочный; мои клещи, дергая за него, не без труда разрывают его. Внутри мешка нет ничего, кроме чрезвычайно тонкой белой ваты и, наконец, яиц, которых насчитывается около сотни, и они сравнительно крупные, так как их размер составляет полтора миллиметра.^{37} Это очень бледные янтарно-желтые бусины, которые не слипаются и свободно раскатываются, как только

я снимаю оболочку из лебяжьего пуха. Давайте поместим все в стеклянную пробирку, чтобы изучить штриховку.

Теперь мы немного вернемся назад. Когда приходит время откладывать яйца, мать покидает свое жилище, свой кратер, в который падали ее жертвы, свой лабиринт, в котором прекращался полет Мошек; она оставляет нетронутым устройство, которое позволяло ей жить в свое удовольствие. Помня о своих естественных обязанностях, она отправляется открывать другое заведение на расстоянии. Почему на расстоянии?

Ей осталось жить еще несколько долгих месяцев, и она нуждается в питании. Не лучше ли было бы тогда отложить яйца в непосредственной близости от нынешнего жилища и продолжить охоту, имея в своем распоряжении превосходные силки? Наблюдение за гнездом и легкое добывание пищи шли бы рука об руку. Паук придерживается другого мнения; и я подозреваю причину.

Сетка из брезента и лабиринт, который ее венчает, видны издали благодаря своей белизне и высоте, на которой они расположены. Их мерцание на солнце, на часто посещаемых дорожках привлекает комаров и бабочек, как лампы в наших комнатах и зеркало фаулера. Тот, кто подходит слишком близко, чтобы посмотреть на яркую вещь, умирает жертвой своего любопытства. Нет ничего лучше для того, чтобы сыграть на глупости прохожего, но и нет ничего более опасного для безопасности семьи.

Гарпии не преминут примчаться по этому сигналу, появившись на фоне зелени; ориентируясь по расположению паутины, они наверняка найдут драгоценный кошелек; а чужая личинка, пирующая сотней свежеснесенных яиц, разорит заведение. Я не знаю этих врагов, поскольку в моем распоряжении недостаточно материалов для регистрации паразитов; но, судя по признакам, собранным в других местах, я подозреваю их.

Полосатая эпейра, доверяя прочности своего материала, устраивает свое гнездо на виду у всех, вешает его на хворост, не принимая никаких мер предосторожности, чтобы спрятать его. И это доказывает, что для нее это плохой бизнес. В ее банке я нашел ихневмона{38}, обладающего прививочной булавкой для сала: *Криптус*, который в качестве личинки питался яйцами пауков. Внутри центрального бочонка не осталось ничего, кроме пустых оболочек; микробы были полностью уничтожены. Кроме того, есть и другие мухи-ихневмоны, пристрастившиеся грабить гнезда пауков; корзинка со свежими яйцами - обычная пища их потомства.

Как и любой другой, Лабиринтный Паук боится коварного появления кошелька; она готовится к нему и, чтобы максимально оградить себя от него, выбирает укрытие за пределами своего жилища, подальше от паутины-предателя. Когда она чувствует, что у нее созревают яичники, она меняет место жительства; ночью она уходит исследовать окрестности и искать менее опасное убежище. Предпочтительно выбирать низкие заросли ежевики, стелющиеся по земле, сохраняющие густую зелень зимой и усыпанные опавшими листьями с ближайших дубов. Особенно ей подходят пучки розмарина, которые увеличивают толщину по сравнению с тем, что они теряют в высоте на раскрывающейся скале. Именно здесь я обычно нахожу ее гнездо, не без долгих поисков, настолько хорошо оно спрятано.

Пока нет никаких отклонений от текущего использования. Поскольку мир полон существ, охотящихся за нежными кусочками мяса, у каждой матери есть свои опасения; у нее также есть природная мудрость, которая советует ей создавать свою семью в укромных местах. Очень

немногие пренебрегают этой предосторожностью; каждая по-своему прячет яйца, которые она откладывает.

В случае с лабиринтным пауком защита выводка осложняется другим условием. В подавляющем большинстве случаев яйца, оказавшись в благоприятном месте, предоставлены сами себе, на волю случая - хорошего или злого. Паук из кустарника, напротив, наделенный большей материнской преданностью, должен, подобно Пауку-Крабу, охранять своих детенышей, пока они не вылупятся.

Из нескольких нитей и нескольких маленьких листьев, соединенных вместе, Краб-паук строит над своим высоким гнездом рудиментарную сторожевую башню, где он остается постоянно, сильно истощенный, сплюснутый в нечто вроде сморщенного панциря из-за опорожнения яичников и полного отсутствия пищи. И этот жалкий лоскуток, едва ли больше шкурки, которая упорствует в том, чтобы жить без еды, стойко защищает свой яичный мешок, показывает бой при приближении любого бродяги. Она не собирается умирать до тех пор, пока не уйдут малыши.

С лабиринтным пауком обращаются лучше. После откладывания яиц она не только не исхудала, но и сохраняет превосходный внешний вид и круглое брюшко. Более того, она не теряет аппетита и всегда готова пустить Саранче кровь. Поэтому ей требуется жилище с охотничьим ящиком рядом с яйцами, за которыми присматривают. Мы знаем это жилище, построенное в строгом соответствии с художественными канонами под прикрытием моих клеток.

Вспомните великолепное овальное помещение охраны, переходящее в вестибюль с обоих концов; камеру с яйцами, расположенную в центре и изолированную со всех сторон десятком колонн; парадный зал, расширяющийся широким входом и увенчанный сетью туго натянутых нитей, образующих ловушку. Полупрозрачные стены позволяют нам видеть Паучиху, занятую своими домашними делами. Ее галерея сводчатых проходов позволяет ей добраться до любой точки звездообразного мешка, содержащего яйца. Неутомимая в своих обходах, она останавливается то тут, то там; нежно ощупывает атлас, прислушивается к секретам кошелька. Если я встряхну сетку в любом месте соломинкой, она быстро подбежит узнать, что происходит. Отпугнет ли такая бдительность ихневмона и других любителей омлетов? Возможно, да. Но, хотя эту опасность удалось предотвратить, другие придут, когда матери больше не будет рядом.

Ее внимательное наблюдение не заставляет ее забывать о еде. Одна из саранчовых, запас которых я периодически пополняю в клетках, запуталась в веревках, натянутых в большом вестибюле. Паучиха поспешно подбегает, хватает головастика и отсоединяет его ножки, из которых она вынимает содержимое - лучшую часть насекомого. Оставшуюся часть туши затем более или менее обсушивают, в зависимости от ее аппетита в тот момент. Еду подают за пределами караульного помещения, на пороге, но никогда в помещении.

Это не капризные закуски, служащие для того, чтобы ненадолго развеять скуку вахты; это основательные трапезы, требующие нескольких присаживаний. Такой аппетит поражает меня после того, как я увидел, как Крабовидная Паучиха, этот не менее ревностный наблюдатель, отказывается от Пчел, которых я ей даю, и позволяет себе умереть от истощения. Может ли у этой другой матери быть такая острая потребность в еде? Да, конечно, у нее есть; и на то есть веская причина.

В начале своей работы она израсходовала большое количество шелка, возможно, все, что было в ее запасах; ведь двойное жилище — для нее и для ее отпрыска — представляет собой огромное сооружение, чрезвычайно дорогостоящее по материалам; и все же в течение еще почти месяца я вижу, как она слой за слоем обшивает стены большой хижины и центральной комнаты, да так, что текстура, которая сначала была полупрозрачной тканью, становится непрозрачным атласом. Стены никогда не кажутся достаточно толстыми; над ними всегда трудится Паук. Чтобы удовлетворить эти щедрые расходы, она должна постоянно, посредством кормления, наполнять свои шелковичные железы по мере того, как она опорожняет их прядением. Еда - это средство, с помощью которого она поддерживает работу неиссякаемой фабрики.

Проходит месяц, и примерно в середине сентября вылупляются птенцы, но они не покидают своего жилища, где им предстоит провести зиму, завернутым в мягкую вату. Мать продолжает наблюдать и вертеться, день ото дня уменьшая свою активность. С более длительными интервалами она пополняет себя Саранчой; иногда она презирует тех, кого я сам заманиваю в ее ловушку. Это возрастающее воздержание, признак дряхлости, ослабляет и, в конце концов, останавливает работу фильер.

Еще четыре или пять недель мать не прекращает своих неторопливых инспекционных обходов, радуясь, что слышит, как новорожденные паучки копошатся в кошельке. Наконец, когда заканчивается октябрь, она хватается за детскую своего отпрыска и умирает, иссохнув. Она сделала все, что могла сделать материнская преданность; особое провидение крошечных животных сделает остальное. Когда придет весна, молодняк покинет свое уютное жилище, рассеется по окрестностям с помощью плавающей нити и предпримет свои первые попытки сплести лабиринт из пучков тимьяна.

Какими бы точными ни были гнезда заключенных в клетках, они не рассказывают нам всего; мы должны вернуться к тому, что происходит на полях с их сложными условиями. Ближе к концу декабря я снова отправился на поиски с помощью всех моих юных коллег. Мы осматриваем низкорослые розмарины на краю тропинки, укрытой каменистым лесистым склоном; мы поднимаем ветви, которые стелются по земле. Наше усердие вознаграждается успехом. Через пару часов я стану владельцем нескольких гнезд.

Жалкие они, изуродованные до неузнаваемости непогодой! Нужны глаза веры, чтобы увидеть в этих руинах эквивалент зданий, построенных внутри моих клеток. Привязанный к ползучей ветке, неприглядный сверток лежит на песке, намытом дождями. Дубовые листья, грубо соединенные несколькими нитками, обматывают его со всех сторон. Одна из этих створок, более крупная, чем остальные, закрывает его и служит каркасом для всего потолка. Если бы мы не видели выступающих шелковистых остатков двух преддверий и не чувствовали определенного сопротивления при разделении частей свертка, мы могли бы принять это за случайное скопление, работу дождя и ветра.

Давайте осмотрим нашу находку и повнимательнее взглянем в ее бесформенность. Вот большая комната, материнская хижина, которая распадается по мере удаления опавших листьев; вот круглые галереи караульного помещения; вот центральная камера и ее колонны, все отделано тканью безупречно белого цвета. Грязь с влажной земли не проникла в это жилище, защищенное оболочкой из опавших листьев.

Теперь откройте жилище потомства. Что это? К моему крайнему изумлению, содержимое камеры представляет собой зернышки землистых веществ, как будто грязной дождевой воде дали пропитаться насквозь. Отбросьте эту идею, говорит атласная стена, которая сама по себе внутри идеально чистая. Это, безусловно, дело рук матери, продуманная работа, выполненная с особой тщательностью. Песчинки склеиваются шелковым цементом, и все это выдерживает давление пальцев.

Если мы продолжим очищать ядро от скорлупы, то обнаружим под этим минеральным слоем последнюю шелковистую оболочку, которая образует шар вокруг расплода. Как только мы срываем это последнее покрывало, испуганные малыши убегают и разбегаются с проворством, необычным в это холодное и вялое время года.

Подводя итог, можно сказать, что, работая в естественном состоянии, Лабиринтный паук строит вокруг яиц, между двумя листами атласа, стену, состоящую из большого количества песка и небольшого количества шелка. Чтобы остановить зонд ихневмона и зубы других опустошителей, лучшее, что пришло ей в голову, - это запас, сочетающий твердость кремня с мягкостью муслина.

Это средство защиты, по-видимому, довольно распространено среди пауков. Наш собственный большой Домашний паук, *Tegenaria domestica*, заключает свои яйца в шарик, укрепленный шелковой кожурой и крошащимися остатками строительного раствора со стен. Другие виды, живущие на открытом воздухе под камнями, действуют таким же образом. Они заворачивают свои яйца в минеральную скорлупу, скрепленную шелком. Одни и те же страхи породили одни и те же методы защиты.

Тогда почему же из пяти матерей, выращенных в моих клетках, ни одна не прибегла к помощи глиняного вала? В конце концов, песка было предостаточно: поддоны, в которых стояли крышки из проволоочной сетки, были полны его. С другой стороны, в обычных условиях я часто наткался на гнезда без какой-либо минеральной оболочки. Эти незавершенные гнезда располагались на некоторой высоте от земли, в гуще кустарника; другие, наоборот, те, которые были покрыты песком, лежали на земле.

Эти различия объясняются методом выполнения работ. Бетон для наших зданий получается путем одновременной обработки гравия и строительного раствора. Точно так же Паук смешивает цемент шелка с песчинками; фильеры никогда не прекращают работу, в то время как лапки подбрасывают под клейкую струю твердые материалы, собранные в непосредственной близости. Операция была бы невозможна, если бы после цементирования каждой песчинки необходимо было остановить работу фильер и отойти на некоторое расстояние за дополнительными каменистыми элементами. Эти материалы должны быть прямо у нее под ногами; в противном случае Паук обходится без них и продолжает свою работу точно так же.

В моих клетках песок слишком далеко. Чтобы заполучить его, Пауку пришлось бы покинуть верхнюю часть купола, где на его решетчатой опоре строится гнездо; ей пришлось бы спуститься примерно на девять дюймов. Работник отказывается брать на себя эту заботу, которая, если бы ее повторяли для каждого зерна, сделала бы работу фильер слишком утомительной. Она также отказывается это делать, когда по причинам, которых я не понимаю, выбранное место находится где-то выше по зарослям розмарина. Но когда гнездо касается земли, глиняный вал никогда не пропадает.

Должны ли мы видеть в этом факте доказательство инстинкта, способного к модификации, либо ведущего к упадку и постепенному пренебрежению тем, что было гарантией предков, либо стремящегося к прогрессу и нерешительно продвигающегося к совершенству в искусстве масона? Недопустимы никакие умозаключения ни в том, ни в другом направлении.

Лабиринтный паук просто научил нас, что инстинкт обладает ресурсами, которые используются или остаются латентными в зависимости от условий текущего момента. Подсыпьте ей под ноги песок, и старая дева будет месить бетон; откажите ей в этом песке или уберите его вне пределов ее досягаемости, и Паук останется простым шелкопрядом, однако всегда готовым стать каменщиком при благоприятных условиях. Совокупность вещей, попадающих в поле зрения наблюдателя, доказывает, что было безумием ожидать от нее каких-либо дальнейших нововведений, таких, которые полностью изменили бы ее методы изготовления и заставили бы ее, например, отказаться от своей хижины с двумя вестибюлями и дарохранительницей, подобной звезде, в пользу грушевидной тыквы Эпейры.

ГЛАВА XVI: ПАУК КЛОТО

Ее зовут Клото Дюранда (*Клото Дуранди*, латр.), в память о том, кто первым привлек внимание к этому конкретному Пауку. Вступить в вечность под присмотром миниатюрного животного, которое спасает нас от скорого забвения под мальвами и ракетами, - немалое преимущество. Большинство людей исчезают, не оставляя эха, повторяющего их имя; они похоронены в забвении, худшей из могил.

Другие, среди натуралистов, извлекают выгоду из обозначения, данного тому или иному объекту в сокровищнице жизни: это лодка, в которой они держатся на плаву короткое время. Пятнышко лишайника на коре старого дерева, травинка, жалкий зверек: любое из них передает имя человека потомкам так же эффективно, как новая комета. Несмотря на все свои злоупотребления, такой способ чествования усопших в высшей степени респектабелен. Если бы мы захотели вырезать эпитафию определенного срока, что мы могли бы найти лучше, чем надкрылья жука, раковина улитки или паутина? Гранит не стоит ни того, ни другого. Вверенная твердому камню, надпись стирается; вверенная крылу Бабочки, она неразрушима. Поэтому, во что бы то ни стало, "Дюран".

Но зачем тащить сюда "Клото"? Это прихоть составителя номенклатуры, который не может подобрать слов для обозначения постоянно растущего числа животных, требующих каталогизации? Не совсем. Ему пришло в голову мифологическое имя, которое хорошо звучало и, более того, было вполне уместно для обозначения старой девы. Древняя Клото - младшая из трех Судеб; она держит прялку, из которой прядут наши судьбы, прялку, намотанную множеством грубых нитей, всего несколькими лоскутками шелка и, очень редко, тонкой золотой нитью.

Клото натуралистов, обладающая красивой фигурой и одеждой, насколько это вообще возможно для Паука, является, прежде всего, очень талантливой старой девой; и именно по этой причине ее называли в честь божества адских областей, несущего прялку. Жаль, что дальше этой аналогии дело не идет. Мифологическая Клото, скупая на шелк и расточительная на грубую шерсть, влачит нам суровое существование; восьминогая Клото не использует ничего, кроме изысканного шелка. Она работает на себя; другая работает на нас, которые вряд ли стоим таких хлопот.

Не могли бы мы с ней познакомиться? На каменистых склонах оливковой рощи, выжженных солнцем, переверните плоские камни, те, что изрядного размера; прежде всего осмотрите груды, которые пастухи соорудили для сидения, откуда можно наблюдать за овцами, пасущимися внизу среди лаванды. Не стоит слишком легко впадать в уныние: Клото встречается редко; не каждое место ей подходит. Если фортуна наконец улыбнется нашему упорству, мы увидим, что к нижней поверхности камня, который мы подняли, прилепилось потрепанное непогодой сооружение, по форме напоминающее перевернутый купол и размером примерно с половинку апельсина. Снаружи она инкрустирована или увешана мелкими ракушками, частицами земли и, особенно, сушеными насекомыми.

Край купола разделен на дюжину угловых лепестков, кончики которых расходятся и прикреплены к камню. Между этими ремнями находится такое же количество просторных перевернутых арок. В целом представляет собой шатер из верблюжьей шерсти измаильтян, но перевернутый. Плоская крыша, натянутая между ремнями, закрывает верхнюю часть жилища.

Тогда где же вход? Все арки по краям выходят на крышу; ни одна не ведет внутрь. Глаз ищет напрасно; нет ничего, что указывало бы на проход между внутренним и внешним. И все же хозяйка дома должна время от времени выходить наружу, хотя бы только в поисках пищи; вернувшись из своей экспедиции, она должна снова заходить в дом. Как она совершает свои выходы и появления? Соломинка раскроет нам секрет.

Протягивайте ее через порог различных арок. Везде ищущая соломинка встречает сопротивление; везде она обнаруживает, что место строго закрыто. Но один из гребешков, ничем не отличающийся по внешнему виду от других, если его ловко уговорить, раскрывается по краю двумя губками и остается слегка приоткрытым. Это дверь, которая сразу же снова закрывается из-за своей собственной эластичности. И это еще не все: паук, возвращаясь домой, часто запирается на засов, то есть соединяет и скрепляет две створки двери кусочком шелка.

Майгале-каменщице в ее норе, крышка которой не отделяется от почвы и движется на шарнире, не безопаснее, чем Клото в ее палатке, которая неприкосновенна для любого врага, не знающего об этом устройстве. Клото, когда ей угрожает опасность, быстро убегает домой; она открывает щель прикосновением когтя, входит и исчезает. Дверь закрывается сама по себе и снабжается, в случае необходимости, замком, состоящим из нескольких резьб. Ни один грабитель, сбитый с толку множеством одинаковых арок, никогда не узнает, почему беглец исчез так внезапно.

В то время как Клото проявляет более простую изобретательность в отношении своих защитных механизмов, она несравнимо опережает Майгале в вопросе домашнего комфорта. Давайте откроем ее каюту. Какая роскошь! Нам рассказывают, как в древности сибарит не мог отдохнуть из-за смятого листа розы в своей постели. Клото столь же привередлива. Ее покрывало нежнее лебяжьего пуха и белее шерсти облаков, над которыми нависают летние грозы. Это идеальное одеяло. Сверху находится балдахин или тестер такой же мягкости. Между ними гнездится Паучиха, коротконогая, одетая в темные одежды, с пятью желтыми знаками отличия на спине.

Отдых в этом изысканном убежище требует идеальной устойчивости, особенно в порывистые дни, когда резкие сквозняки проникают под камень. Это условие выполнено превосходно. Внимательно осмотрите жилище. Арки, которые опоясывают крышу балюстрадой и

выдерживают вес здания, прикреплены к плите своими концами. Более того, из каждой точки соприкосновения выходит пучок расходящихся нитей, которые ползут по камню и цепляются за него по всей своей длине, которая распространяется вдаль. Я отмерил около девяти дюймов в длину. Это очень много тросов; они представляют собой веревки и колышки, которые удерживают палатку араба на месте. С такими многочисленными и методично расположенными опорами гамак невозможно оторвать от опор, кроме как с помощью грубых методов, о которых Паук не нужно беспокоиться, так как они встречаются так редко.

Еще одна деталь привлекает наше внимание: в то время как внутри дом безупречно чист, снаружи он покрыт грязью, кусочками земли, щепками гнилого дерева, маленькими кусочками гравия. Часто бывают вещи и похуже: внешняя сторона палатки превращается в склеп. Здесь, подвешенные или вложенные, находятся высушенные тушки *Opatra*, *Asidae* и других *Tenebrionidae*{39}, которые предпочитают укрытия под скалами; сегменты Юли, {40} выбеленные солнцем; раковины куколок, {41}, часто встречающиеся среди камней; и, наконец, раковины улиток, отобранные из числа самых маленьких.

Очевидно, что эти реликвии по большей части представляют собой объедки со стола, сломанные съестные припасы. Не сведущая в искусстве охотника, Клото охотится на свою дичь и питается бродягами, которые кочуют от одного камня к другому. Того, кто отваживается ночью забраться под плиту, хозяйка душит; а высушенный труп, вместо того чтобы отбросить подальше, подвешивает к обитой шелком стене, как будто Паук хочет превратить свой дом в пугало. Но это не может быть ее целью. Вести себя подобно людоеду, который подвешивает свои жертвы на зубчатых стенах замка, - худший способ лишить подозрительности прохожих, которых вы подстерегаете, чтобы схватить.

Есть и другие причины, которые усиливают наши сомнения. Подвешенные раковины чаще всего пусты; но есть и такие, в которых обитают улитки, живые и нетронутые. Что может Клото делать с синей куколкой, четырехгранной куколкой и другими узкими спиралями, в которых животное скрывается на недоступной глубине? Паук не способен пробить известковый панцирь или добраться до отшельника через отверстие. Тогда зачем ей собирать эти трофеи, слизистая плоть которых, вероятно, ей не по вкусу? Мы начинаем подозревать, что это простой вопрос балласта и равновесия. Домашний паук, или *Tegenaria domestica*, предохраняет свою паутину, сплетенную в углу стены, от потери формы при малейшем дуновении воздуха, засыпая ее крошащейся штукатуркой и позволяя скапливаться крошечным фрагментам строительного раствора. Сталкиваемся ли мы лицом к лицу с подобным процессом? Давайте попробуем провести эксперимент, который предпочтительнее любого количества догадок.

Выращивать Клото - нетрудное занятие; мы не обязаны увозить с собой тяжелую каменную плиту, на которой построено жилище. Достаточно очень простой операции. Я ослабляю крепления перочинным ножом. У Паука такие привычки сидеть дома, что он очень редко убегает. Кроме того, я проявляю максимальную осмотрительность в своем обращении с домом. И поэтому я уношу здание вместе с его владельцем в бумажном пакете.

Плоские камни, которые слишком тяжелы, чтобы их можно было передвигать, и которые заняли бы слишком много места на моем столе, заменяются либо круглыми кусочками картона, которые когда-то были частью коробочек из-под сыра. Я устраиваю каждый шелковый гамак отдельно под одним из них, закрепляя угловые выступы один за другим полосками клеенчатой бумаги. Все это стоит на трех коротких опорах и представляет собой очень точную имитацию

укрытия под скалой в виде небольшого дольмена. На протяжении всей этой операции, если вы будете осторожны и избежите ударов, Паук останется внутри. Наконец, каждый аппарат помещают под проволочно-сетчатую клетку в форме колокола, которая стоит в посуде, наполненной песком.

Мы можем получить ответ к следующему утру. Если среди домиков, подвешенных к потолкам деревянных или картонных дольменов, есть один, который полностью обветшал, которому серьезно изменили форму во время демонтажа, Паук покидает его ночью и устраивается в другом месте, иногда даже на решетке проволочной клетки.

Новая палатка, на создание которой ушло несколько часов, едва достигает диаметра изделия стоимостью в два франка. Однако он построен по тем же принципам, что и старая усадьба, и состоит из двух тонких листов, уложенных один над другим, верхний плоский и образующий тестер, нижний изогнутый и имеющий форму кармана. Текстура чрезвычайно нежная: малейшая мелочь исказила бы ее в ущерб доступному пространству, которое и так уже значительно сократилось и которого едва хватает для отшельника.

Итак, что же сделал Паук, чтобы паутинка оставалась натянутой, чтобы придать ей устойчивость и сохранить свою максимальную вместимость? Именно то, что советовали бы ей сделать наши статические трактаты: она укрепила свою конструкцию, она сделала все возможное, чтобы понизить ее центр тяжести. С выпуклой поверхности кармана свисают длинные веночки из песчинок, нанизанные друг на друга тонкими шелковыми шнурами. К этим песчаным сталактитам, образующим густую бороду, добавляются несколько тяжелых глыб, подвешенных отдельно и ниже, на конце нити. Целое - это часть балластной конструкции, устройство для обеспечения равновесия и натяжения.

Нынешнее здание, наспех построенное за одну ночь, представляет собой хрупкий набросок того, каким станет дом впоследствии. К нему будут добавляться последующие слои, и перегородка превратится в толстое покрывало, способное частично удерживать за счет собственного веса необходимый изгиб и пропускную способность. Теперь Паучиха отказывается от песчаных сталактитов, которые использовались для растягивания первоначального кармана, и ограничивается тем, что сбрасывает на свое жилище любые более или менее тяжелые предметы, в основном трупы насекомых, потому что ей не нужно их искать, и она находит их под рукой после каждого приема пищи. Это грузы, а не трофеи; они заменяют материалы, которые в противном случае приходится собирать на расстоянии и поднимать на вершину. Таким образом получается бруствер, который укрепляет и стабилизирует дом. Дополнительное равновесие часто обеспечивают крошечные ракушки и другие предметы, висящие далеко внизу.

Что произошло бы, если бы кто-то лишил старое жилище, давно достроенное, его внешнего покрытия? В случае такой катастрофы вернулся бы Паук к песчаным сталактитам, как к готовому средству восстановления стабильности? В этом легко убедиться. В своих "деревушках под проволокой" я выбираю домик приличных размеров. Я снимаю с него защитную пленку, аккуратно удаляя все инородные тела. Шелк приобретает первоначальную белизну. Палатка выглядит великолепно, но мне кажется слишком вялой.

Этого же мнения придерживается и Паучиха. Следующим вечером она принимается за работу, чтобы все исправить. И как? Еще раз со свисающими нитями песка. Через несколько ночей

шелковый мешочек обрастает длинной густой бородой из сталактитов - любопытное произведение искусства, превосходно приспособленное для поддержания неизменного изгиба паутины. Точно так же тросы подвесного моста выдерживают вес надстройки.

Позже, когда Паук продолжает питаться, остатки съестных припасов заделываются в стену, песок встряхивается и постепенно осыпается, и жилище вновь приобретает свой склепный вид. Это подводит нас к тому же выводу, что и раньше: Клото знает свою статику; с помощью дополнительных грузов она способна опустить центр тяжести и, таким образом, придать своему жилищу надлежащее равновесие и вместительность.

Что же она делает в своем мягко убранном доме? Насколько мне известно, ничего. С полным желудком, роскошно раскинув ноги по пушистому ковру, она ничего не делает, ни о чем не думает; она прислушивается к звуку земли, вращающейся вокруг своей оси. Это не сон и тем более не бодрствование; это среднее состояние, где не преобладает ничего, кроме сонного сознания благополучия. Мы сами, удобно устроившись в постели, наслаждаемся, непосредственно перед тем, как заснуть, несколькими мгновениями блаженства, прелюдией к прекращению мыслей и череды их забот; и эти мгновения - одни из самых сладких в нашей жизни. Клото, похоже, знает подобные моменты и использует их по максимуму.

Если я толкаю дверь хижины, то неизменно обнаруживаю Паука, лежащего неподвижно, словно в бесконечной медитации. Нужно подергать за соломинку, чтобы вывести ее из апатии. Нужен укол голода, чтобы вывести ее на улицу; и, поскольку она чрезвычайно воздержанна, ее появления на улице редки. За три года усердных наблюдений в уединении моего кабинета я ни разу не видел, чтобы она днем исследовала территорию проволочной клетки. Только поздно ночью она отваживается отправиться на поиски пропитания, и едва ли возможно следовать за ней в ее экскурсиях.

Однажды терпение позволило мне застать ее в десять часов вечера подышавшей свежим воздухом на плоской крыше своего дома, где она, несомненно, ждала окончания игры. Испуганная светом моей свечи, любительница тьмы сразу же вернулась в дом, отказываясь раскрывать какие-либо свои секреты. Только на следующий день на стене хижины висел еще один труп - доказательство того, что погоня успешно возобновилась после моего ухода.

Клото, которая ведет не только ночной образ жизни, но и чрезмерно застенчива, скрывает от нас свои привычки; она показывает нам свои работы, эти драгоценные исторические документы, но скрывает свои действия, особенно закладку, которая, по моим оценкам, примерно состоится в октябре. Общее количество яиц разделено на пять или шесть маленьких плоских чечевицеобразных кармашков, которые, вместе взятые, занимают большую часть материнского жилища. Каждая из этих капсул имеет отдельную перегородку из превосходного белого атласа, но они так плотно спаяны как между собой, так и с полом дома, что их невозможно разделить, не порвав, и, следовательно, невозможно получить их по отдельности. Всего яиц около сотни.

Мать сидит на куче карманов с такой же преданностью, как наседаящая курица. Материнство не иссушило ее. Несмотря на уменьшение в объеме, она сохраняет превосходный здоровый вид; ее круглый живот и хорошо растянутая кожа с самого начала говорят нам, что ее роль еще не полностью сыграна.

Вылупление происходит рано. Еще не наступил ноябрь, как в карманах появляются детеныши: крошечные существа, одетые в черное, с пятью желтыми крапинками, точь-в-точь как их старшие братья. Новорожденные не покидают свои соответствующие ясли. Тесно прижавшись друг к другу, они проводят там весь зимний сезон, в то время как мать, сидя на корточках среди груды клеток, следит за общей безопасностью, не зная о своей семье ничего, кроме легкого трепета, ощущаемого через перегородки крошечных камер. Лабиринтный Паук показал нам, как он в течение двух месяцев постоянно сидит в своем караульном помещении, чтобы в случае необходимости защитить выводок, который он никогда не увидит. Клото делает то же самое в течение восьми месяцев, таким образом зарабатывая право ненадолго взглянуть на свою семью, суеящуюся вокруг нее в главной каюте, и помочь в последнем исходе, великом путешествии, предпринятом в конце нити.

Когда наступает летняя жара, в июне, детеныши, вероятно, с помощью матери, пробивают стены своих клеток, покидают материнскую палатку, секрет выхода из которой им хорошо известен, несколько часов дышат воздухом на пороге, а затем улетают, уносимые на некоторое расстояние самолетом-фуникулером, первым изделием их прядильной фабрики.

Старшая Клото остается здесь, не обращая внимания на эту эмиграцию, которая оставляет ее одну. Она вовсе не увядшая, она выглядит моложе, чем когда-либо. Ее свежий цвет лица, крепкая внешность свидетельствуют о большой продолжительности жизни, способной создать вторую семью. На эту тему у меня есть только один документ, однако довольно далеко идущий. Было несколько матерей, за действиями которых у меня хватало терпения наблюдать, несмотря на утомительные мелочи воспитания и медленный результат. Они покинули свои жилища после ухода своих детенышей, и каждая пошла плести себе новое на проволочной сетке клетки.

Это были черновые резюме, работа длилась целую ночь. Два занавеса, расположенные один над другим, верхний плоский, нижний вогнутый и усыпанный сталактитами из песчинок, образовывали новый дом, который, ежедневно укрепляемый свежими слоями, обещал стать похожим на старый. Почему Паучиха покидает свой бывший особняк, который ни в коей мере не обветшал — отнюдь нет — и все еще чрезвычайно пригоден для эксплуатации, насколько можно судить? Если я не ошибаюсь, мне кажется, я догадываюсь о причине.

Старая хижина, какой бы удобной она ни была, обладает серьезными недостатками: она завалена обломками детских яслей. Эти обломки настолько плотно приварены к остальной части дома, что мои щипцы не могут извлечь их без труда; а извлечь их было бы изнурительным занятием для Клото и, возможно, выше ее сил. Это пример стойкости гордиевых узлов, развязать которые не способна даже та самая старая дева, которая их завязала. Таким образом, мешающий мусор останется.

Если бы Паучиха осталась одна, сокращение пространства, в конце концов, вряд ли имело бы для нее значение: ей нужно так мало места, ровно столько, чтобы в нем можно было передвигаться! Кроме того, когда вы провели семь или восемь месяцев в стесненном присутствии этих спален, что может быть причиной внезапной потребности в большем пространстве? Я вижу только одно: пауку требуется просторное жилище, но не для себя — она довольствуется самой маленькой берлогой, — а для второй семьи. Куда ей девать гнезда с яйцами, если на пути остаются остатки предыдущей кладки? Новому выводку требуется новый дом. Без сомнения, именно поэтому, чувствуя, что ее яичники еще не засохли, Паучиха меняет свое жилище и основывает новое.

Наблюдаемые факты ограничиваются этой сменой жилища. Я сожалею, что другие интересы и трудности, связанные с долгим воспитанием, не позволили мне заняться этим вопросом и окончательно решить вопрос о повторных кладках и долговечности Клото, как я это сделал в случае с Ликозой.

Прежде чем попрощаться с этим Пауком, давайте взглянем на любопытную проблему, которая уже была поставлена потомством Ликозы. Когда их в течение семи месяцев носят на спине матери, они продолжают тренироваться как ловкие гимнастки, не получая никакого питания. Для них привычным упражнением после падения, которое часто происходит, является вскарабкаться по ноге своего скакуна и ловко занять свое место в седле. Они расходуют энергию, не получая никакого материального обеспечения.

Сыновья Клото, Лабиринтный Паук и многие другие ставят нас перед одной и той же загадкой: они двигаются, но не едят. В любой период развития питомника, даже в разгар зимы, в унылые январские дни, я обшариваю карманы одного и подкладку другого, ожидая найти выводок детенышей, лежащих в состоянии полной инертности, оцепеневших от холода и недостатка пищи. Что ж, результат совершенно иной. В тот момент, когда их камеры вскрывают, отшельники выбегают и разбегаются во все стороны так же проворно, как в лучшие моменты своей обычной свободы. Удивительно видеть, как они носятся повсюду. Ни один выводок куропаток, наткнувшийся на собаку, не разбегается быстрее.

Птенцы, пока еще не более чем крошечные комочки желтого пуха, вскакивают на зов матери и устремляются к тарелке с рисом. Привычка сделала нас равнодушными к зрелищу этих милых маленьких машин-зверей, которые работают так проворно и с такой точностью; мы не обращаем на это внимания, настолько простым все это нам кажется. Наука исследует и смотрит на вещи по-другому. Она говорит себе:

‘ Ничто не создается из ничего. Цыпленок питается сам; он потребляет или, скорее, усваивает пищу и превращает ее в тепло, которое преобразуется в энергию”.

Если бы кто-нибудь рассказал нам о цыпленке, который в течение семи или восьми месяцев подряд поддерживал себя в состоянии бегать, всегда подтянутый, всегда резвый, не получал ни малейшего кусочка корма с того дня, как покинул яйцо, мы не смогли бы найти достаточно сильных слов, чтобы выразить наше недоверие. Теперь этот парадокс активности, поддерживаемой без наличия пищи, осознают паук Клото и другие.

Я полагаю, что достаточно ясно объяснил, что молодые ликозы не принимают пищу, пока остаются со своей матерью. Строго говоря, сомнение просто допустимо, поскольку наблюдение необходимо для того, чтобы понять, что может произойти раньше или позже в тайнах норы. Представляется возможным, что насытившаяся мать может там извергнуть своей семье часть содержимого своего урожая. На это предположение Клото обязуется ответить.

Как и Ликоса, она живет со своей семьей; но Клото отделена от них стенами клеток, в которых малыши герметично заключены. В этом состоянии передача твердой пищи становится невозможной. Если бы кто-нибудь выдвинул теорию о питательных жидкостях, выделяемых матерью и просачивающихся через перегородки, к которым заключенные могли приходить и пить, Лабиринтный Паук сразу же развеял бы эту идею. Она умирает через несколько недель после того, как вылупляются ее детеныши; и дети, большую часть года все еще запертые в своих атласных спальнях, тем не менее не менее активны.

Может ли быть так, что они получают пищу из шелковой обертки? Едят ли они свой дом? Это предположение не абсурдно, поскольку мы видели, как Эпейра, прежде чем начать новую сеть, поглотила руины старой. Но это объяснение не может быть принято, как мы узнаем от ликозы, семейство которой не может похвастаться шелковистым покровом. Короче говоря, несомненно, что детеныши, независимо от вида, не получают абсолютно никакого питания.

Наконец, мы задаемся вопросом, могут ли они обладать внутри себя запасами, получаемыми из яиц, жиров или других веществ, постепенное сгорание которых трансформировалось бы в механическую силу. Если бы расход энергии был непродолжительным, несколько часов или несколько дней, мы могли бы с радостью приветствовать эту идею моторного виатика, атрибута каждого существа, рожденного в мире. Цыпленок обладает этим в высокой степени: он устойчиво стоит на ногах, некоторое время передвигается исключительно с помощью пищи, которой снабжает его яйцо; но вскоре, если желудок не получает достаточного питания, энергетический центр угасает, и птица умирает. Как бы вел себя цыпленок, если бы от него ожидали, что он в течение семи или восьми месяцев без остановки будет стоять на ногах, бегать повсюду, спасаться бегством перед лицом опасности? Где бы он разместил необходимые резервы для такого объема работ?

Маленький Паучок, в свою очередь, представляет собой крошечную частицу вообще без размера. Где он мог хранить достаточно топлива, чтобы поддерживать подвижность в течение столь длительного периода? Воображение сжимается в ужасе при мысли об атоме, наделенном неисчерпаемыми двигательными свойствами.

Следовательно, нам необходимо обратиться к нематериальному, в частности к тепловым лучам, поступающим извне и преобразуемым организмом в движение. Это энергетическое питание, сведенное к его простейшему выражению: движущее тепло, вместо того чтобы извлекаться из пищи, используется непосредственно, как поставляемое солнцем, которое является очагом всей жизни. Инертная материя обладает приводящими в замешательство тайнами, о чем свидетельствует радий; у живой материи есть свои собственные тайны, которые еще более удивительны. Ничто не говорит нам о том, что наука однажды не превратит подозрение, высказанное Пауком, в установленную истину и фундаментальную теорию физиологии.

ПРИЛОЖЕНИЕ: ГЕОМЕТРИЯ ПАУТИНЫ ЭПЕЙРЫ

Я обнаруживаю, что сталкиваюсь с предметом, который не только в высшей степени интересен, но и несколько сложен: не то чтобы предмет этот был неясен; но он предполагает у читателя определенные знания геометрии: сильное вещество, которым слишком часто пренебрегают. Я обращаюсь не к геометрам, которые, как правило, равнодушны к вопросам инстинкта, и не к коллекционерам-энтомологам, которые, как таковые, не проявляют интереса к математическим теоремам; я пишу для любого, у кого достаточно ума, чтобы получать удовольствие от уроков, которые преподает насекомое.

Что же мне делать? Исключить эту главу означало бы опустить самый замечательный пример паукообразного производства; рассматривать ее так, как к ней следует относиться, то есть со всем арсеналом научных формул, было бы неуместно на этих скромных страницах. Давайте изберем средний путь, избегая как заумных истин, так и полного невежества.

Давайте обратим наше внимание на сети эпейры, предпочтительно на сети шелковистой эпейры и Полосатой эпейры, которые так многочисленны осенью в моей части страны и так примечательны своей массой. Сначала мы заметим, что радиусы расположены на равном расстоянии друг от друга; углы, образуемые каждой последующей парой, имеют заметно равную величину; и это несмотря на их количество, которое в случае Шелковистой эпейры превышает два десятка. Мы знаем, какими странными способами Паук достигает своих целей и делит область, на которой должна быть сплетена паутина, на большое количество равных секторов, число которых почти неизменно в работе каждого вида. Операция без метода, управляемая, как можно было бы предположить, безответственной прихотью, приводит к прекрасному розовому окну, достойному наших компасов.

Мы также заметим, что в каждом секторе различные аккорды, элементы спиральных намоток, параллельны друг другу и постепенно сближаются по мере приближения к центру. С двумя расходящимися линиями, обрамляющими их, они образуют тупые углы с одной стороны и острые углы с другой; и эти углы остаются постоянными в одном и том же секторе, потому что хорды параллельны.

И это еще не все: одни и те же углы, как тупые, так и острые, не меняются в цене от одного сектора к другому, во всяком случае, насколько может судить добросовестный глаз. Таким образом, в целом сооружение с веревочной решеткой состоит из ряда поперечных балок, пересекающих несколько расходящихся линий наискось под равными углами.

По этой характеристике мы узнаем "логарифмическую спираль". Геометры дают это название кривой, которая пересекает наклонно, под углами неизменной величины, все прямые линии или 'радиус-векторы', исходящие из центра, называемого 'Полюсом'. Таким образом, конструкция Ereira представляет собой серию хорд, соединяющих пересечения логарифмической спирали с рядом радиусов. Она слилась бы в эту спираль, если бы количество радиусов было бесконечным, поскольку это бесконечно уменьшило бы длину прямолинейных элементов и превратило бы эту многоугольную линию в кривую.

Чтобы предложить объяснение, почему эта спираль так сильно повлияла на размышления науки, давайте пока ограничимся несколькими утверждениями, доказательства которых читатель найдет в любом трактате по высшей геометрии.

Логарифмическая спираль описывает бесконечное количество витков вокруг своего полюса, к которому она постоянно приближается, но никогда не может его достичь. Эта центральная точка становится бесконечно недоступной при каждом приближающемся витке. Очевидно, что это свойство находится за пределами нашего восприятия. Даже с помощью лучших философских инструментов наше зрение не могло бы проследить за его бесконечными извилинами и вскоре оставило бы попытки разделить невидимое. Это спираль, для которой мозг не представляет границ. Только тренированный ум, более проницательный, чем наша сетчатка, ясно видит то, что не поддается восприятию глаза.

Ereira в меру своих возможностей соблюдает закон бесконечной спирали. Спиральные вращения сближаются по мере приближения к полюсу. На определенном расстоянии они резко обрываются; но в этот момент вспомогательная спираль, которая не разрушается в центральной области, подхватывает нить; и мы видим, не без некоторого удивления, как она приближается к полюсу постоянно сужающимися и едва заметными кругами. Конечно, это не абсолютная

математическая точность, но очень близкое приближение к этой точности. Эпейра все ближе и ближе огибает свой шест, насколько позволяет ее снаряжение, которое, как и наше, неисправно. Можно было бы подумать, что она досконально разбирается в законах спирали.

Я продолжу излагать, без объяснений, некоторые свойства этой любопытной кривой. Представьте гибкую нить, намотанную на логарифмическую спираль. Если мы затем разматываем его, сохраняя при этом натянутым, его свободный конец опишет спираль, во всех точках аналогичную исходной. Кривая просто поменяется местами.

Жак Бернулли, {42}, которому геометрия обязана этой великолепной теоремой, выгравировал на своей могиле в качестве одного из своих самых гордых титулов порождающую спираль и ее двойника, порожденного разматыванием нити. Надпись гласила: "*Eadem mutata resurgo*: Я воскресаю, как подобает самому себе". Геометрии было бы трудно улучшить этот великолепный полет фантазии в направлении великой проблемы загробной жизни.

Есть еще одна геометрическая эпитафия, не менее известная. Цицерон, когда был квестором на Сицилии и искал могилу Архимеда среди колючек и ежевики, которые покрывают нас забвением, узнал ее среди руин по геометрической фигуре, выгравированной на камне: цилиндр, очерчивающий сферу. Архимед, по сути, был первым, кто узнал приблизительное отношение длины окружности к диаметру; из этого он вывел периметр и поверхность круга, а также поверхность и объем сферы. Он показал, что поверхность и объем последнего из названных элементов равны двум третям поверхности и объема окружающего цилиндра. Презирая все помпезные надписи, ученый сиракузянин почтил свою теорему единственной эпитафией самому себе. Геометрическая фигура провозглашала имя человека так же ясно, как и любые алфавитные символы.

Чтобы покончить с этой частью нашей темы, приведем еще одно свойство логарифмической спирали. Проведите кривую по неопределенной прямой линии. Его полюс сместится, оставаясь при этом на одной прямой. Бесконечная прокрутка ведет к прямолинейному развитию; постоянное разнообразие порождает единообразие.

Является ли эта логарифмическая спираль с ее любопытными свойствами всего лишь концепцией геометров, по своему желанию сочетающих число и протяженность, чтобы представить себе мрачную бездну, в которой впоследствии можно практиковать свои аналитические методы? Является ли это просто сном в ночь сложного, абстрактной загадкой, предложенной нашему пониманию для размышления?

Нет, это реальность на службе жизни, метод строительства, часто используемый в архитектуре животных. Моллюск, в частности, никогда не скатывается по извилистой поверхности раковины без привязки к научной кривой. Первенцы нашего вида знали это и применяли на практике; на заре творения это было настолько совершенно, насколько может быть сегодня.

Давайте изучим в этой связи аммонитов, эти почтенные останки того, что когда-то было высшим проявлением живых существ, в то время, когда твердая земля формировалась из океанического ила. Ограненная и отполированная вдоль, окаменелость представляет собой великолепную логарифмическую спираль - общую схему жилища, которое представляло собой жемчужный дворец с многочисленными комнатами, пересеченными сифункулярным коридором.

По сей день последний представитель головоногих моллюсков с раздвоенными раковинами, Наутилус Южных морей, остается верен древнему дизайну; он не улучшил своих далеких предшественников. Он изменил положение сифункула, поместив его в центр вместо того, чтобы оставить на обратной стороне, но он по-прежнему вращает свою спираль логарифмически, как это делали аммониты в самые ранние эпохи существования мира.

И давайте не будем убегать от идеи, что эти принцы племени Моллюсков обладают монополией на научные исследования. В стоячих водах наших заросших травой канав плоские раковины, скромные планорбы, иногда не крупнее ряски, соперничают с аммонитом и наутилутом в вопросах более высокой геометрии. По крайней мере, один из них, *Planorbis vortex*, например, представляет собой чудо логарифмических завитушек.

У раковин удлиненной формы структура становится более сложной, хотя и остается подчиненной тем же фундаментальным законам. У меня перед глазами несколько видов рода *Terebra* из Новой Каледонии. Это чрезвычайно заостренные шишки, достигающие почти девяти дюймов в длину. Их поверхность гладкая и совершенно незамысловатая, без каких-либо обычных украшений, таких как бороздки, узлы или нити жемчуга. Спиральное сооружение великолепно, оно украшено только своей простотой. Я насчитываю множество завитков, которые постепенно уменьшаются, пока не исчезают в тонкой точке. По краям они имеют тонкую бороздку.

Я беру карандаш и провожу грубую образующую линию к этому конусу; и, полагаясь только на свои глаза, которые более или менее поднатрели в геометрических измерениях, я нахожу, что спиральная канавка пересекает эту образующую линию под углом неизменной величины.

Следствие этого результата легко вывести. Если спроецировать на плоскость, перпендикулярную оси оболочки, образующие линии конуса станут радиусами; а канавка, которая вьется вверх от основания к вершине, будет преобразована в плоскую кривую, которая, встречаясь с этими радиусами под неизменным углом, будет ни больше, ни меньше логарифмической спирали. И наоборот, канавку оболочки можно рассматривать как проекцию этой спирали на коническую поверхность.

Еще лучше. Давайте представим плоскость, перпендикулярную опорам раковины и проходящую через ее вершину. Давайте представим, кроме того, нить, намотанную вдоль спиральной канавки. Давайте разматываем нить, удерживая ее при этом туго натянутой. Ее конец не выйдет за пределы плоскости и будет описывать внутри нее логарифмическую спираль. Это, в более сложной степени, вариант "*Идеи возрождения*" Бернулли: логарифмическая коническая кривая становится логарифмической плоской кривой.

Аналогичная геометрия обнаруживается у других раковин с удлиненными конусами, *Turritellae*, веретенообразных раковин, *Cerithia*, а также у раковин с уплощенными конусами, *Trochidae*, *Turbines*. Сферические раковины, закрученные в спираль, не являются исключением из этого правила. Все, вплоть до обычной раковины улитки, построены по логарифмическим законам. Знаменитая спираль геометров - это общий план, по которому Моллюск сворачивает свою каменную оболочку.

Где эти прозрачные существа подхватили эту науку? Нам говорят, что моллюск произошел от червя. Однажды Червяк, которого солнце сделало резвым, освободился, взмахнул хвостом и

закрутил его в штопор просто от радости. Тут же был обнаружен план будущей спиральной оболочки.

Это то, чему в наши дни учат совершенно серьезно, как самому последнему слову научного прогресса. Остается выяснить, до какого момента объяснение будет приемлемым. Паучиха, со своей стороны, ничего этого не потерпит. Не имеющая отношения к Червю без аппендикса, закручивающемуся штопором, она, тем не менее, знакома с логарифмической спиралью. Из знаменитой кривой она извлекает всего лишь своего рода каркас; но каким бы элементарным ни был этот каркас, он ясно обозначает идеальное здание. Эпейра работает по тем же принципам, что и моллюск с извитой раковиной.

У моллюска есть годы, чтобы построить свою спираль, и в процессе закручивания он использует максимальную отделку. У Эпейры, чтобы раскинуть свою сеть, есть самое большее час времени, поэтому скорость, с которой она работает, вынуждает ее довольствоваться более простой добычей. Она сокращает задачу, ограничиваясь скелетом кривой, которую другая описывает в совершенстве.

Эпейра, таким образом, сведуша в геометрических секретах аммонита и *Наутилуса помпилуса*; она использует в более простой форме логарифмическую линию, дорогую Улитке. Что руководит ею? Здесь нет призыва к какому-либо извиванию, как в случае с Червем, который амбициозно стремится стать моллюском. Животное должно обязательно носить в себе виртуальную схему своей спирали. Случайность, какой бы плодотворной в неожиданностях мы ни считали ее, никогда не смогла бы научить ее высшей геометрии, в которой наш собственный интеллект сразу же сбивается с пути, без строгой предварительной подготовки.

Должны ли мы признать простой эффект органической структуры в искусстве Эпейры? Мы легко думаем о ногах, которые, обладая весьма различной силой разгибания, могли бы служить циркулями. Более или менее изогнутые, более или менее вытянутые, они механически определяли бы угол, под которым спираль должна пересекать радиус; они поддерживали бы параллельность хорд в каждом секторе.

Возникают определенные возражения против утверждения о том, что в данном случае инструмент не является единственным регулятором работы. Если бы расположение нити определялось длиной ножек, мы обнаружили бы, что спиральные спирали расположены более широко друг от друга пропорционально большей длине инструмента в прядильном станке. Мы видим это на примере полосатой эпейры и шелковистой эпейры. У первой конечности длиннее, и она более щедро распределяет поперечные нити, чем у второй, у которой ноги короче.

Но мы не должны слишком полагаться на это правило, говорят другие. Угловатая эпейра, пестролистная эпейра и поперечный паук, все трое с более или менее короткими конечностями, соперничают с полосатой эпейрой по расстоянию между их липовыми ловушками. Последние два даже размещают их на большем расстоянии друг от друга.

В другом отношении мы признаем, что организация животного не предполагает неизменного типа работы. Перед началом работы с липкой спиралью *Epeirae* сначала раскручивает вспомогательный элемент, предназначенный для укрепления фиксаторов. Эта спираль, выполненная из простой неклеевой нити, начинается от центра и наматывается быстро расширяющимися кругами по окружности. Это всего лишь временное сооружение, от которого не остается ничего, кроме центральной части, когда Паук расставляет свои известковые сети.

Вторая спираль, основная часть ловушки, напротив, проходит сомкнутыми витками от окружности к центру и полностью состоит из вязких поперечных нитей.

Здесь мы имеем следующие одна за другой просто благодаря внезапному изменению механизма две спирали совершенно разного порядка с точки зрения направления, количества витков и пересечения. Обе они представляют собой логарифмические спирали. Я не вижу никакого механизма ножек, будь они длинными или короткими, который мог бы объяснить это изменение.

Может ли тогда это быть преднамеренный дизайн со стороны Epeira? Может ли быть расчет, измерение углов, определение параллели с помощью глаза или иным способом? Я склонен думать, что всего этого нет или, по крайней мере, нет ничего, кроме врожденной склонности, последствия которой животное способно контролировать не больше, чем цветок способен контролировать расположение своих веточек. Эпейра практикует высшую геометрию, не зная об этом и не заботясь об этом. Вещь работает сама по себе и получает импульс от инстинкта, заложенного в творении с самого начала.

Камень, брошенный рукой, возвращается на землю, описывая определенную кривую; сухой лист, сорванный и унесенный дуновением ветра, совершает свой путь от дерева к земле по такой же кривой. Ни с той, ни с другой стороны движущееся тело не предпринимает никаких действий для регулирования падения; тем не менее, спуск происходит в соответствии с научной траекторией, 'параболой', прототипом которой для размышлений геометра послужило сечение конуса плоскостью. Фигура, которая поначалу была лишь пробным проблеском, становится реальностью благодаря падению камешка с вертикали.

Те же рассуждения еще раз повторяют параболу, представляя, что она катится по неопределенной прямой, и спрашивают, по какому направлению проходит фокус этой кривой. Ответ напрашивается сам собой: фокус параболы описывает 'цепную линию', линию очень простой формы, но наделенную алгебраическим символом, который вынужден прибегать к своего рода каббалистическому числу, расходящемуся с любым видом нумерации, настолько, что единица отказывается выражать его, как бы сильно мы ни подразделяли единицу. Оно называется числом. Его значение представлено следующим рядом, выполняемым до бесконечности:

$$e = 1 + 1/1 + 1/(1*2) + 1/(1*2*3) + 1/(1*2*3*4) + 1/(1*2*3*4*5) + \text{и т.д.}$$

Если бы у читателя хватило терпения разобраться с несколькими начальными членами этого ряда, который не имеет предела, потому что сам ряд натуральных чисел его не имеет, он бы нашел:

$$e=2.7182818...$$

С этим странным числом находимся ли мы теперь в строго определенной сфере воображения? Вовсе нет: цепная сеть появляется на самом деле каждый раз, когда вес и гибкость действуют согласованно. Это название дано кривой, образованной цепью, подвешенной к двум ее точкам, которые не расположены на вертикальной линии. Это форма, которую принимает гибкий шнур, когда его держат за каждый конец и расслабляют; это линия, определяющая форму паруса, колышущегося на ветру; это изгиб мешка с молоком у козочки, когда она возвращается после наполнения своего висячего вымени. И все это соответствует числу e .

Какое количество заумной науки для куска веревки! Давайте не будем удивляться. Дробинка, болтающаяся на конце нитки, капля росы, стекающая по соломинке, струйка воды, рябящая от поцелуев воздуха, - в конце концов, сущий пустяк, требующий титанических строительных лесов, когда мы хотим рассмотреть его с точки зрения расчета. Нам нужна дубина Геркулеса, чтобы раздавить муху.

Наши методы математического исследования, безусловно, изобретательны; мы не можем слишком восхищаться могучими умами, которые их изобрели; но какими медленными и трудоемкими они кажутся по сравнению с мельчайшими фактами! Неужели нам никогда не будет дано исследовать реальность более простым способом? Сможет ли наш интеллект однажды обойтись без тяжелого арсенала формул? Почему бы и нет?

Здесь снова появляется абракадабрическое число e , начертанное на Паутинной нити. Давайте рассмотрим туманным утром сеть, которая была построена за ночь. Из-за своей гигрометрической природы липкие нити отягощены крошечными каплями и, сгибаясь под тяжестью, превращаются во множество цепей, во множество веночков из прозрачных драгоценных камней, изящных веночков, расположенных в изысканном порядке и повторяющих изгиб качелей. Если солнце пробивается сквозь туман, все вокруг озаряется радужными огнями и превращается в сверкающую россыпь бриллиантов. Число e во всей своей красе.

Геометрия, то есть наука о гармонии в пространстве, господствует над всем. Мы находим это в расположении чешуек еловой шишки, как в расположении известковой паутины Эпейры; мы находим это в спирали раковины Улитки, в венке нити Паука, как в орбите планеты; это повсюду, столь же совершенное в мире атомов, как и в мире необъятностей.

И эта универсальная геометрия рассказывает нам об Универсальном геометре, чей божественный компас измерил все вещи. Я предпочитаю это, как объяснение логарифмической кривой аммонита и Эпейры, Червя, закручивающему кончик своего хвоста. Возможно, это не соответствует учению последних дней, но для этого требуется более высокий полет.

СНОСКИ

{1} Паук небольшого или среднего размера, обитающий в листве.Примечание переводчика.

{2} Леон Дюфур (1780-1865) был армейским хирургом, с отличием прошедшим несколько кампаний и впоследствии практиковавшим врачом в Ландах. Он достиг большого положения как натуралист.— Примечание переводчика.

{3} Тарантул - это ликоза, или паук-волк. Птицеед Фабра, чернобрюхий птицеед, идентичен нарбоннскому ликозу, под названием которого описание продолжается в главах iii. к VI., все из которых были написаны значительно позже, чем настоящая глава.— Примечание переводчика.

{4} Джорджио Багливи (1669-1707), профессор анатомии и медицины в Риме.Примечание переводчика.

{5} "Когда наши земледельцы хотят поймать их, они подходят к своим убежищам и играют на тонкой травяной дудочке, издавая звук, мало чем отличающийся от пчелиного жужжания.

Услышав это, Тарантул яростно выбегает, чтобы поймать мух или других насекомых этого вида, жужжание которых она принимает за жужжание; но ее саму ловит ее деревенский охотник".

{6} На провансальском языке обозначается участок пустыря, на котором автор изучает своих насекомых в естественном состоянии.Примечание переводчика.

{7} "Спасибо Шмелю".

{8} Как навозные жуки.Примечание переводчика.

{9} Как Одиноким осы.Примечание переводчика.

{10} Такие как волосатая аммофила, церцерис и лангедокский сфекс, осы-копатели, описанные в других эссе автора.Примечание переводчика.

{11} *деснукадор*, аргентинский мясник, чьи методы забоя скота подробно описаны в эссе автора, озаглавленном "Теория инстинкта".Примечание переводчика.

{12} Семейство кузнечиков.Примечание переводчика.

{13} Род жуков.Примечание переводчика.

{14} Разновидность ос-копалок.— Примечание переводчика.

{15} Цикада - это *Cigale*, насекомое, родственное кузнечику, обитающее, в частности, на юге Франции.Примечание переводчика.

{16} Общее название работы, из которой взяты эти эссе, - "Энтомологические воспоминания, или Исследования, касающиеся инстинктов и привычек насекомых".Примечание переводчика.

{17} Вид кузнечиков.— Примечание переводчика.

{18} Насекомое, родственное Саранче и сверчкам, которое в состоянии покоя принимает позу, напоминающую молитву. Атакуя, он принимает так называемую 'призрачную позу'. Его передние лапы образуют что-то вроде пилообразных или зазубренных гарпунов. Ср. "Социальная жизнь в мире насекомых" Ж. Х. Фабра, перевод Бернарда Миаля: парни. v.— vii. - Примечание переводчика.

{19} . 39 дюймов.Примечание переводчика.

{20} Эти эксперименты описаны в эссе автора о пчелах-масонах, озаглавленном "Фрагменты психологии насекомых".Примечание переводчика.

{21} Разновидность осы.— Примечание переводчика.

{22} В главе. VIII. настоящего тома.- Примечание переводчика.

{23} Жюль Мишле (1798-1874), автор "Узо" и "Тайны", в дополнение к историческим трудам, которыми он в основном известен. В детстве он помогал своему отцу, печатнику по профессии, набирать шрифт.— Примечание переводчика.

{24} Глава III. настоящего тома.— Примечание переводчика.

{25} Вид навозных жуков. Ср. "Жизнь и любовь насекомого" Ж. Анри Фабра, перевод Александра Тейшейры де Маттоса: глава v. — Примечание переводчика.

{26} Вид жуков.Примечание переводчика.

{27} Ср. "Жизнь насекомых" Ж. Х. Фабра, переведенная автором книги "Мадемуазель Мори: главы i и ii"; "Жизнь и любовь насекомого" Ж. Анри Фабра, переведенная Александром Тейшейрой де Маттосом: главы с i по iv" — Примечание переводчика.

{28} Глава II. — Примечание переводчика.

{29} .39 дюйма.Примечание переводчика.

{30} Процессии - это гусеницы моли, которые питаются различными листьями и маршируют гусеницами, оставляя за собой шелковистый след. — Примечание переводчика.

{31} Еженедельные каникулы во французских школах.Примечание переводчика.

{32} Ср. "Социальная жизнь в мире насекомых" Ж. Х. Фабра, перевод Бернарда Миалля: глава xiv. — Примечание переводчика.

{33} Ср. "Жизнь насекомых" Ж. Х. Фабра, переведенная автором книги "Мадемуазель Мори: глава v." — Примечание переводчика.

{34} Сколия - это оса-копалка, подобная церцерис и сфексу, и питает своих личинок личинками цетонии, или розоводки, и Ориктеса, или жука-носорога. Ср. "Жизнь и любовь насекомого" Ж. Анри Фабра, перевод Александра Тейшейры де Маттоса: глава xi. — Примечание переводчика.

{35} Ср. "Социальная жизнь в мире насекомых" Ж. Х. Фабра, перевод Бернарда Миалля. глава. xiii., в которой из-за типографской ошибки название дано как *Philanthus aviporus*.Примечание переводчика.

{36} Или пауки-птицы, известные также как американский тарантул.Примечание переводчика.

{37} 0,059 дюйма.Примечание переводчика.

{38} Мухи-ихневмоны - очень мелкие насекомые, несущие длинные яйцеклады, с помощью которых они откладывают яйца в яйца других насекомых, а также, особенно, в гусениц. Их личинки-паразиты живут и развиваются за счет атакованного яйца или личинки, которые в результате дегенерируют.— Примечание переводчика.

{39} Одно из крупнейших семейств жуков, темноватого цвета, избегающих света.Примечание переводчика.

{40} Подвздошный кишечник относится к семейству многоножек, в которое входят многоножки и др. — Примечание переводчика.

{41} Вид наземных улиток.- Примечание переводчика.

{42} Жак Бернулли (1654-1705), профессор математики Базельского университета с 1687 года до своей смерти. Он усовершенствовал дифференциальное исчисление, решил

изопериметрическую задачу и открыл свойства логарифмической спирали. — Примечание переводчика.